

ДРУГИЕ МИРЫ

Ирина Шевченко

ОСТОРОЖНО,
ЖЕНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Другие миры (АСТ)

Ирина Шевченко

Осторожно, женское фэнтези!

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шевченко И. С.

Осторожно, женское фэнтези! / И. С. Шевченко — «Издательство АСТ», 2018 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-111694-1

Когда-то я завидовала героиням романов и мечтала оказаться на их месте. Прямо скажем, завидовать мне не стоило. Хотя, возможно, все было бы иначе, окажись я на месте героини какой-нибудь другой книги, а не своей собственной, к тому же недописанной. Теперь, чтобы вернуться домой, придется закончить историю изнутри. Разобраться с таинственными исчезновениями студентов магической академии, влюбить в себя неприступного красавца и при этом не завалить учебу. Задача непростая, но с божьей помощью справлюсь. Только вот бог, который меня в это втянул, помогать не спешит...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111694-1

© Шевченко И. С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	79
Глава 13	87
Глава 14	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ирина Шевченко

Осторожно, женское фэнтези

Глава 1

Меня окружала темнота. Плотная, непроглядная. Потом над головой что-то щелкнуло, и широкий луч высветил на полу передо мной круг, в центре которого сидел на табурете мальчишка лет пятнадцати. Обычный такой мальчишка: белобрысая шевелюра, рваные джинсы, кроссовки, черная футболка с иероглифами.

– Привет, – улыбнулся он мне. – Я Мэйтин.

И не холодно ему в футболке? Все-таки зима на дворе.

– Привет, – поздоровалась я. – Марина. Я за Графом.

– Здесь таких нет.

– Граф – это кот.

Сволочь мохнатая! Все планы на вечер испоганил. Я пиццу заказала, сериал любимый включила, а тут – соседка: «Маришенька, котик твой на крышу вылез, плачет, бедненький». Снова чердачный люк открытым оставили, вот он и вылез. А обратную дорогу найти, видать, не судьба.

Пришлось натягивать куртку и лезть на чердак.

– Это не чердак, – заявил мальчишка.

– Что же тогда? – спросила я, отмечая, что для чердака тут и правда слишком просторно и чисто.

– Терминал. Буферный отсек между мирами.

– А, это у вас игра такая?

– Вся наша жизнь – игра.

Странный. Я барышня не хрупкая и не робкая, малолетки, даже когда они толпой у подъезда трутся, меня не пугают, но с этим точно что-то не так. Пойду-ка я отсюда.

– Куда? – полюбопытствовал пацан.

– Домой, – не отводя от него взгляда, я попятилась, но уже на втором шаге уперлась спиной в стену.

– Не получится. Проход в ту сторону заблокирован.

– Слушай, это не смешно! – я мелкими шажочками продвигалась вдоль стенки в надежде наткнуться на дверь. – Выпусти меня... как тебя там...

– Мэйтин, я же сказал.

– Мэй... Что за чушь? Нет такого имени. Я...

– Сама его придумала, – закончили за меня.

Придумала, да. Несколько лет назад решила книжку написать – фэнтези, женское, романтическое. И был там такой...

– Вечно юный бог Мэйтин, – он спрыгнул с табурета и церемонно раскланялся.

– Бог? – зачем-то уточнила я. – Ты?

– Разве не похож? Ты имя как сочиняла? «Мэй» – май на английском. «Тин» – подросток. Майский подросток. Вот так как-то получилось.

Я медленно сползла по стене.

Ладно, кто-то мог влезть в мой компьютер, найти старые файлы и организовать розыгрыш с терминалом между мирами. Чердак расчистить, соседку подговорить, Графа на крышу выпихнуть. Но кто знал, как я придумывала имена для героев? А Мэйтин и не герой, просто упоминался как...

– Верховное божество Трайса, – важно кивнул подросток. Майский. – У тебя там, кстати, то «Трайс», то «Трейс», но я решил, что будет Трайс. И без путаницы с названиями проблем хватает.

Не знаю, какие у него проблемы, а вот у меня – серьезные. Минимум шизофрения.

– А максимум? – поинтересовалось божество.

Надоело, что он отвечает на мои мысли, и я начала рассуждать вслух:

– Максимум – предсмертный бред. Я выбралась на чердак, потом на крышу, оступилась и полетела вниз. Лежу сейчас с разбитым черепом и предсмертно брежу.

– Богатая у тебя фантазия, – похвалил Мэйтин. – Что же ты, с такой фантазией, книгу не закончила?

– Наскучило.

– Отлично, – нахмурился плод моего воображения. – История мира застряла в одной точке, потому что кому-то наскучило ее писать!

Он меня в чем-то обвиняет, что ли?

– Обвиняю. Мы в ответе за тех, кого сочинили, или как?

– Кого приручили, – поправила я машинально.

– А те, кого сочинили, пусть погибают, да? – божество подскочило ко мне, подхватило под мышки и рывком подняло с пола, на котором я уже освоилась и собиралась просидеть до приезда скорой. – Нет уж, автор наш дорогой, так не пойдет!

Вблизи он уже не казался обычным мальчишкой. Переместившийся за ним луч позволил рассмотреть лицо, может, и не красивое, но какое-то нереально правильное; рисунок-орнамент из тонких белых шрамов, тянувшийся от левого виска к подбородку, и серебряные искорки в волосах. Глаза его непрерывно меняли цвет. За несколько секунд они успели побыть и голубыми, и карими, и – эталон фэнтези – фиалковыми. Точно помню, что ничего подобного не писала. Я вообще о нем не писала, если на то пошло, только имя придумала, чтобы в моем мире была какая-никакая религия.

– Если ты не уделила внимания внешности персонажа, это не значит, что он должен оставаться безликим, – высказал мне Мэйтин. – А я к тому же бог!

– Хорошо, – смирилась я. – И чего ты от меня хочешь, бог?

– Чтобы ты закончила историю. Тогда Трайс будет жить.

– Но я не писала историю Трайса. Я писала о девушке, которая учится в магической академии. Популярная тема. Просто девушка. Учится, гуляет с друзьями, влюбляется.

– В ректора, – бог хмыкнул. – Тоже популярная тема?

– Не поверишь насколько, – вздохнула я.

– Уже поверил. А теперь и ты поверь: твоя просто девушка оказалась центральной фигурой мироздания, и, пока ее история не будет закончена, история Трайса не может продолжаться.

– В смысле «закончена»? Мне что, ее жизнь вплоть до похорон расписывать?

– Зачем? Только до того места, где должна была закончиться книга. Героиня разгадывает все тайны, заканчивает академию и выходит замуж за любимого мужчину. Если планировала писать вторую часть – забудь.

С запозданием – с этого следовало начинать – я ущипнула себя за запястье и громко ойкнула.

– Это не сон, – подтвердил Мэйтин. – И не бред. Санитары за тобой не приедут.

– Понятно. Так я это... пойду?

– Куда?

– Книжку дописывать.

– Это уже не поможет. Чтобы закончить историю, ты должна стать ее частью. Или навсегда застрянешь в терминале. Я же сказал, путь в твой мир закрыт.

– С-совсем? – выдавила я.

– Совсем, но не навсегда. Спасешь мой мир – сможешь вернуться в свой.

Приехали. Я – спасительница мира? Боже, пусть это будет все-таки шизофрения!

– И не мечтай, – ответствовал боже. Приосанился и с пафосом спросил: – Готова ли ты исполнить свое предназначение?

Я собиралась отнекиваться до последнего, но вдруг подумала: а что я, собственно, теряю? Пусть я не из тех, кого нынче называют сильными независимыми женщинами, а подразумевают: одиночка за тридцать, живет с котом... То есть да, мне тридцать два, и кот есть, но у меня совсем другая история. И все же эта встреча в темноте – самое интересное, что случилось со мной в последние годы. Даже если это сумасшествие – очень уж симптомы занимательные. А если нет – какой у меня выбор? Остаться в пустом терминале с одной табуреткой и фонарем под потолком?

– Табурет я заберу, – предупредил Мэйтин. – И свет выключу.

– Ой! У меня же свет в квартире включен! И телевизор! А кот на крыше!

– Если сделаешь все правильно, вернешься в свой мир и в свою жизнь в тот же момент, на котором попала в терминал, – успокоил бог. Правда, неуверенное «если» вместо четкого «когда» немного настораживало.

Протянув руку за границу света, Мэйтин вытащил из пустоты толстый фолиант с неразборчивым тиснением на обложке.

– Читай.

– Все?!

– Хватит первой страницы.

С трудом удерживая книгу в руках, я открыла ее и пробежала глазами начальные строчки. Снова подумалось, что все это хитроумный розыгрыш.

– Вслух, – велел Мэйтин.

– Меня зовут Элизабет Аштон. Для своих – Элси. Уже третий год я учусь в магической академии на отделении боевой магии...

Никогда еще мне не было так стыдно, как сейчас, когда я зачитывала вслух свое бездарное сочинение. Но страдать пришлось недолго. Я и страницу закончить не успела, как свет погас, книга выпала из рук, а в следующий миг я поняла, что лежу с закрытыми глазами на чем-то мягком.

– Просыпайся! – встряхнули меня за плечи.

Не открывая глаз, я вздохнула: все-таки сон. Даже обидно...

– Просыпайся! – не умолкал над ухом женский голос. – Просыпайся же, Элси!

Не сон.

Открыв глаза, я увидела склонившуюся надо мной девушку. Пухленькая, невысокая, со вздернутым носиком, ореховыми глазами и копной вьющихся каштановых волос, она идеально подходила под описание, которое я дала соседке своей героини – Маргарите. И, полагаю, ею и была. Хотя надежда, что все это бред и галлюцинации, еще не совсем меня оставила.

– Наконец-то! Я уже собиралась звать некромантов.

– Мэг? – прошептала я неуверенно.

– Что? – отозвалась целительница.

Здорово я придумала поселить героиню в одной комнате с целительницей. Вот сейчас хватит меня удар – будет кому откачивать.

Я медленно поднесла к лицу руку. Рука была чужая: изящная, с нежной кожей, длинными пальчиками и острыми розовыми ноготками. Но росла определенно из меня.

– Элси, что с тобой? – забеспокоилась Мэг. – Ты как себя чувствуешь?

– Плохо, – ответила я чужим, хриплым спросонья голосом.

– Сейчас будет еще хуже, – вздохнула соседка. – Тебя...

– Ректор вызывает, – закончила я, подражая Мэйтину.

– Откуда ты знаешь?

Откуда-откуда... Оттуда! Как раз на этом моменте я и забросила книгу.

– Элси? – Мэг все еще ждала ответа.

– Потом, – отмахнулась я.

Чужими руками ощупала свои-чужие волосы и почти не удивилась, что вместо короткой стрижки у меня длинная, растрепавшаяся за ночь коса. Светло-русая – цвет совпадал с тем, что был у меня в реальности.

Откинув одеяло, поднялась с кровати. Я стала на несколько сантиметров выше, пол был дальше, чем обычно, и из-за этого, а еще от граничащего с паникой волнения у меня закружилась голова. К горлу подкатила тошнота. Ноги – длинные и стройные, конечно же, – дрожали. Грудь под легкой батистовой сорочкой тяжело вздымалась. А вздыматься там было чему.

Оглядев комнату, я нашла в углу большое овальное зеркало и направилась к нему, уже зная, что увижу. Прекрасное юное лицо, фарфоровая кожа, высокие скулы, аккуратный носик, полные коралловые губы и огромные сапфировые глаза – разве не так должна выглядеть героиня любовного романа, у которой ко всему отметились в родословной эльфы?

Однако отражение превзошло все ожидания.

Зато стало ясно, что мутит меня не только от волнения.

– Мэг, – простонала я, зажмурившись, – что вы... мы вчера пили?

– Все.

В предыдущей главе девчонки с прорицательского устроили небольшой сабантуй. Если бы знала, чем все обернется, не писала бы тот эпизод. Вообще книгу не писала бы, если б знала!

– М-мэтин...

– Не время молиться, – мне в руку сунули стакан. – Пей.

Я опрокинула в себя походившую цветом на чай жидкость и скривилась. Как можно было забыть про антипохмельный эликсир Мэг? Сама же придумала. Гадость редкая! Но действенная. Во рту еще ощущалась терпкая горечь, а тошнота и дрожь в коленках исчезли без следа.

Повторный взгляд в зеркало показал, что все не так плохо. Черные круги под глазами – размазанная тушь. Пятна на щеках – осыпавшиеся тени. Глаза, как и положено, сапфировые, скулы высокие, а все остальное можно смыть...

Но как?! Как такое возможно? Читала я книги, в которых герои с бодуна попадают в другой мир, но чтобы ничего крепче кофе не пить и очнуться в уже похмельном теле?

– Мне пора, а ты не вздумай снова завалиться в постель! – строго наказала целительница. – Милорд ректор не любит ждать.

Едва она вышла за дверь, я рухнула на кровать.

Боже, сделай, чтобы это закончилось!

– Не сделаю.

Мэйтин! Вот кто во всем виноват!

Не найдя под рукой ничего тяжелого, я схватила подушку и кинулась на устроившегося на подоконнике майского гаденыша.

– Ты что удумала, смертная? – с любопытством спросил он, в тот же миг оказавшись у меня за спиной.

– А ты что удумал, недоросль?!

Я развернулась, но Мэйтин уже переместился на шкаф.

– План я сразу объяснил, – напомнил оттуда. – Ты согласилась.

– Я? Да разве я знала? Да если бы...

Ну кто в здравом уме предположил бы, что так получится? Любопытно было, необычно... Но чтобы так? И что мне теперь делать, а? Разве что усесться на пол и разрыдаться.

– Вот этого не надо. – Бог соскочил на пол, вырвал из моих рук подушку и стукнул меня ею по голове. – Ну? Как себя чувствуешь?

– Я...

Задумалась.

А как должна себя чувствовать женщина, в один миг сбросившая десяток лет и столько же килограммов? Нет, толстой я никогда не была и внешность моя меня устраивала, но с Элизабет я и в юности не сравнилась бы. Ненадолго занять ее место показалось даже интересно...

Что ты сделал со мной, Мэйтин?

– Сэкономил тебе время и нервы. Ты осознала реальность происходящего и смирилась с неизбежным. Без меня на это ушло бы не менее двух недель.

– Знаешь, как это называется? Рояль. Необоснованная подачка герою.

– Если бы ты такое написала, был бы рояль, – не согласился он. – А в моем случае – божье чудо. Чувствуешь разницу?

Появление в сюжете бога-чудотворца, такого себе *deus ex machina*, – рояль из роялей, известный еще с античных времен, но я не стала этого говорить.

– Ты же помнишь, что я слышу твои мысли? – усмехнулся Мэйтин.

Угу.

– А то, что милорд ректор не любит ждать?

И это, к сожалению, тоже.

Милорд Оливер Райхон, мастер темных материй, лучший в академии специалист по проклятиям. При всех регалиях еще достаточно молод и невероятно хорош собой. Мужчина-мечта. Но к встрече с мечтой я была не готова: от встречи со сказкой еще не отошла.

– Мэйтин, – я с мольбой уставилась на юное божество. – Можешь сотворить еще одно чудо и разругать ситуацию без меня?

– Думаешь, если бы мог, тащил бы тебя сюда? Я бог, а не автор.

Так сказал, что впору загордиться. Но я-то знаю, какой из меня автор.

– Как это вообще работает? В смысле, я написала, и получился мир?

– Ты написала, и получился мир, – пожал плечами бог.

– А как я сюда попала?

– Так через терминал же.

– А язык? Я понимаю местный язык, я с Мэг говорила. Это при перемещении автоматически настраивается?

– Ты на каком языке книгу писала? – закатил он глаза. – Что еще тебе должно было настроиться? Субтитры? Все, хватит вопросов! Ректор заждался уже. Умывайся, причесявайся, а я наряд тебе подберу. Как-никак на встречу с мужчиной своей мечты идешь.

– Ее мечты! Ее! Я не Эlsi.

– Неужели? – притворно удивился Мэйтин. – А так похожа. В ванную, бегом!

Прежде чем выполнить приказ, я осмотрелась: раз уж придется тут задержаться, нужно хотя бы местность изучить.

При написании книги я не заостряла внимания на интерьерах, но, несмотря на это, а может быть, именно благодаря тому, что я не написала ничего лишнего, комната у Эlsi и Мэг получилась уютная. Не слишком большая, но и не тесная. Два высоких окна, в простенке – книжный шкаф, у противоположной стены рядом со входной дверью – большой платяной. Две кровати, письменный стол, пара стульев, туалетный столик – много ли нужно двум студенткам? И ванная – туда вела небольшая дверца в углу.

Взглянув в висящее над раковиной зеркало, я и правда почувствовала себя героиней. Только не фантастического романа, а бородатого анекдота.

– Я тебя не знаю, но я тебя умою, – пообещала отражению.

Умытая Элси понравилась мне больше. Выяснилось, что мы даже похожи. Как сестры. Только Элси – красивая сестра, а я – та, которой на ее фоне не осталось ничего, кроме как быть умной. Но судя по тому, где я оказалась, и с этим не сложилось.

Рефлексировать я себе не позволила. Стянула сорочку, ополоснулась холодной водой и растерлась полотенцем, чтобы взбодриться перед свершениями.

Хорошо, что я снабдила общежитие водопроводом и канализацией. Да и условную эпоху выбрала не слишком древнюю – примерно конец девятнадцатого века, если равняться на историю родного мира. Только подкорректировала кое-что и установила гендерное равенство. Вполне комфортный должен был получиться мирок.

В последнем, вернувшись в комнату и увидев приготовленные вещи, я несколько усомнилась.

– Что это?! – Длинные широкие панталоны вселяли ужас.

– У тебя это называлось «историческая достоверность костюма», – напомнил Мэйтин. – Тут еще лиф, корсет, нижняя юбка и чулки. От кринолинов и турнюров ты сразу отказалась.

– Слава богу.

– Слава мне, – согласился белобрысый.

– А может, ну его? Есть же эльфийские платья, – вспомнила я. – У Элси их аж три, одно она надевала на Осенний бал.

– Эльфийские – это которые «соблазнительно облегают грудь и бедра»?

– Они самые. Их носят без корсета.

– Их носят вообще без белья, – осклабился Мэйтин. – Чтобы облегалo лучше. И, когда ты в таком платье, все вокруг знают, что на тебе ничего больше нет.

– Я подобного не писала!

– А логику включить? Представь, как ты будешь выглядеть, если наденешь наряд из «легкой струящейся ткани» поверх вот этого, – он помахал панталонами.

– Может, эльфы уже изобрели стринги? – предположила я.

– Этого ты тоже не писала.

Прокол. Но все же странно: какие-то вещи, о которых я не писала, прекрасно себе существуют, а каких-то как не было, так и нет.

– Если есть предпосылки к возникновению чего-либо, оно появится, – разъяснил Мэйтин. – Если нет, то нет. Например, ты не расписывала географию мира, но она сформировалась сама собой. Как и общая демографическая картина. Естественно же, что академия – не единственное населенное место на планете.

– Хочешь сказать, предпосылок для появления нормального белья не было? – пробурчала я.

– На все нужно время. Лет через сто додумаются до привычных тебе фасонов.

Так долго я ждать не собиралась и, выставив бога-тинейджера из комнаты, принялась облачаться в исторически достоверный костюм.

Благодаря сайтам, посвященным истории моды, на которые я заглядывала, взявшись писать роман, процесс одевания был мне в теории знаком. На практике все оказалось гораздо сложнее, а всякий раз, глядя в зеркало, я шарахалась в сторону, увидев вместо привычного изображения незнакомую девицу. Зато появилось время обдумать, куда меня занесло и что теперь делать.

В том, что все это не сон и не бред, после чуда божьего я не сомневалась, но энтузиазм первых минут просветления уже иссяк. Легко сказать «закончи историю». А как это сделать, если не представляешь, чем она должна закончиться? Писала я по наитию, план был лишь примерный и только в части развития любовной линии: они встречаются, влюбляются, объясняются, женятся. Так себе план, мягко говоря, но детективная линия, которую я ввела,

чтобы разбавить романтику, и такого не имела. Таинственные исчезновения, зловещие знаки – разгадка этому должна была появиться ближе к финалу, после объяснения, но до свадьбы. На роль главного злодея в равной степени претендовали эльфийские послы, уволенный профессор некромантии, амбициозный демонолог и красавица Камилла Сол-Дариен, читавшая основы магии у начальных курсов. Мотивы были у всех. Точнее, их можно было придумать. Например, эльфы хотели использовать кровь юных магов в ритуале, который избавил бы мир от людского племени. Некромант желал отомстить за несправедливое смещение. Демонолог вступил в заговор с демонами и намеревался открыть им проход на Трайс. А Камилла Сол-Дариен – бывшая пассия милорда Райхона, любимого мужчины Элизабет, – входила в круг подозреваемых независимо от наличия мотивов и алиби. Если бы пришлось заканчивать книгу традиционным способом, я бы поставила именно на нее, чтобы одним махом избавиться и от злодейки, и от соперницы. Но теперь не поручусь, что Камилла имела отношение к исчезновениям. Мэйтин должен был бы знать, кто истинный виновник, но после фразы «Я бог, а не автор» я не слишком на это надеялась.

Плохо без плана. Но что говорить, если я даже название своему творению подобрать не смогла. Был один вариант, но он содержал спойлер, и я от него отказалась. Думала, потом само придумается, как и развязка. Наверное, нельзя так, но я же не настоящий писатель.

Идея написать книгу появилась у меня после развода. Это событие, само по себе не особо трагичное, завершало череду обрушившихся на меня бед и стало последней каплей, переполнившей чашу душевного равновесия. Я понимала, что должна хоть ненадолго отстраниться от реальности, чтобы не сойти с ума. Тогда-то и задумалась о романе. Ничего серьезного, простенькая историйка в жанре популярного романтического фэнтези. Героиня, у которой нет моих проблем, зато есть красота, молодость, магический дар, верные друзья, а главное – любимый мужчина, сильный и надежный.

– Точно!

Просунув голову в горловину платья, я хлопнула себя по лбу. У меня не было плана, когда я писала книгу, но сейчас-то он есть! Отличный план, состоящий всего из одного пункта: Оливер Райхон.

Я собиралась еще несколько глав помучить его полудетскими выходками Элси, вносящими в сюжет элементы юмора, но придется ускорить события. Объяснение состоится раньше, и после ректор просто обязан будет разобраться с тем, что творится во вверенном ему учебном заведении, и защитить возлюбленную от неведомого злоумышленника.

– Звучит оптимистично, – одобрил появившийся в комнате Мэйтин. – Думаешь, получится?

– А как же иначе?

Два года красавчик Оливер не обращал на Элси внимания (эти годы уместились у меня в два абзаца), но в начале третьего курса, на Осеннем балу...

– Куда Элизабет пошла без панталон, – вставил язвительный бог.

– Зато имела огромный успех!

Потерянные годы понадобились мне, чтобы сделать героиню старше и, насколько возможно, опытнее. Роман между преподавателем и юной первокурсницей отдает извращениями. А так все нормально: ей двадцать, ему около сорока. Она – хрупкая блондинка, он – жгучий брюнет атлетического сложения. Она немного легкомысленна, он рассудителен и сдержан. По всем параметрам прекрасная пара.

– Хм, – Мэйтин задумчиво потер подбородок. – Если так, идеальная пара для меня – это Гшин.

– Кто?

– Гшин. Мать демонов. О ней ты не писала, но практически во всех религиях у бога есть антипод. У меня это Гшин.

– А почему вы с ней идеальная пара?

– Как почему? Я юный, стройный блондин, а она жирная старуха с клочками тьмы вместо волос.

– Иди ты! – махнула я на шутника. – Только с мысли сбиваешь.

Перед встречей с мужчиной ее мечты я хотела припомнить все события с первой главы. Хотя первая была вводной, познакомила читателей с Элизабет и ее друзьями: целительницей Маргаритой, прорицательницей Сибил, магом-оборотнем Норвудом и эльфом Глайнвиллем, о котором, кроме того, что он эльф, я ничего не писала и сама теперь не знала, на каком факультете он учится. Но это и не важно. Главное начинается во второй главе. Элси без панталон... Тьфу ты! Элси в эльфийском платье идет на бал. Там она тайком наблюдает за милордом Райхоном и размышляет, попутно сообщая читателям, какой ректор красавец, как она бледнеет и краснеет, когда он входит в аудиторию, и как учащенно бьется ее сердце при звуках его голоса. Когда объявляют танец-загадку (в зале выключают свет, и никто не видит, кого выбрал в партнеры), Элизабет идет на хитрость: задействует заклинание ночного зрения, находит Оливера, танцует с ним, а затем целует в губы и убегает, прежде чем свет зажжется.

В третьей главе она обдумывала этот поступок и грустно вздыхала, а на практикуме по темным материям, который проводил Оливер, нечаянно наслала на него проклятье, проявившееся в виде отросшего у ректора хвоста.

В четвертой – отбывала наказание в книжном хранилище, где подслушала разговор преподавателей и узнала об исчезновении нескольких студентов. А в пятой главе, после того как Оливер отчитал Элси за маленькое недоразумение на уроке алхимии, она увидела на стене главного корпуса кровавую надпись, но не успела прочесть, как та исчезла.

– Техника чтения у нее не очень? – насмешливо осведомился Мэйтин.

– Надпись была на древнем языке! – вступилась я за героиню. – Только не придумала еще на каком.

– И уже не придумаешь. Все произошло, как произошло. Трое студентов пропали. Декан факультета прорицания месяц не приходит в сознание после того, как пыталась определить их местонахождение. Кровавые буквы на неизвестном языке появляются то там, то тут. В восточной оранжерее белые розы стали черными, а попугай смотрителя твердит одно слово: «Берегись!» Смотритель на грани, вот-вот свернет бедной птице шею.

– Оливер с этим разберется. Сейчас Элси его как вдохновит!

– Тебя не смущает, что Элси в данный момент – это ты? – полюбопытствовал Мэйтин.

– Ни капельки. Я взрослая женщина, и пара поцелуев с незнакомым мужчиной карму мне не испортят.

А если мужчина окажется таким, каким я его себе представляла, готова не только на поцелуи. И плевать, что подумает обо мне божок-желторотик.

– Ничего не подумаю. И не забывай, внешность обманчива. Я старше, чем этот мир.

– Я тебя придумала, – напомнила я.

– Ты придумала меня уже старше, чем этот мир, – парировал белобрысый.

Не помню, чтобы писала, что вечно юный бог Мэйтин обладает специфическим чувством юмора и не может удержаться от подначек.

– Богу без чувства юмора нельзя, – вздохнул он. – Свихнуться можно с вами, смертными. Вот что ты ищешь в шкафу уже пять минут?

– Проход в Нарнию, – буркнула я. – Пальто я ищу, за окном зима, между прочим!

– За дверь выгляни, – посоветовал бог.

Оказалось, у комнаты имелась прихожая, где висела на вешалке верхняя одежда, а на обувной полке стояла обувь для улицы.

– Какие из этих вещей мои... то есть Элси? – растерялась я. – И вообще...

Почему я сразу об этом не подумала? Как я буду изображать Элизабет, если ничего тут не знаю? К ректору собралась – а куда идти? А занятия? А друзья? А...

Нет, все пропало, шеф, все пропало!

– Без паники, – приказал Мэйтин. – Ты сейчас в теле Элси. Ее память, как и ее способности, к твоим услугам. Просто я поставил защиту на первых порах. Хотел сначала предупредить тебя о возможных побочных эффектах от слияния личностей.

– Слияния? То есть я буду уже не я, а какой-то гибрид? Марина-Элизабет? Марибет?

– «Марибет» мне нравится, – беспечно объявил бог. – Но ты останешься собой. Ты же автор. А Элси – героиня, вторичная сущность. Она может давать знать о себе. Появятся новые слова в лексиконе или новые вкусовые пристрастия... Но ты – это ты, и «приветы» от Элси, если не станут частью твоей натуры, со временем пропадут.

– Со временем? – насторожилась я, хоть и понимала, что сделанного не отменить. – На сколько ты меня сюда забросил?

– До окончания истории. Так что в твоих интересах разобраться с ней поскорее. А пока готовься к еще одному божьему чуду.

Я ожидала, что он снова чем-нибудь меня стукнет, но Мэйтин так и стоял, сунув руки в карманы джинсов. И ничего необычного я не чувствовала. Почти...

– Мое пальто!

И вот эти сапожки – мои. А полосатый шарф, питоном свисающий с вешалки, – подарок Мэгги от бабушки. Подруга никогда его не надевает, но и выбросить не разрешает.

Так это и есть слияние? Как-то просто все с этим *deus ex machina*.

– Я делаю все, что в моей власти, чтобы облегчить тебе задачу, – сказал *deus*. – Но моя власть не безгранична.

Глава 2

Мне начинало нравиться это приключение. Разве не здорово получить во временное пользование биографию без темных пятен, чудесное тело, друзей и любимого мужчину? И я не шутила, говоря, что планирую извлечь из отношений с ректором максимум приятностей. В моих жизненных планах уже три года значился пункт «Завести любовника», но, едва представлялась такая возможность, я шла на попятную: то ли все еще ждала чего-то большого и светлого, то ли, наоборот, боялась, что мимолетная интрижка разовьется в нечто серьезное. Здесь же, в придуманном мире, все было игрой. Отчего не сыграть?

В таком приподнятом настроении я шла к нему, к мужчине ее мечты.

Идти было не близко. Описывая академию, кое-кто не удовлетворился парой-тройкой стоящих по соседству корпусов или переоборудованным под учебное учреждение замком. Нет, этот кое-кто придумал целый академический городок, занимавший обширную площадь в долине у подножия скалистых гор. Тут были парки, стадионы, оранжереи, музеи, театр, больница, пожарная часть и даже кладбище. Учебные корпуса и студенческие общежития разбросало по всей территории, а преподаватели и служащие академии жили в небольших поселках, жавшихся к окраинам городка. Сейчас все вокруг покрывал пушистый снег, блестящий в ярких солнечных лучах, и уверенность, что я попала в сказку, крепла с каждым шагом.

Дорога до главного корпуса заняла полчаса. Отчасти это обуславливалось непривычной обувью и моим неумением ходить в длинных платьях, еще и с пышной нижней юбкой, но к концу пути я худо-бедно освоилась с обновками.

Оставила пальто в гардеробе. Полюбовалась собой-Элизабет в высоком зеркале, отметив, как удачно Мэйтин выбрал платье. Не эльфийское, но грудь и талию облегал и подчеркивало, а насыщенный синий цвет прекрасно гармонировал с глазами Элси. Или моими? После объединения сознаний отражение уже не казалось чужим, лишь непривычным, как бывает, когда кардинально меняешь прическу. Но эта прическа, как и все к ней предлагающееся, мне нравилась.

Оглядев себя с головы до ног, я направилась в приемную.

– А, мисс Аштон, – секретарь, молодой, но до ужаса неприятный брюнет, весь какой-то скользкий, прилизанный, поднял голову, отвлекшись от кипы документов. – Милорд Райхон ждет вас... – он демонстративно посмотрел на настенные часы, – уже давно.

Сердце екнуло, колени мелко задрожали. К чему бы это?

В кабинет ректора я не вплыла лебедушкой, а вползла недужной черепахой. И застыла в дверях, увидев его. Или, как принято писать в женских романах, – Его. Потому что это был именно Он, с большой буквы и никак иначе.

Он стоял у окна, как король, оглядывающий с дворцовой башни свои владения. Высокий, статный. Серая ткань сюртука натянулась на широких плечах. Блестящие черные волосы собраны на затылке в длинный, почти до пояса хвост. Когда я вошла, Он обернулся, и я увидела смуглое лицо, высокий лоб, резко очерченные скулы, прямой нос и плотно сжатые губы. Заглянула на миг в завораживающую ночь его глаз – и отвела взгляд.

– Здравствуйте, мисс Аштон. – Голос у него был красивый, сильный и властный. – Присаживайтесь.

Я послушно заняла кресло, на которое мне указали, и опустила голову.

– Не переигрывай, – посоветовал появившийся из ниоткуда Мэйтин. В джинсах и футболке он странно смотрелся рядом с безупречно элегантным Оливером, но ректор и не заметил присутствия божества.

– Вы знаете, почему я вас вызвал? – спросил он меня строго.

Я отрицательно замотала головой.

– Неужели? И вам неизвестно, отчего смотритель музея-бестиария разбудил меня телефонным звонком в третьем часу ночи? И кому я обязан счастьем через полчаса после этого лицезреть под своими окнами ожившее чучело василиска, трех горгулий, давно мумифицированных, но почему-то не утративших способности к передвижению, и не уступающий им в подвижности скелет плотоядной коровы?

Корову помню. Нравился мне в детстве этот мультфильм про страну невыученных уроков, вот шутки ради и упомянула в книге.

– Хороша шутка, – мрачно выговорил Мэйтин. – От клыков плотоядных коров погибает до ста человек в год.

– Как?! – воскликнула я ошарашенно.

– Вы не знаете? – переспросил милорд Райхон. – А я уже знаю об организованном вами вчера девичнике. О выпивке. О том, что вы покидали общежитие после полуночи, что категорически запрещено. И магический след на оживленных экспонатах я распознал, не сомневайтесь.

Не писала я такого. Про пьянку было. И о том, что ректора ждет сюрприз, но какой – я тогда еще не придумала. А Элси, видимо, неплохо повеселилась, потому что в ее памяти и следа о минувшей ночи не осталось.

– Так оно и работает, – пожал плечами Мэйтин. – Ты создала предпосылки к определенному развитию сюжета, и...

– Вы и прежде не отличались примерным поведением, – сказал ректор, – но эта выходка превзошла все предыдущие. Хотя, следует отдать вам должное, оживляющее заклинание вы сплели идеально. Мне понадобилось полчаса, чтобы деактивировать его, и все это время я вынужден был слушать рев существ, которых вы прислали к моему дому.

– Это был не рев, – вздохнула я, решив, что наступил удобный момент. – Они пели вам серенаду.

– Подобные шутки только усугубляют ваше положение, мисс Аштон, – нахмурился глава академии.

– Мое положение сложно усугубить, – проронила я с грустью. – Что может быть хуже, чем любить вас?

Ректор застыл с приоткрытым ртом. Есть контакт!

– Да, я люблю вас, – продолжала я. – И уже отчаялась привлечь ваше внимание.

Подняла на него глаза. Нижнюю губу закусила. От страсти, ага.

– И давно вас посещают подобные фантазии? – осведомился мужчина нарочито холодно.

– Вы не верите в мои чувства? Или боитесь их?

– Чувств? – уточнил он бесстрастно. – Ничуть. Меня пугает перспектива снова обзавестись хвостом. Отравиться едким газом, который вы выдаете за ароматизатор помещений. Мертвых горгулий у себя под окнами я с недавних пор тоже опасаясь. А чувств – нет.

– Вы смеетесь надо мной! – обиделась я.

– А вы – надо мной?

– Я призналась вам в сокровенном!

– Лучше признайтесь, что вы вчера пили, мисс Аштон.

Крепкий орешек. Но Мэйтин говорил: если в тексте были предпосылки для возникновения какого-либо явления, оно должно возникнуть, а я написала достаточно, чтобы ректор вспылал к Элси страстью. К тому же я автор и знаю то, чего не знала Элизабет.

– Вы боитесь признаться, что тоже неравнодушны ко мне, – сказала я прямо.

Оливер сел там же, где и стоял.

Правда, стоял он рядом с креслом, так что сел в него же. Откинулся на спинку и забросил ногу на ногу.

– Что-то новое, – произнес с расстановкой. – И что заставило вас так думать?

– Я вижу это в ваших глазах, – прошептала я с придыханием. – Чувствую в биении сердца.

– Я далек от поэзии, мисс Аштон. Лучше поговорим об испорченных вами чучелах.

– Вы так боитесь признаться, что тоже любите меня?

– С чего вы взяли?

Отпираться бесполезно, Олли. Да, я буду звать тебя Олли...

– Ваши поступки говорят об этом, милорд.

– Взгляды и биение сердца?

– Не только. Разве вы не ищете повода встретиться со мной?

– Не ищу. Вы регулярно мне этот повод даете, как сегодня, к примеру.

Я вздохнула. С виду такой сильный, отважный мужчина, а как дошло до объяснений, засмутился, как институтка.

Словно услышав мои упреки, он решительно встал и приблизился ко мне.

– Элизабет...

Осознав торжественность момента, я поднялась навстречу.

– ...мне порой недостает слов...

Отличное начало.

– ...и такта. Потому я предпочел бы не продолжать этот разговор. Но раз вы настаиваете... Я не люблю вас. И если вы вдруг не шутили, хоть у меня и нет оснований так думать, зная вас, – выбросьте эти фантазии из головы.

– Вы мне не верите! – воскликнула я и по скептическому огоньку в его глазах поняла, что так и есть. – Опасаетесь, что это розыгрыш?

– В этом вы сильны.

– Я сказала правду! Я люблю вас. А вы любите меня. Это судьба! – Наверное, стоило подождать положенные пару глав, дать Оливеру свыкнуться с охватившим его чувством, но я твердо вознамерилась объяснить сегодня и, недолго думая, выложила главный козырь: – Вы предназначены мне, как и я вам. Я ваша истинная пара!

– Кто?

– У каждого дракона есть истинная пара, одна-единственная, та, кому он отдаст сердце! И я знаю, что вы последний дракон!

Даже книгу хотела так назвать: «Избранница последнего дракона», но отказалась от этого варианта, чтобы сохранить интригу.

– Драконы ушли из этого мира тысячи лет назад, – попытался спрятаться за фразой из учебника ректор.

– Не все! Вы последний, хоть и скрываете это.

– Почему ты решила, что он дракон? – удивленно спросил бог, о котором я позабыла в накале страстей.

– Я это придумала.

– Я догадался, – хмыкнул ректор.

Черт! Зачем я сказала это вслух?!

– Придумала, но не написала, – покачал головой Мэйтин.

В тексте говорилось, что, возможно, не все драконы ушли с Трайса!

– А возможно, все, – божество пожало плечами. – Но я понимаю задумку. Ничем, кроме предназначения, не объяснить внезапной любви между Элизабет и вот ним.

Он кивнул на ректора, который подошел к столу за блокнотом с разноцветными листочками. Цвет листочка определял степень поощрения или наказания.

«Только не красный!» – взмолилась я мысленно. И тут же одернула себя: я что, боюсь выговора от типа, которого сама придумала? Отставить! Еще не все потеряно. Дракон он или нет, Элиси его получит!

Листок Оливер выбрал желтый. Предупреждение. Написал на нем несколько слов и протянул мне.

– Пойдете к профессору Милс и скажете, что я назначил вам дополнительный зачет по ее предмету. – И уточнил с почти нескрываемой издевкой: – Тема – «Драконы».

Я со злостью выдернула у него бумажку.

Ничего. Сейчас... Сейчас я его поцелую! Обовью руками шею и вопьюсь в губы. Пусть тогда скажет, что не чувствует ничего к Элси!

Но вместо того чтобы осуществить задуманное, вдруг хлопнула носом.

– Вы такой... такой сухарь!

И, давась слезами, выскочила за дверь.

Вот так номер.

В гардеробной я остановилась перед зеркалом и строго взглянула на свое отражение.

– Что за нюни, Элси? Я тут для тебя стараюсь, а ты что устроила? Истеричка малолетняя! Ты... ы-ы-ы...

Слезы полились в два ручья. Так жалко себя стало. Оливер чуть ли не открыто посмеялся, еще и орут на меня... орет... В смысле, я ору.

М-да, эффект Марибет в действии.

Негромкое покашливание от двери дало знать, что в гардеробной мы с Элизабет уже не одни.

– Возьмите-ка и это, мисс Аштон. – Ректор вырвал из блокнота еще один желтый листочек. – Пойдете в лечебницу, найдете доктора Грина. Он возьмет у вас пробы крови. Мне все же интересно, что вы вчера пили. Если выяснится, что это не только алкоголь, я буду вынужден поднять вопрос о вашем отчислении. И пожертвования, которые ваш отец делает академии, в этот раз вас не спасут.

Главный корпус я покинула в слезах. Даже не пыталась анализировать, кто сейчас ревет: Элси, отвергнутая любимым мужчиной, или я сама, обманутая в своих ожиданиях.

– А чего ты ожидала? – спросил Мэйтин. Бог вышагивал по не расчищенной от снега обочине, не оставляя следов. – Что он тут же предложит Элизабет руку и сердце? Она ему сводный хор чучел среди ночи прислала. А до этого чуть не отравила дымом с ароматом лаванды. А еще раньше...

– Хвост наколдовала! – в сердцах оборвала я перечисление наших с Элси чудачеств. – И что? Это любовное фэнтези, юмористическое притом. И не такое могло быть!

– Так ты думаешь, что оказалась в дамской книжке?

– Ничего я уже не думаю! – огрызнулась я.

– Это зря. Думать надо.

Не был бы богом, отхватил бы пару подзатыльников, а так я лишь набрала в легкие побольше воздуха, чтобы сказать, куда ему пойти со своими поучениями... и медленно выдохнула, увидев идущего мне навстречу... человека? Вряд ли. Но, полагаю, это был мужчина. Высокий, тонкокостный. Двигался он быстро, но плавно, и темно-зеленый плащ колыхался в такт его шагам. Длинные волосы, блее, чем снег вокруг, развевались на ветру. А взглянув в лицо незнакомца, я уже не могла отвести взгляда. У людей не бывает таких лиц. Узкое, длинное, с тонким носом и неяркими, но четко очерченными губами, оно завораживало непривычной красотой. Сероватая, отливающая перламутром кожа. Высокий, абсолютно гладкий лоб. Серебристые ниточки изящно изогнутых бровей. От переносицы к вискам, полукругами ложась на щеки, тянулись дорожки тонких светлых шрамов, формировавших сложный рисунок, похожий на тот, что украшал мальчишескую физиономию Мэйтина. Но самое нереальное – большие миндалевидные глаза, обрамленные белесыми ресницами. Если волосы незнакомца

цветом напоминали снег, то глаза – лед, в который вмерзла агатовая бусинка зрачка: блестящие, прозрачные, разве что слегка голубоватые, хотя, возможно, это небо отражалось в них.

– Э-э... эльф? – я проводила взглядом беловолосого, осмысливая пришедшую от Элси подсказку-воспоминание. – Мэйтин, ты издеваешься? Эльфы же не такие!

– Разве? – прищурился бог. – Сейчас проверим.

В руках у него появилась книга, забросившая меня сюда.

– Эльфы, эльфы, – он быстро переворачивал страницы. – Вот! Нечеловечески прекрасные. Нечеловечески же? Светловолосые. Так? Глаза как драгоценные камни.

– Какие камни? – я схватила за голову. – Бриллианты?

– А что?

Я махнула рукой. Хорошо хоть не рубины.

– Уши длинные, острые, – закончил описание Мэйтин.

Ушей я не рассмотрела, но надеюсь, длинные – это не как у Будды, с вытянутыми до плеч мочками.

– Как надо длинные, – заверил бог.

– У Элизабет в роду были эльфы, – вспомнила я.

– В прошлом, после заключения мира, некоторые договоры скреплялись брачными союзами. Но редко: это людская традиция, эльфам она непонятна.

– Договоры? – расстроилась я. – А любовь?

– Между эльфом и человеком? О таком даже ты не писала.

– Рассказывай, – потребовала я. – О чем я писала, о чем не писала и о чем писала, но не так, как оно получилось.

– Получилось именно так, как писала, – заявил бог. – Понятнее писать надо.

Развлекалась я, вот и впихнула в книжку все, что хотелось. Канализацию, например. Поезда, дирижабли. Телефон, по которому из любого корпуса можно дозвониться ректору. Анализ крови: Мэг в третьей главе рассказывала...

Я с ненавистью поглядела на желтые бумажки: ускорила прогресс на свою голову!

– Нормально вышло, – утешил Мэйтин. – К тому же у нас тут магия, а это фактор немаловажный. Наука развивается другими темпами и идет другими путями. Разберешься по воспоминаниям Элси. А что не вспомнишь – сама узнаешь.

– Угу. Испытаю на собственной шкуре.

– Вот именно! В хорошем смысле, конечно.

И почему чем дольше я его знаю, тем меньше доверяю его словам?

Мэйтин мысленный вопрос проигнорировал.

– Куда сначала? – полюбопытствовал, кивнув на листочки с распоряжениями ректора.

– Кровь сдавать, – ответила я угрюмо. – Натощак, как положено.

Потом пороюсь в заемной памяти и наскребу что-нибудь на зачет по драконам. Нет, ну сложно было Оливеру оказаться одним из них?! Потому что белобрысый божок прав: если мир и люди, его населяющие, хотя бы на пятьдесят процентов реальны, без предназначения этот красавчик в Элси не влюбится. А в книжке все логично выходило.

– Логично? – Мэйтин насмешливо хмыкнул.

– Любовь зла, – промычала я. – И не такие влюбляются. И не в таких.

– А-а, в этом смысле...

– Ты же бог! – накинулась на него я. – Сделай так, чтобы он меня... ее полюбил!

– Я не такой бог.

– Ты никакой бог! Ничего не знаешь, ничего не можешь. Зачем такой нужен?

– Тебя вот привел, – передернул он плечами. – В твоей любимой античной мифологии боги тоже всемогуществом не отличались. Люди их все время обмануть норовили или украсть у них что-нибудь. Вот и я почти такой.

Бедный, несчастный, всеми обиженный. Обнять и плакать.

– Поплачь, если хочешь, – разрешил он с ухмылкой. – Только обниматься не лезь.

И исчез.

Вот же угораздило меня! Мир непонятно какой, ректор непробиваемый, эльфы нечеловеческие, бог ни на что, кроме как авторов в книжки заманивать, не способен.

Но вариантов нет: нужно со всем этим разбираться.

Для начала принесем новому миру кровавую жертву. Только сперва доберемся до жертвенника: больница располагалась на окраине академгородка, недалеко от кладбища. Чтобы выйти на ведущую туда дорогу, нужно было пройти между учебными корпусами алхимиков и иллюзионистов. Стоявшие близко друг к другу здания образовывали длинный коридор, куда не попадало солнце. К легкому морозцу тут добавился ветер, облюбовавший узкий проход, чтобы порезвиться вволю, и я шла, прикрыв лицо рукой. Не удивительно, что в какой-то момент споткнулась и едва не упала. Остановилась перевести дух... и охнула, увидев расплывающиеся на серой стене кровавые знаки...

– Мэйтин... Мэ-эй...

Путаясь ногами в юбках, я побежала к выходу из проулка. Красавец-ректор, неземная любовь и плотоядная корова – это одно, а вот это, простите, – совсем другое.

Мэйтин, где ты, когда нужен?!

– Элси! – окликнул кто-то.

Я обернулась. На требующегося мне бога стоявший в конце аллеи парень не походил. Среднего роста, крепко сбитый, с волнистыми каштановыми волосами до плеч и простоватым, но симпатичным лицом, он определенно кого-то напоминал. Но еще до того, как вспомнилось, кого именно, я почувствовала, что губы расплываются в улыбке, а ноги сами несут меня навстречу знакомому незнакомцу.

– Рысь! Хорошо, что ты здесь!

Марибет. Я бы даже сказала, полный Марибет.

Но теперь я знала, кто передо мной. Норвуд Эррол. Рысь.

Глава 3

Маги-оборотни – это совсем не то, что обычные оборотни. У таких, как Норвуд, смена ипостаси обуславливалась не только наличием звериного начала, но и особым магическим даром, не сопровождавшаяся болезненными ощущениями и не грозила испортить одежду. Это по моей задумке. Во что она вылилась в реальности – бог знает.

Но бога поблизости не было.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил парень. – Тебя что-то напугало?

Элси открыла рот.

Я закрыла.

Это для Элизабет Рысь – друг. А я его вообще не знаю. Что с того, что я его придумала? Встречи с Оливером хватило, чтобы понять: мои фантазии не во всем совпадают с реальностью. А Норвуд еще и вертелся поблизости, когда появилась надпись.

– Что ты тут делаешь? – спросила я, стараясь не выдать подозрительности.

– Мэг сказала, что тебя вызвали к ректору. Решил поддержать. За что в этот раз?

– Ожившие чучела, – покаялась я. – А у тебя занятий нет, или прогуливаешь?

– У меня освобождение. Официально я готовлюсь к докладу. Но у меня все давно готово, и до пятницы я совершенно свободен.

Угу. Не пойти ли нам к кому-нибудь в гости, Пятачок? Например, к доктору Грину.

– Мне в лечебницу нужно, не проводишь? – я взяла парня под руку. Возражений ни от него, ни от Элси не последовало – значит, подобное было между ними в порядке вещей.

– Плохо себя чувствуешь? – заволновался Рысь.

– Нет, это по поручению милорда Райхона.

Студенческие попойки казались мне обычным явлением для юмористического фэнтези, а сейчас стало стыдно рассказывать, что меня послали сдавать кровь на алкоголь и наркотики.

– Ты какая-то молчаливая, – заметил Норвуд. – Сильно влетело от ректора?

– Нет.

На самом деле я еще легко отделалась. Оливер о чучелах совсем забыл. Если бы в прошлом месяце, когда шеф вызывал меня на ковер из-за ошибки в графиках, я ему в любви призналась, может, и премии не лишили бы.

– Не хочешь говорить? – Рысь, кажется, обиделся, но старательно не подавал вида. – Ну ладно.

В молчании мы дошли до обнесенного невысокой оградой трехэтажного здания из красного кирпича. Табличка над входом гласила, что оно и есть лечебница, и у меня не было оснований не верить несурзному сочетанию кириллицы и латиницы, в моей голове непонятным образом сложившемуся в слова.

– Подождешь меня тут? – спросила я оборотня, предупредив его намерение пойти со мной внутрь. – Я недолго.

Внутри больница напоминала... больницу. Да, на стенах не пластик, а покрытые лаком деревянные панели, вместо электрических лампочек – газовые рожки, сейчас не зажженные, пол паркетный, лепнина на потолке, но специфическую атмосферу лечебных учреждений ни с чем не перепутать.

Пройдя через пустой холл, я оказалась в коридоре, по обе стороны которого располагались одинаковые двери темного дерева, все как одна закрытые и без табличек. У окна за маленьким столиком сидела пожилая женщина в белом переднике поверх серого платья и в белом чепце.

– Добрый день, – поздоровалась я. – Скажите, пожалуйста, где я могу найти доктора Грина?

В памяти Элси не нашлось ничего об этом человеке, но сама я помнила, что в книге Грин упоминался в эпизоде, где Мэг рассказывала о практике в лечебнице. Когда это писалось, у меня в наушниках пела Сольвейг и топали тролли в пещере горного короля, а я придумывала имя для персонажа. Эдвард Григ – Эдвард Грин. Был композитор, стал доктор.

Медсестра насупилась. Лицо под накрахмаленным чепцом приобрело знакомое выражение тетки из регистратуры районной поликлиники:

– Он занят, никого не принимает.

– Я по распоряжению ректора.

Женщина нахмурилась сильнее, но все же махнула в сторону росшего в широкой кадке деревца.

– Туда и направо. Дверь у лестницы, не перепутаете.

Перепутать было сложно: эта дверь была единственной, на которой имелась табличка. Даже две. На первой – имя доктора. На второй – предупреждение: «Перед осмотром избегайте от иллюзий». Я не сразу поняла, что подразумеваются оптические иллюзии, которые используют, чтобы скрыть дефекты внешности. Без этого понимания фраза настораживала.

Как мне и сказали, доктор был занят. Когда я, постучав и не дождавшись ответа, открыла дверь, он спал прямо за столом, положив голову на толстую стопку бумаг. Я видела только спутавшиеся темно-русые волосы, в которых поблескивала седина.

– Доктор, – позвала с порога. – Доктор Грин.

– Какого же... к-хм...

Мужчина поднял голову. По его лицу можно было бы подумать, что ночью они с Элси пили вместе: красные глаза, пересохшие губы, нездоровая бледность на заросших щетиной щеках. Общая помятость не позволяла определить возраст медика: с одинаковым успехом ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет.

– Кто вы? – спросил он хрипло. – Что нужно?

Видимо, вежливость была отличительной чертой всего персонала лечебницы.

– Я от милорда ректора, – протянула мистеру Грину желтый листочек и отступила от стола, ощутив странный давящий дискомфорт. Да и пахло от доктора не очень: потом, спиртом и болезнью.

Он взял записку Оливера и поморщился, словно та смердела не хуже. Потом, не меняя выражения лица, посмотрел на меня.

– Пророчества?

– Какие? – растерялась я.

– Факультет «Прорицания и пророчества»?

– Нет, боевой.

– Уже лучше.

– Кому?

– Вам, – бросил он раздраженно. – Ждите в коридоре, за вами придут.

Уточнять что-либо я не решилась и пошла к выходу, а доктор направился к стоящему в углу телефонному аппарату. Уже стоя под дверью, я слышала щелчки и хриплый голос целиателя, просившего прислать к нему какую-то Анабель, чтобы «взять кровь у очередной малолетней пьянчужки».

На себя бы посмотрел!

Вскоре к кабинету Грина подошла девушка в таком же, как у виденной мной медсестры, наряде: серое платье, белый передник и чепец.

– Элизабет? – удивилась она, увидев меня.

– Да-а... – память Элси выдавала обрывки воспоминаний, в которых эта смуглая темно-волосая девица фигурировала где-то на заднем плане.

– Ты меня, наверное, не помнишь, – догадалась она. – Анабель. В прошлом семестре я помогала Маргарите.

Точно! Мэг проходила практику под присмотром какой-то аспирантки, и та пару раз заходила в гости к ним с Элизабет.

– Ой, прости, – я изобразила застенчивую улыбку. – Не узнала сразу.

– Это у тебя нужно взять кровь?

– У меня, – вздохнула я, краснея.

– Пойдем. Только верхнюю одежду оставь где-нибудь. Тут ее никто не возьмет, не волнуйся.

Я сложила пальто и капор на скамеечке у стены, и Анабель провела меня в небольшую светлую комнату. Стены, потолок и чехлы на стульях тут были белыми. Единственное темное пятно – коричневый чемоданчик на столе, к которому меня подвели.

– Это не больно, – успокоила Анабель, достав из чемоданчика металлическую коробочку со шприцами.

Интересно, их тут стерилизуют?

Но не только это смущало в данной ситуации. Притворившись, что меня пугает длинная игла, я не торопилась закатывать рукав.

– Ваш доктор такой грубиян, – пролепетала жалобно.

– Не принимай на свой счет. Вечером привезли рабочего с угольного карьера. Сошел пласт породы, и беднягу завалило. Ноги раздробило, грудную клетку... Доктор всю ночь провел в операционной. Буквально по кусочкам собирал того человека.

– Зачем? В смысле, есть же целительская магия... Да?

– Есть, – улыбнулась Анабель. – Но прежде чем срастить кости, их нужно правильно собрать. Магии это не под силу. И не только это, иначе врачи были бы не нужны.

– А почему рабочего привезли сюда?

– У лечебницы государственная лицензия. Мы работаем не только на академию. Принимаем пациентов отовсюду. Это служит дополнительным источником дохода, а студенты-целители имеют возможность практиковаться на настоящих больных. Под присмотром специалистов, конечно.

– Доктор Грин – хороший специалист, да?

– Лучший, – глаза девушки вспыхнули неподдельным восторгом. – Так ты готова? Давай руку.

– Я... А почему он спросил, не с прорицательского ли я?

Да, вот оно! Именно этот вопрос меня смутил.

– Понимаешь... – Анабель замаялась. – Студентам с прорицательского выдают специальные снадобья для погружения в транс. Расход препаратов сложно контролировать. Старшекурсники работают над индивидуальными пророчествами, иногда что-то не получается с первого раза... А некоторые добавляют эти препараты в спиртное. Для усиления эффекта. Согласно последнему распоряжению ректора, всех, кого уличат в подобном, отчисляют без возможности восстановления. Но тебе ведь нечего бояться? Алкоголь в академии не приветствуется, но ты совершеннолетняя, отделаешься предупреждением.

С моим-то счастьем? И пили мы у Сибил, а она-то как раз прорицательница. Контрабандную водку Сибил настаивала на травах, и та приобретала приятный привкус. А если не только в травах дело? Тогда Элизабет отчислят, лишив шансов завоевать Оливера и найти пропавших студентов, а я никогда не вернусь домой.

Я мысленно выругалась... и расплакалась.

Спасибо, Элси! Вот уж не думала, что моя героиня такая рева. Хотя, если в книге по моей милости у нее от одного обидного слова «слезы на глаза наворачивались», все закономерно.

– Что с тобой? – испугалась Анабель.

Не дожидаясь, когда мою вторую половинку отпустит, я поведала о своих страхах. Получилось в меру жалобно и убедительно. Я наивная, доверчивая, меня обмануть легко, гадостью напоить...

– Если бы ты могла, если бы... – я схватила девушку за руку и с мольбой заглянула в глаза.

– Прости, – она покачала головой. – У тебя направление от ректора, а такими анализами доктор Грин занимается лично.

Приехали. Человек, способный ночь напролет собирать пазлы из костей, выудит из крови Элси не только состав водки Сибил, но и все меню за последнюю неделю.

– Все кончено, – всхлипывали мы с Элси. – Исключат. С позором... Бедный папочка этого не переживет...

Папочка у Элизабет далеко не бедный, но ректор четко сказал, что в этот раз его деньги не помогут. Надо же быть таким принципиальным! И таким красавцем при этом.

– Не плачь, – Анабель легонько пожала мою ладонь. – Я придумаю что-нибудь.

– Правда? – я посмотрела на девушку. Слезы в моих глазах и бившее в окно солнце нарисовали нимб вокруг ее головы.

– Все мы совершаем ошибки, – изрекла она нравоучительно. – Главное – вовремя осознать их и больше не повторять.

– А как же... – я кивнула на коробочку со шприцами.

– Я выпила немного вина за ужином, – косясь на дверь, прошептала Анабель. – Для анализа этого хватит.

Хоть в чем-то реальность совпала с моими фантазиями: героине встретился добрый человек, готовый помочь в трудной ситуации.

– Куда теперь? – поинтересовался дожидавшийся меня на крыльце Норвуд.

Точно не к профессору Милс: никаких зачетов на пустой желудок.

– В столовую.

Я не мастер описывать местность и интерьеры. Я вообще так себе автор, но описания – мое самое слабое место. Обычно у меня получалось что-то вроде «уютная комната с окнами в сад» или «тесная полутемная каморка» – и понимаете как хотите. О столовой я писала, что она большая и при желании все студенты могли собраться там одновременно. Сложно представить, учитывая размеры академии и количество факультетов, однако, как говорит Мэйтин, написанного не изменить.

Столовая была огромна. Зал размерами с футбольное поле. Никаких перегородок – только поддерживающие крышу колонны. Столы всех форм и размеров. Десятки окошек-раздач. Нет, даже увидев воочию, я не смогу это описать.

Не зная, где присесть, я положила на память Элизабет, и ноги привели меня в часть зала, которую я мысленно окрестила зеленой. Тут были зеленый пол, зеленые салфетки, постеленные поверх белоснежных скатертей на небольших круглых столиках, зеленые подушечки на плетеных стульях, а колонны обвивал зеленый плющ.

– Доброго дня, мисс, – девушка в кружевном передничке положила передо мной листочек-меню и застыла в ожидании заказа.

– Возьму и себе чего-нибудь, – Норвуд развернулся и направился в другую часть столовой.

– Но... – я с недоумением глядела то на его удаляющуюся спину, то на меню.

– Рысь не позволит девушке платить за себя.

– Мэйтин! – радостно вскрикнула я, увидев расположившегося на соседнем стуле бога, и тут же потупилась, заметив удивление в глазах разносчицы. Беззвучно зашевелила губами, создавая видимость внеплановой молитвы.

Что значит «не позволит девушке платить»? Разве питание студентов оплачивает не академия?

– Этого, – бог кивнул на меню, – академия не оплачивает. Цыплята на вертеле, суп с раковыми шейками – не слишком ли для бедных студентов? Поэтому бедные студенты едят вон там, – он махнул в сторону, куда ушел Рысь. – Сами идут к раздаче, получают миску супа и тарелку каши и усаживаются вон за те столы. Да-да, вон те длинные, на которые не хватило скатертей. Но Норвуд, как друг Элси, может присоединиться к ней в вип-зоне. Со своим супом.

Кто же платит за тот, что с раковыми шейками?

– Семьи состоятельных студентов. В академию при наличии дара принимаются молодые люди всех сословий, но ты же не думаешь, что тот же лорд Аштон позволит единственной дочери давиться пустой похлебкой в компании крестьянских детей или приютских выкормышей? Ты сделала Элси наследницей богатого дворянского рода. Другим повезло меньше.

Но почему Рысь в их числе? Я такого не писала!

– Давай посмотрим, – перед Мэйтином появилась знакомая книга. – Норвуд Эррол, вот он. Симпатичный парень. Каштановые волосы, карие глаза... Вот! Форменная куртка, потертая на рукавах.

Маленький штришок к описанию.

– Сбитые ботинки, потертая на рукавах куртка. Красноречивые штришки.

Мелочь, не стоящая внимания.

– Посмотри на тех девушек, – Мэйтин взглядом указал на двух студенток, одетых в одинаковые темно-синие платья с белыми воротничками и манжетами. – Это форменные платья. Их выдают студенткам при поступлении. Всего два. Если нужно, некоторые девушки получают брючный костюм для тренировок. У Элизабет такой есть, она даже надевает его иногда. Но платья у нее свои, полный шкаф. Она может себе это позволить. Ее родители оплачивают дополнительные счета. За отдельный столик, официантов и раковые шейки. За прачку. За горничную. Тем девушкам такое недоступно. Все, на что они могут рассчитывать, – это общая прачечная, куда относят нуждающуюся в стирке форму. Предварительно отпаривают воротнички и манжеты, которые стирают сами, как и белье. Если еще не догадалась, живут они не в том же общежитии, что и Элси. В комнатах там размещается до пяти человек. У них нет отдельных ванных, но есть помещения для стирки и глажки. Рысь тоже живет в подобном, только в мужском.

Только из-за того, что я «нарядила» его в потертую куртку?

– В тексте много подобных деталей. Помнишь, он порвал штаны, когда лазил за грушами для Элси? Что он сказал? – Мэйтин отыскал нужную страницу и зачитал: – «Ничего, потом зашью». Видишь оболтусов за соседним столиком? Они зашивали бы свою одежду?

Я хотела показать, какой Норвуд самостоятельный и хозяйственный.

– Навыки не для отпрыска аристократического рода, согласись.

Соглашусь. Но как же несправедливо! Несколько слов, написанных без задней мысли, испортили парню жизнь.

– Картофель в сливках, пожалуйста, – сказала я официантке. – Мясной рулет с грибами. Яблочный пирог и чай с молоком.

Когда оборотень, выстояв очередь у раздачи, вернулся с миской супа, мой заказ уже принесли. Выглядело все так аппетитно, что пришлось постараться, изображая отвращение.

– Зря я это взяла, – пожаловалась я присевшему напротив парню. – Мы вчера погуляли немного... Мне бы супчика теперь. Может, поменяемся? Пожалуйста.

Элизабет никогда не делала подобного, и Рысь, не разгадав моей хитрости, согласился на неравноценный обмен. Но на сердце легче не стало, и вскоре я сбежала из столовой, «вспомнив» о зачете.

Кафедра истории мистических существ относилась к факультету теоретической магии, а располагалась в здании факультета прикладной некромантии. Очевидно, проблема нехватки учебных помещений существовала и в этом мире. Впрочем, вход в аудитории, отведенные для изучения предмета мисс Аделаиды Милс, был отдельный, и риск повстречаться в коридоре с вышедшим из-под контроля зомби или иным творением некромантов сведен к нулю.

Сама профессор оказалась миниатюрной шатенкой лет пятидесяти. Не обладая привлекательной внешностью от природы, мисс Аделаида тщательно следила за собой. Ее одежда, прическа и макияж были идеальны настолько, что красавица Элси устыдилась наспех собранных волос и покрасневшихся на морозе щек.

– Что у вас, мисс Аштон?

– Драконы, – промямлила я, показав желтый листочек.

– Рассказывайте, – профессор поглядела на часы. – У меня есть десять минут до следующей лекции.

Я ожидала, что у меня будет время подготовиться или придется отвечать на конкретные вопросы, и это «рассказывайте» поставило меня в тупик.

– Драконы... это такие существа... были...

– Содержательно, – без улыбки кивнула женщина. – Но можно немного расширить ответ?

Меня словно отбросило на десять лет назад, и я поняла, кого напоминает мне мисс Милс. Тамару Андреевну, мою первую начальницу. Та так же кивала, рассматривая мое резюме, и с теми же интонациями произнесла, отложив документы:

– Красный диплом – это замечательно, но почему вы думаете, что сможете работать у нас?

На этот вопрос я отвечала три года. Из кожи вон лезла, но стоило войти в кабинет Тамары Андреевны, как я превращалась во вчерашнюю выпускницу вуза, благополучно забывшую, чему ее учили пять лет. Начальница, немолодая уже и некрасивая, но непременно ухоженная, одетая с иголочки, уверенная в каждом своем слове, казалась недостижимым идеалом. Не помню, чтобы она хоть раз забыла что-нибудь, сделала неправильно или не в срок. Она никогда не повышала голоса, а задания ставила ясно и четко и ни от кого не требовала невозможного. За все это я безмерно ее уважала, но вместе с тем боялась до икоты, сама не знаю почему.

Примерно так же на Элизабет действовала мисс Милс.

– Все, что нам известно о драконах, – начала я медленно, по слову вытягивая ответ из памяти оробевшей Элси, – мы знаем благодаря древним преданиям, в основном эльфийским. Но, поскольку эльфы причастны к уходу драконов с Трайса, сложно сказать, насколько эти истории правдивы. Как гласят легенды, драконы были древнейшими существами Трайса и сочетали в себе мощь, разум и магию всех населявших мир народов. По некоторым источникам, каждый из них имел семь ипостасей, но свидетельства очевидцев подтверждают лишь два принимаемых драконами облика: облик гигантского крылатого ящера, дышащего огнем, и человекоподобного существа. Считается, что это драконы научили людей магии, из-за чего у них возникли разногласия с эльфийскими владыками, полагавшими, что люди, чей дар отличается от природной магии эльфов, несут угрозу миру своей волшебной...

– Вы с этим согласны? – прервала меня мисс Милс.

– С тем, что наша магия вредит миру? Нет, конечно.

– Вернитесь к драконам.

– Драконы тоже считали, что люди могут и должны владеть магией. Однако им не удалось убедить в этом эльфийских владыков. Те предложили, хм, эксперимент, чтобы выяснить, кто из них прав. Путем жребия они выбрали мага-человека и следили за тем, как он использует дар. Но тот человек оказался не лучшим представителем своего народа... со слов эльфов. Он стремился лишь к власти и величию и не останавливался ни перед чем. Обращался к запретным чарам... Вернее, он и изобрел запретные чары, как говорит легенда. В качестве источника силы он использовал энергию жизни – сначала животных, а после людей и эльфов.

Драконы вынуждены были признать, что совершили ошибку, подарив магию людям, но уже не могли отобрать у них этот дар. Мучимые разочарованием и неутолимым чувством вины, они покинули Трайс... Но прежде они уничтожили человека, по вине которого проиграли спор, за то, как он извратил само понятие магии... Хотя некоторые источники говорят, что его убили эльфы. И поскольку тот маг был королем людей, его смерть стала причиной затяжной войны между нашими народами...

– Негусто, – резюмировала мисс Милс. – Невнятный пересказ параграфа из учебника. Зачет я вам поставлю, чтобы успокоить милорда Райхона, но, если хотите иметь положительную оценку по итогам семестра, придется поработать. Подготовьте развернутый доклад на тему, по которой сегодня пытались отвечать.

Она записала что-то на листочке и протянула его мне.

– Будет неплохо, если вы используете литературу из этого списка.

Придется на днях наведаться в библиотеку. Разгадать секрет кровавых надписей и стать леди Райхон в ближайшую неделю я вряд ли успею, а вот испортить Элси успеваемость или, не дай белобрысый бог, организовать исключение, – запросто. А этого допустить никак нельзя.

– Книжки редкие, – предупредила профессор. – Возможно, после сегодняшней лекции кто-то из студентов решит их прочесть.

Хорошо, пойду сегодня же.

– Мне бы хотелось увидеть предварительный план доклада, мисс Аштон. Скажем, послезавтра.

Пойду сейчас же. Все равно на занятия Элси давно опоздала.

Расположенная недалеко от главного корпуса библиотека не уступала размерами столовой, а если вспомнить, что помимо верхних помещений имелось еще и подземное книгохранилище, – превосходила ту в несколько раз. Войдя внутрь, я забыла, зачем пришла, и долго бродила по залам, которые, если смотреть на стены, от пола до высокого потолка занятые книжными шкафами, казались построенными из книг. А какие тут были читальные залы! Мечта! С каминами, удобными диванами, торшерами и чайными столиками, на которых кто-то заботливо расставил вазочки с печеньем. Так и представляешь, как сидишь здесь, укутав ноги пледом... и спишь.

Прежде я не задумывалась о таком, а сейчас осознала, что сон – это потребность разума, а не тела, и если Элси проснулась всего пару часов назад, то я на эти пару часов уже превысила лимит бодрствования. Да и денек выдался не из легких. Поэтому я отложила экскурсию и направилась к ближайшему библиотечному работнику.

– Вам в восьмую секцию, – услышав о драконах, отфутболила меня крючконогая гоблинша.

В указанной секции невзрачная дама средних лет взяла мой список и нашла в каталоге нужные карточки.

– Только «Город Драконов» мистера Дина уже читают, – предупредила она.

Ничего удивительного, мисс Милс говорила, что книжки редкие, но мне показалось подозрительным, что библиотекарьша, быстро взглянув на меня поверх очков, не убрала формуляр «Города Драконов» обратно в ящик, а спрятала под учетный журнал. Как только она отошла, я приподняла журнал и заглянула в карточку, чтобы прочесть, кто же никак не вернет в библиотеку сочинение мистера Дина. Сердце взволнованно екнуло: книгу взял Чарли Лост. Лост – потерянный. Именно такое имя я дала первому пропавшему студенту. Но это еще не все. Согласно формуляру, до Чарли «Город Драконов» читал доктор Э. Грин. Первый подозреваемый? Всем известно, что в романах не бывает беспричинных совпадений.

Эту версию следовало проверить, но, вернувшись в общежитие со стопкой книг и отмороженным носом, я разделась, влезла под одеяло и вместо Элизабет Аштон представила себя Скарлетт О'Хара, решив, что подумаю обо всем завтра...

Глава 4

Снилось мне что-нибудь или нет, память не сохранила. А вот вылитый мне на голову кувшин воды запомнится надолго.

– Я и трясла тебя, и по щекам хлопала – никакой реакции, – оправдывалась Мэг за подобный способ побудки. – А уже на ужин пора. И Сибил просит пойти с ней на отбор, нужно что-то решать.

– Не хочу никуда, – проворчала я, отжимая длиннющую косу, которой следовало одарить не любимую героиню, а заклятого врага.

– Ты не заболела? – забеспокоилась соседка.

– Нет.

– Я должна тебя осмотреть. Покажи горло.

– Не нужно ме... А-а-а!

Милашка Мэг превратилась в злобную фурию и с силой наступила мне на ногу, а, пока я орала, успела заглянуть в рот.

– Горло розоватое. Нос заложен. Глаза слезятся.

– Нога же болит! – сквозь зубы объяснила происхождение слез.

– Вот, – целительница подняла палец. – Еще и нога болит. Немедленно в постель!

– Ты ее залила!

– Так высуши. А я пока скажу Сибил, что ты заболела, и мы никуда не пойдем. Не можем же мы тебя бросить?

Для девицы, волнующейся о здоровье подруги, сказано это было слишком радостно.

– Стоять! – крикнула я до того, как Мэг успела выскочить за дверь. – Почему это я заболела?

Соседка закатила глаза:

– Ты не слышала, что я сказала про отбор? Это же отбор на последнюю оставшуюся роль, роль призрака. И Сибил она не достанется так же, как не досталась роль принцессы, фрейлины, девушки с овечкой и дамы номер три в сцене карнавала.

Сознание раздвоилось: я твердо помнила, что не писала этого, а Элизабет не менее твердо знала, что Сибил с детства бредит сценой. Конечно, родители не позволили бы ей опуститься до актерства, но студенческий театр – это другое, играть там не зазорно и даже престижно... Было бы, если бы Сибил хоть раз дали роль.

– Она снова провалится, – тараторила Мэг, и Элси с ней соглашалась. – Снова замкнется в себе. Будет носить то жуткое платье. Нужно сделать все, чтобы этого избежать... Тебе же под силу поболеть вечерок ради подруги? Вид у тебя и впрямь нездоровый. Может, действительно простудилась?

– Хуже. Влюбилась.

Зачем я это сказала, и я ли это сказала – навсегда останется для меня секретом.

– Ты чудо! – обрадовалась целительница. – Это намного лучше! Это... Это правда?!

Я потупилась.

– О, боги! – Мэг прижала ладони к щекам. – Тебе лучше прилечь. Я позову Сибил.

– Но...

– В постель! – она сердито топнула ногой.

Доктор сказал, в морг – значит, в морг. Даже интересно, что сейчас будет.

Подруги – еще одна моя фантазия. В реальности я их не имела. Светлана, с которой мы общались со школы и, казалось, даже дружили, была моей свидетельницей на свадьбе и потерялась после моего развода. Или это я потерялась, сведя общение к редким телефонным разговорам. С Леной, бывшей однокашницей, я худо-бедно поддерживала отношения, но близкой

подругой она мне не стала. По-настоящему близких, любимых и незаменимых у меня не было. Это радовало в какой-то мере: никто не лез в душу, не учил жить. Но и просто поговорить было не с кем. Или просто помолчать...

Вот и узнаю, что за существа лучшие подруги и стоит ли заводить их в реальной жизни. Но сначала – высушить постель.

Элси решила бы эту проблему щелчком пальцев. Только я не Элси. Мэйтин говорил, что я смогу использовать ее способности, но не объяснил, как это сделать. А память Элизабет не давала подсказок. Она хранила видение сверкающих нитей – потоков силы, пронизывающих все вокруг. Вместе с Элси я помнила зыбкое сияние, излучаемое людьми, заметное в магическом зрении. Помнила яркие вспышки боевых заклинаний и мягкое свечение вспомогательных чар; холод, которым веяло от вернувшихся с практики некромантов, и тепло, сопровождавшее плетения целителей. Помнила, как я-Элизабет вхожу в поток, пропускаю его через себя, и сила растекается по телу...

Я помнила все, но не могла ничего.

С минуту поводила рукой над постелью и, не найдя иного выхода, перевернула подушку сухой стороной вверх. Сменила сорочку, вытерла волосы, улеглась в кровать и закуталась в одеяло.

Лежать пришлось долго. Наконец хлопнула ведущая в общий коридор дверь, послышались шаги в прихожей, а запах шоколада заставил вспомнить, что за день я съела лишь тарелку постного супа.

– Раз мы не пошли в столовую, поужинаем тут, – вошедшая первой Мэг взгромодила на стол поднос, на котором стояли чашки с горячим шоколадом и наполненная мороженым вазочка.

– Но, если у тебя нет аппетита, мы пойдем, – добавила Сибил.

Увлеченная ношей Мэг, я и не глянула на вошедшую за целительницей девушку. Но память Элси еще при первом упоминании подруги-провидицы нарисовала полный портрет: полудетское личико, шуплая фигурка, белокурые локоны. Сибил выглядела девочкой-подростком, таким невинным ангелочком. Однако водку на травах ангелочек настаивал со знанием дела и потреблял собственный продукт вполне взрослыми дозами.

– Есть у меня аппетит! – выкрикнула я, вскакивая на кровати и протягивая руки за чашкой.

– Я же говорила, что это стереотипы, – с превосходством глядя на провидицу, выдала Мэг. – И спала она как убитая.

Это они, наверное, симптомы влюбленности обсуждали: не ест, не спит... Что там еще?

– А покой ты потеряла? – с надеждой спросила Сибил.

– Она вообще знает, что это? – прежде меня ответила соседка. – Элси и покой – вещи несовместимые.

С наслаждением отпив немного шоколада, я пожала плечами. Девушки переглянулись, придвинули стулья к моей кровати и сели, прихватив свои чашки.

– Кто он? – с места в карьер взяла Мэг.

– Нельзя так, – укорила ее Сибил. – Это тайна ее сердца.

– Чушь, – отмахнулась целительница. Посмотрела на меня вприщур. – Что? Тайна?

– Угу, – закивала я. – Тайна.

– Тайна сердца, – со значением поправила провидица. – Элси поделится ею, когда будет готова.

Мечта, а не подруги! Ужин ради меня пропустили, шоколадом напоили, с расспросами не пристают...

Сибил резко подалась ко мне:

– Ну что? Уже готова?

– Нет.

Провидица откинулась на спинку стула. Ровно на три секунды.

– А теперь?

– Нет.

– Он хотя бы не оборотень? – спросила Мэг.

Я помотала головой.

– И не эльф? – поинтересовалась Сибил.

– Нет, – уверила я, поняв, куда они клонят. – Это не Норвуд и не Грайнвилль.

Как вообще в их компанию попал эльф? Нет, я помнила, что сама это написала, но я думала о других эльфах, более человечных, что ли. А Грайнвилль в воспоминаниях Элси был обычным для этого мира эльфовским эльфом. Но тем не менее был.

– Мы его знаем? – продолжила допрос Мэг.

– Вряд ли.

Вряд ли кто-либо из студентов по-настоящему знал Оливера Райхона.

– Совсем не то, – вздохнула Сибил, не придумав нового вопроса. – Я думала, будет интереснее. Так ждала, чтобы кто-нибудь из нас влюбился...

– Я влюблялась, – призналась Маргарита. – На втором курсе.

– И нам не сказала? – воскликнула я. Сама не ожидала, как меня взволнует скрытность Мэг.

– Не успела, – ответила она. – Любовь прошла. За две недели, как простуда.

– У меня почти месяц было, – проговорила, уткнувшись в чашку, Сибил. – Прошлой зимой.

– Месяц? – одновременно переспросили мы с Мэгги.

Переглянулись и рассмеялись.

– Хороши подруги, – подвела итог соседка. – А обещали ничего друг от друга не скрывать.

И что теперь делать?

– Мороженое есть, – предложила я.

Дружить мне в целом понравилось. Оказалось, что это легко и необременительно.

А когда мороженое закончилось, Сибил предложила погадать мне.

– Мы же договаривались, для нас – никаких пророчеств! – напомнила Мэг.

– Один уговор мы уже нарушили, и ничего страшного не случилось. Так ты хочешь, Элси?

Почему бы и нет? Вдруг подскажет, как добиться взаимности Оливера? Хотя одно я уже сама поняла: взбалмошная девица, злоупотребляющая алкоголем и растрачивающая дар на детские чудачества, – не пара для милорда ректора.

– Ограничимся простым раскладом, – сказала Сибил, тасуя карты. Разрисованная звездами «рубашка» в ее руках меняла цвет с бледно-зеленого на золотисто-желтый и обратно. – Он позволяет в общих чертах представить, что тебя ожидает в ближайшем будущем.

Карты у нее были странные: никаких пик и червей, дам и королей – только черные закорючки, похожие на те, что красовались на футболке Мэйтина. Сибил изучила эти закорючки и начала, подпустив в голос загадочности:

– Элизабет Аштон, карты говорят мне, что ты... лгуныя.

– Почему это? – насупилась я, хотя у прорицательских карт были все основания обвинить меня во лжи, ведь я даже не Элизабет.

– Ты вовсе не влюблена, – лукаво улыбнулась гадалка. – Но этот обман невелик, потому что ты уже стоишь на пороге любви. Ты уже встретила своего избранника! Но, – она состроила грустную мордашку, – ты не произвела на него должного впечатления.

– Как это? – поинтересовалась Мэг.

– Нашей Элси глянулся человек умный, серьезный, облеченный немалой ответственностью. Ума не приложу, кто это, но он полная противоположность Элизабет. И считает ее... легкомысленной.

Это еще мягко сказано. Спасибо за тактичность, Сибил.

– Но так будет не всегда, – утешила подруга. – Грядут большие перемены. Начало им положит недоразумение, продолжить помогут старательность и упорство. Ты многого сможешь добиться... Но без сложностей не обойдется. Тебя ждут серьезные испытания, разочарования и даже опасности.

С этого момента хотелось бы поподробнее, но Сибил собрала карты и спрятала в карман.

– Я предупреждала, это общий расклад. Для детального прогноза понадобится больше информации: имя твоего возлюбленного, точное место и время его рождения, желательно до минут, три его волоса и любой предмет одежды.

Имя я знала, место и время рождения могла бы узнать у Мэйтина, но, если я стану рвать у Оливера волосы или влезу в его дом, чтобы стащить рубашку, ничем хорошим история нашей зарождающейся любви не закончится.

– Пока хватит общего расклада, – решила я. – Спасибо.

– И все? – разочарованно вздохнула Мэг.

– Все, – развела руками провидица. – Я даже на отбор еще успеваю.

Маргарита в ужасе расширила глаза и задержала дыхание.

– Знаешь, Сибил... – начала я осторожно.

– Знаю, – поджала она губки. – Вы думаете, у меня не получится.

– Нет, мы...

– Думаете. Считаете, меня можно обмануть? Да я в прошлом месяце проект по предугадыванию общественного мнения на отлично защитила!

– Мы не знали. Да, Мэг? – Я попыталась сменить тему. – А зачем его предугадывать?

– Это по курсу управления, – отмахнулась провидица. – Реакция общественности на внесение поправок в налоговое законодательство и достижение положительного мнения при коррекции формулировок с использованием базовых слов-стимуляторов.

– Чего? – челюсть у меня отвисла самым неприличным образом. – Курс управления?

– Ну да. А чем, по-твоему, прорицатели занимаются? Влюбленным девицам на суженых гадают?

– Нет, – пробормотала я пристыженно. – Но управление – это так... скучно.

– Куда уж веселее друг в друга огнешары метать, – не осталась в долгу Сибил. – Я, если на финансового аналитика не выучусь, смогу хотя бы погоду предсказывать. А ты чем займешься? Войны в ближайшие полвека не ждут.

О таком я не думала. Я же фэнтези писала, а боевая магия для фэнтези – самое оно. И закончить книгу я планировала свадьбой, а не заниматься дальнейшим трудоустройством героини. Зачем ей работать? У нее отец – лорд, муж будет обеспеченный. Но, видно, тут не принято сидеть у мужа на шее, да и папа-лорд должен кому-то дела передать. По воспоминаниям Элси, он был не очень доволен ее выбором факультета.

– Девочки, только не ссорьтесь, – вмешалась Мэг.

– Мы и не думали, – миролюбиво улыбнулась Сибил. – Да, Элси? Я вообще о себе говорила, – улыбка ее померкла. – О том, что подруги не верят в мой талант! Да, я не получала прежде ролей, но эта стала бы моей! Я же такой образ придумала!

– Какой? – я рассудила, что пусть лучше она поделится идеями с нами, чем сорвется демонстрировать их режиссеру.

– Смотри, – провидица вскочила со стула. – Сначала платье. Черное. Как ночь. Звездная ночь.

– С блестками? – предположила Мэг.

– Ага, – Сибил обрадовалась, что ее задумку поняли, и не заметила скептической ухмылки целительницы. – Потом туфли. Каблук четыре дюйма, чтобы сделать меня повыше.

– Нормального роста, – шепотом уточнила Маргарита.

– Ты же не сможешь в них ходить! – ужаснулась я.

– Смогу, я тренировалась, – заверила провидица. – Но главное – грим и прическа. Прическа высокая. Волосы растрепаны, где-то сбились в колтуны...

– Как у Элси наутро после Осеннего бала, – вставила Мэг.

Вот язва! Я-то полагала, ехидство – прерогатива главных героинь.

– Да, вроде того, – согласилась Сибил. – Лицо думала забелить, на щеки – лиловые румяна, сиреневые тени на веки, и черная помада. Здорово, да?

– Да, – сказала я.

– Но не страшно, – добавила целительница. – Я бы воспользовалась учебником по демонологии. Вот там жуть! Крылья, рога, хвосты. Хотя бы вторую пару глаз на лбу нарисовать.

– Не знаю, – протянула я неуверенно. – По-моему, чтобы было страшно, нужно что-то большее, чем лишние органы.

– Что? – заинтересовалась Сибил. – Ты бы чего испугалась?

– Я? Мертвой девочки из теле... зеркала.

– Девочки? – удивилась Мэг, не найдя повода для подначек. А вот муж, теперь уже бывший, долго надо мной посмеивался, когда я вздрагивала от телефонных звонков после того ужастика.

– Девочки, – подтвердила я и продолжила голосом, каким в лагере после отбоя рассказывали страшилки: – Мертвая девочка выходит из зеркала. Белая сорочка, босые ноги с темными прожилками вен. Длинные черные волосы падают на бледное лицо, почти скрывая его, но иногда видны бескровные губы и недобрые, совсем не детские глаза. Девочка идет к тебе. С волос ее стекает вода. Девочка протягивает руку и говорит глухо и хрипло: «Семь дней»...

– Почему семь? – робким шепотом спросила Сибил.

– Отсчитывает, сколько тебе осталось жить. Завтра девочка придет снова и скажет: «Шесть дней». Потом – пять. Четыре, три... В самый последний день девочка не скажет ничего...

– Жуть, – поежилась Мэг. – Это ты в книжках вычитала?

Она кивнула на связку, что я притащила из библиотеки.

– Нет, это для доклада. Собиралась просмотреть сегодня.

– Ой! – подскочила Сибил. – У меня же тоже доклад! Забыла совсем. Не обидитесь, если я уйду?

– Иди, – разрешила Маргарита. – Мне тоже кое-что дописать нужно. А Элси, видишь, читать – не перечитать.

Девичник закончился так же неожиданно, как и начался. Сибил убежала к себе, Мэг оккупировала стол и зарылась в конспекты, а я выбрала самую тонкую книгу и вернулась в кровать.

Выбор оказался неудачным. После бодрого начала, позволившего мне свыкнуться с местной письменностью, пошли унылые главы, в которых в стиле «Авраам родил Исаака» перечислялись жившие когда-то на Трайсе драконы и превозносились их мудрость и таланты. К третьей главе я поняла, что драконов было много, уверовала в исключительность каждого и отложила книгу. Решила отвлечься от доклада и посмотреть учебники Элизабет. Встроенная память – это удобно, но неплохо бы и самой в чем-нибудь разобраться.

Пролистала сборник практических заданий. На время абстрагировалась от воспоминаний Элси и поняла, что ровным счетом ничего не смыслю во всех этих плетениях, формулах и фигурах. Из последних у меня получилось бы сложить только фигу. А что? В моем мире некоторые верят, что она защищает от дурного глаза.

Учебник по артефакторике был понятнее. Настолько, насколько среднестатистической домохозяйке понятно устройство микроволновки: нажимаешь эту кнопочку, и все работает. Наверное, справилась бы с какой-нибудь волшебной палочкой, если бы для ее активации не требовалось создание пресловутых плетений.

Следующим мне в руки попал учебник по основам врачебного дела: хоть что-то знакомое. Тоже не без магии, но в общем достаточно ясно. Основы симптоматики и фармакологии, описание отдельных манипуляций, рисунки, показывающие, как правильно накладывать повязки. Мне, дочери и внучке медиков, это было как бальзам на душу. И появился повод отвлечь Мэг от тетрадей и завести разговор о целительстве, чтобы ненавязчиво расспросить подругу о подозреваемом номер один, любителе книг о драконах, – докторе Грине.

Мэг восторженно сверкнула глазами, точь-в-точь как Анабель утром, но рассказать о субъекте смогла немного. Заведует лечебницей, специалист во всем, в чем только можно, попасть к нему на практику – удел избранных. О жизни доктора вне стен лечебницы никому ничего не известно.

Я подумала, что для первого дня этого достаточно, и вернулась к учебникам. Нашла «Историю Арлонского королевства», не продуманную мною при написании романа, и зачиталась, хоть организм настойчиво требовал еще мороженого и спать. Или, за неимением первого, хотя бы второе...

Организм победил.

Когда я открыла глаза, в комнате было темно. Мэг забрала у меня книгу, погасила свет и сопела на соседней кровати. А в нашей прихожей кто-то бродил впотяхах.

– Мэгги, – позвала я шепотом. – Мэг, там кто-то есть.

– Летти, – пробормотала она.

Да, Летти – их с Элси горничная, о которой говорил Мэйтин, – могла зайти, чтобы проверить, не нужно ли почистить юным мисс сапожки. Но она зажгла бы лампу!

В ответ на мои страхи в прихожей вспыхнул свет. Дверь распахнулась, и на пороге возникла мертвая девочка из телевизора: белая рубашка, босые ноги, облепившие лицо черные волосы.

Я онемела от ужаса. Мэг взвизгнула и натянула одеяло до глаз.

Мертвая девочка шагнула в комнату.

Медленно протянула к нам руки.

И сказала:

– Поздравьте меня! Я получила роль!

– С-сбил? – выдавила я, не определившись, верить мне ушам или глазам. – Ты... покрасила волосы?

– Ради театра я готова на все.

Точно Сибил.

– Который час? – спросила Мэг, как и я, решившая не портить подруге радость упреками.

– Только одиннадцать, – бодро отрапортовала новоиспеченная актриса. – Я немного задержалась на разборе сценария. Режиссеру так понравился мой образ, что у призрака будет четыре явления вместо двух. Я правда жуткая? Правда? Все визжали от восторга!

Не уверена, что от восторга. По крайней мере, в первые десять секунд.

– Это же твоя идея! – Сибил бросилась ко мне, и пришлось приложить усилия, чтобы с воплем не кинуться под кровать. – Спасибо, Элси!

– Спасибо, Элси, – мрачно повторила за подругой Мэг. – Но, может, мне дадут досмотреть сон?

– Ой, да, простите, – Сибил отпятилась к выходу. – Доброй ночи.

Она скрылась за дверью. Я глубоко вдохнула... И поперхнулась воздухом, когда дверь распахнулась снова.

– Три дня, – замогильным голосом протянула «мертвая девочка». – Кхе-кхе... В смысле, первая репетиция через три дня. Придете?

– Ни за что не пропустим, – обещала Мэг хмуро.

– Ни за что, – подтвердила я.

Дождалась, когда Сибил уйдет, теперь уже окончательно, и встала.

– Мэгги, у тебя, кажется, был пустырьник.

– Вторая полочка сверху. И мне накапай.

Глава 5

Удивительно, но после явления Сибил в образе моего персонального кошмара спала я крепко и даже сон видела. Хотя видела – не то слово. Что можно видеть в полной темноте? Только слышать: музыку, приглушенные голоса вокруг, дыхание партнера. Чувствовать, как он прижимает меня к себе, как его руки гладят спину и плечи, и нескромность жадных касаний заставляет раз за разом сбиваться с ритма. Как его губы, мазнув по щеке, находят мои, и сердце перестает биться на время долгого, умопомрачительно нежного поцелуя... А затем вспыхнул свет, и я увидела прямо перед собой жгучие очи милорда Райхона...

И проснулась с осознанием того, что мне срочно нужно в ванную, еще пустыряника и замуж за Оливера.

Романтическое настроение улетучилось, стоило вспомнить, что сегодня четверг, день практических занятий, а практические занятия в памяти Элси больше всего походили на попытку самоубийства, если только можно самоубиваться по принципу упражнений в спортзале – в три подхода по двадцать повторений.

Но, что странно, и мысли не возникло прогулять.

Я нашла в шкафу тренировочный костюм, а вместо пальто и сапожек надела теплую куртку и высокие ботинки на толстой подошве. Поняв, что чего-то не хватает, отыскала вязаную шапку. Кто-то внутри меня категорически возражал против головного убора, но я не пошла на поводу у двадцатилетней фифы: хочет уши отморозить – пожалуйста, но не тогда, когда это и мои уши тоже.

Перед выходом Мэг все-таки напоила меня чаем от простуды. Хотя тут не помешало бы что-нибудь для храбрости. Коньяк, например. Но чего не было, того не было, и чем ближе я подходила к полигону, где проходила практика, тем страшнее мне было. А когда взору открылись присыпанные снегом лестницы, рвы и веревочные переходы полосы препятствий, сердце трусливо сжалось и живот свело от страха.

У стартовой черты собралось около трех десятков студентов. За два с половиной года Элси ни с кем из них не сдружилась: все-таки она была аристократкой, а в боевики шли в основном выходцы из крестьянских семей и мещанства, те, для кого карьера военного или полицейского – единственный шанс пробиться в жизни. Но своеобразным авторитетом она в группе пользовалась.

– Элизабет! Иди к нам! – махнул рукой отделившийся от компании парней рыжеволосый здоровяк, идентифицированный Элси как Мартин Кинкин.

– Нечестно! – заорал с другой стороны блондин в черном плаще. – Снова набираешь в команду самых сильных, Март!

– Все честно, Брюс, – ответил рыжий. – Две девушки на курсе, по одной в каждой команде. У вас уже есть Шанна. Но если вам нужна Элизабет, пусть Шанна переходит к нам.

На третьем курсе факультета боевой магии стараниями автора, моими то бишь, училось всего две девушки: красавица и умница Элизабет Аштон и Шанна Раскес – тоже умница, тоже красавица и главная соперница Элси на полигоне. Она и внешне выглядела полной противоположностью Элизабет (не без авторского умысла, естественно). Вглядевшись в студентов, столпившихся за спиной Брюса, я отыскала взглядом смуглую брюнетку с раскосыми карими глазами. Длинные волосы девушки развевались на ветру, и моя шапочка ее, кажется, позабавила. Потому как иных причин улыбаться у мисс Раскес не было: Мартин сманил почти всех, кто на прошлой практике получил высший балл, и поскольку в этот раз оценивать будут работу всей команды, у Брюса Дилейна и его ребят не осталось шансов на победу.

Все это я поняла благодаря воспоминаниям Элизабет. Мартин давно пытался сместить Дилейна с поста старосты. Элси его методов не одобряла, но в команду Брюса все равно не пошла бы – из-за Шанны. И рыжий это знал. Вот только он не знал, что Элси здесь нет.

– С каких пор девушек делят как реквизит? – спросила я и, задрав покрасневший нос, прошествовала мимо опешившего верзилы к не менее удивленному блондину.

Сильнее всех удивилась Шанна, но к рыжему не перебежала.

Я отдавала себе отчет в том, что оказываю Брюсу медвежью услугу. Как только начнется состязание, я, скорее всего, застыну на старте, а если куда и побегу, то в противоположную от устрашающих снарядов сторону. Но несколько минут справедливость в моем лице торжествовала. Ровно до появления мистера Саймона Вульфа – куратора нашей группы, оказавшегося возмутительно молодым для такой ответственной должности и довольно симпатичным. Мне никогда не нравились мужчины с усами, но платиновая шевелюра, ярко-зеленые глаза и улыбка кинозвезды компенсировали этот недостаток.

– Некроманты отказались от совместной практики, – сообщил мистер Вульф. – Побегать наперегонки с зомби не получится.

Вырвавшийся у меня вздох облегчения потонул в недовольном гуле.

– Но! – куратор поднял руку, призывая к тишине. – Я договорился с иллюзионистами. Будет вам кое-что поинтереснее ходячих трупов. Только учтите, использовать универсальные плетения не получится. Уничтожить имитацию можно лишь тем заклинанием, которым уничтожается скопированная сущность.

Заклинания, плетения, фигуры... Угу, а как же!

Я посмотрела на однокурсников Элси, разминающихся перед тренировкой, на огненные шары и молнии, вспыхивающие и гаснущие в их руках, и поняла, что у меня два варианта. Первый – притвориться трупом, все равно некромантов не будет. Второй – бежать без оглядки, оставив другим разбираться с иллюзорным противником.

На третий вариант – чудо божье – я и не рассчитывала. Мэйтин не объявлялся с разговора в столовой, и нельзя было исключить, что после ознакомительной экскурсии божество полностью сбросило дела мирские на меня.

Я посмотрела на полосу препятствий. Сразу от старта – ровное пространство шириной не больше десяти метров. Пролечу ураганом. Дальше – бревна, переброшенные через ров с вязкой мешаниной из грязи и снега. Потом стену перелезть...

– Готовы? – спросил куратор.

Нет!

– Готовы, – ответил за всех староста. – Только что-то я иллюзионистов не вижу.

– На то они и иллюзионисты, – хмыкнул в усы Вульф.

Начиналось классически: все побежали, и я побежала. Рванула за Брюсом, который сбросил плащ и остался в легкой безрукавке, обнажившей жилистые руки, от запястий до плеч украшенные цветной татуировкой. Но когда староста запрыгнул на бревно, между нами неожиданно возник гигантский паук.

– Убу! – крикнули мне в спину. – Развей его!

То, что я с первого взгляда приняла за паука, оказалось жутким сочленением двух человеческих скелетов, еще не избавившихся от остатков плоти. Горизонтально распластавшись над землей, сросшиеся тазовыми костями, они таращились в разные стороны пустыми глазницами, быстро передвигаясь с помощью четырех пар конечностей, вывернутых в суставах на манер паучьих лап.

Я знала об этих тварях все, включая то, как их убить, но...

– Элизабет!

Стиснув зубы, я ринулась вперед, прямо в гущу костей. Главное, не угодить под лапы руки с длинными ядовитыми когтями, и посильнее ударить в место «спайки». От такого удара убу рассыпаются. Правда, после быстро собираются, но я к тому времени буду уже на бревне.

Скелетопаук не успел увернуться и, как я и надеялась, развалился на несколько анатомических пособий. Пнув подвернувшуюся под ногу руку, я влезла на бревно и на четвереньках поползла на противоположную сторону рва. Сзади кричали: видимо, убу сросся быстрее, чем другие успели пробраться за мной. Затем послышался громкий хлопок, и спину обдало жаром.

– Молодец, Аштон, – догнала меня на другой стороне раскрасневшаяся от бега и злости Шанна. – Прорвалась, а убу оставила задержать остальных? Не забыла, что сегодня мы играем в команде? Или ты и играешь в команде, только не в нашей?

Незаслуженное обвинение хлестнуло пощечиной, но оправдываться было некогда.

– Дерево, – я указала пальцем за спину разгневанной девушки. – Одушевленное.

Недружелюбно настроенная коряга надвигалась на нас, перебирая по земле толстыми корнями и раззявив пасть-дупло.

– Так сожги его, – предложила Шанна и побежала к стене.

Я кинулась за ней. Вскрабкалась по вертикальной преграде с едва выступающими кирпичиками и, тяжело сопя, ухватила за край. Подтянулась и чуть не слетела, получив пониже спины тяжелой веткой.

– Я же сказала, сожги! – заорала мне сверху Шанна. – Что с тобой такое?

Что-что... Котик у меня не вовремя на крышу вылез...

Раскес махнула рукой в сторону приставучего дерева, и оно вспыхнуло.

– Давай, – всем видом демонстрируя, насколько ей это неприятно, Шанна помогла мне влезть на стену, соскочила с другой стороны и побежала дальше.

Отдышавшись, я прыгнула следом, но не удержалась на ногах и упала лицом в снег. Полежала немного и поднялась, как герой одного из любимых фильмов повторяя про себя, что слишком стара для этого дерьма.

Следующие десять минут я проклинала тот час, когда отправила Элси учиться боевой магии. Полоса препятствий казалась бесконечной, фантазия иллюзионистов – неиссякаемой. Я ползла, бежала, падала, снова вставала, ползла, бежала и снова падала, ежеминутно шарахаясь от какой-нибудь твари. Время от времени ловила на себе взгляды Шанны, Брюса или еще кого-нибудь из нашей команды. Сначала злые и укоризненные, затем – удивленные. Оно и понятно: Элизабет Аштон, лучшая из лучших, трусливо жмурится при появлении очередного монстра и прячется за спины тех, кто сам надеялся добраться до финиша с ее помощью.

Чем дальше, тем больше одnogруппники Элси убеждались, что держаться рядом с нею не только невыгодно, но и опасно, и в конце концов я осталась одна в окружении иллюзорной, но оттого не менее пугающей нечисти. Чудом увернулась от объятий зловонного зомби, перелезла через забор и на четвереньках проползла под раскачивающимися на цепях бревнами – плевать, что переходить их полагалось поверху, балансируя на неустойчивых качелях. На этом везение закончилось. Неизвестно откуда налетела стая варгов, с другой стороны подтянулись гигантские саблезубые крысы, из-под ближайшего куста выполз еще один убу, а впереди маячило что-то темное и жуткое.

Выросшая на романах Дюма и Сабатини, я не придумала ничего лучше, чем встать в полный рост и гордо встретить всю эту компанию...

Мощная воздушная волна, слегка задев меня, смела варгов. Вторая не оставила и следа от убу и крыс, но и меня зацепила. Однако упасть я не успела: кто-то подхватил меня у самой земли и поставил на ноги. Подняв глаза на своего спасителя, я с удивлением узнала Оливера Райхона и, забыв обо всем, несколько секунд смотрела на него с восторгом и обожанием, пока нас обоих не всосало в вихрь портала.

В следующий миг мы уже стояли рядом с куратором Вульфом. Еще через секунду к стартовой черте вынесло остальных студентов.

– Простите, Саймон, – извинился ректор перед руководителем группы, – я решил прервать соревнование. Не думаю, что результаты справедливы, с учетом состояния мисс Аштон.

– О чем вы? – спросила я.

Судя по лицам однокурсников, их тоже интересовал этот вопрос.

– О том, что вы отстранены от занятий, – отчеканил Оливер. – По состоянию здоровья.

Шанна зашептала что-то Брюсу. Староста сочувственно покачал головой.

– Что с моим здоровьем? – поинтересовалась я с тревогой.

– Предлагаю обсудить это без свидетелей.

Мы отошли подальше от обступивших куратора студентов.

– Вы отстранены от практики, – сказал Оливер, когда никто, кроме меня, не мог его слышать. – Можете взять отсрочку, но не более чем на два года, после чего продолжите обучение на факультете боевой магии, подтвердив контрольными экзаменами, что не забыли пройденный курс. Либо можете не прерывать учебу и перевестись на факультет с меньшими физическими нагрузками и рисками. Я просмотрел ваше дело: при поступлении у вас выявили способности к зоомагии и целительству. Если желаете, пишите прошение о переводе на одну из этих специальностей. Или попробуйте себя в чем-нибудь еще, правда, выбор в вашем положении невелик.

– В каком положении? – продолжала недоумевать я.

– В вашем положении, – с нажимом повторил ректор. – В вашем, как говорят, интересном положении.

Несколько секунд я могла лишь беззвучно открывать рот, как выброшенная на берег рыба. Это не мешало Оливеру Райхону говорить.

– Я подумал, что до поры вы не захотите огласки, поэтому решил никого не посвящать и побеседовать с вами лично. Я не могу не учитывать интересы лорда Арчибальда. Ваш отец – уважаемый, мною в том числе, человек, скандал ему ни к чему.

– Вы ему сообщили? – выдавила я.

– Не считаю себя вправе вмешиваться в ваши семейные дела, мисс Аштон. Моя роль ограничивается соблюдением общепринятых мер безопасности. Предписание мистеру Вульфу я оставил. Без указания реальных причин, естественно. Засим позвольте откланяться.

– Не позволю. Вчера вы обвиняли меня в склонности к фантазиям, а сегодня сами нафантазировали мне беременность? Откуда вы это взяли?

Я догадывалась откуда, но обязана была отыграть роль оскорбленной невинности до конца.

– Доктор Грин крайне серьезно относится к обязанностям, – подтвердил мою догадку Оливер. – Мне хватило бы проверки на содержание в вашей крови запрещенных веществ, но он провел полный анализ. Следов наркотиков или чрезмерного потребления алкоголя, кстати, не выявилось. И это хорошо, учитывая ваше положение.

– Да нет у меня никакого положения! Я... я вообще еще девица!

Выпала и покраснела. Иногда «эффект Марибет» проявлялся весьма вовремя.

– Хотите сказать, доктор ошибся? – судя по тону, Оливер скорее поверил бы в мое непорочное зачатие, чем в то, что Эдвард Грин – чтоб ему икалось! – может ошибаться.

Однако далеко у них тут медицина шагнула. Даже в нашем мире анализ на ХГЧ начали делать относительно недавно.

– Да, ошибся, – произнесла я уверенно.

– Давайте разберемся, – невозмутимо предложил ректор.

Снова объятия без намека на нежность, снова головокружительный нырок в портал, и вот мы уже в кабинете дотошного доктора, которого хлебом не корми – дай чего-нибудь в студенческой крови обнаружить.

Хотя нет, хлеб Грин уминал за милую душу. Еще и с маслом. При нашем появлении он спокойно, будто порталы перед ним открываются по расписанию с интервалом в пять минут, отложил бутерброд и вытер рот салфеткой.

– Что случилось? – спросил обеспокоенно, но без паники. – Травма на практике?

– Нет, ничего такого, – махнул рукой ректор, отступив от меня на шаг. – Простите за вторжение, доктор. Это мисс Аштон, она приходила к вам вчера.

– Да-да, помню. Но с повторным визитом можно было так не торопиться.

Тонкие губы целителя насмешливо дрогнули, и я со злостью сжала кулаки: нашел повод для шуток – грязная девушка! Мог бы посочувствовать. Травмы, не травмы, но с десятков синяков я получила.

– К тому же я не занимаюсь подобными случаями, – доктор поглядел на оставленный бутерброд. – Пусть мисс Аштон подойдет на неделе. Миссис Томсон или леди Райс ее примут.

– Настоящая леди? – спросила я, на миг забыв, зачем я здесь. Понятно, что мир далек от нашего девятнадцатого века: равноправие, магия, работающие женщины. Но леди-то что забыла в больнице?

– Самая настоящая, – подтвердил целитель, но выражение лица у него стало такое, что я заподозрила подвох. Впрочем, лицо у него само по себе приятностью не отличалось, хотя сегодня мистер Грин был свеж и гладко выбрит.

– Мисс Аштон уверяет, будто вы ошиблись, – отвлек от посторонних тем ректор, – и она вовсе не в положении. Более того, еще девица.

– Что же, – протянул Грин с мерзкой ухмылкой, – осмотр легко подтвердит или опровергнет слова мисс Аштон.

«Осматривайте!» – хотела предложить я, но неожиданно онемела, чувствуя, как отхлынула от щек кровь. Ох, Элси!

– Аж настолько девица? – хмыкнул доктор, от которого не укрылся стыдливый испуг моего альтер эго. – Не бойтесь, я не собирался заниматься этим лично. Но если вы в принципе против осмотра, могу провести повторный анализ. Правда, это даст ответ лишь на вопрос о беременности; определять невинность по крови пока не научились.

Хам. Независимо от того, грубит ли он открыто, как вчера, или, как сегодня, маскируя гадости вежливостью.

– Но есть способ ответить на все вопросы разом, – закончил Грин. Приблизился к ректору и зашептал ему что-то.

Оливер с сомнением взглянул в мою сторону. С сомнением, жалостью и разочарованием. А мне так не хотелось его разочаровывать! Сейчас, глядя на него, я понимала свою ошибку. Я написала его идеальным: умным, серьезным, уравновешенным. А как он красив! А манеры? А безупречные костюмы? Разве этот Мистер Совершенство обратит на меня внимание? Точнее, на Элси. Это ведь она о нем грезит. А я Марина, и я не влюбляюсь в книжных героев со времен капитана Блада.

Но Оливер нереально хорош!

– Пойдем, – решил он. – Доктор, покажите мисс Аштон, где она может привести себя в порядок.

Куда мы пойдем, он не сказал.

В уборной я отмыла от грязи лицо, кое-как очистила одежду, пригладила волосы и выкинула в мусорную корзину уродскую шапочку. Вернулась в кабинет, и Оливер переместил нас троих к высокой кованой ограде, за которой на некотором отдалении от ворот виднелся большой трехэтажный особняк. Высокие стрельчатые окна, остроконечные арки и резные вимперги создавали впечатление, что здание тянется ввысь. Черепица, похожая на подтаявшую плитку шоколада, выкрашенные в темно-коричневый декоративные балкончики и оконные рамы тем-

ного дерева контрастировали с песочного цвета стенами, а там, где своды кровли, соединяясь, образовывали острые углы, сидели химеры, и дай-то бог, чтобы каменные.

Милорд Райхон не вошел по-хозяйски в калитку, а позвонил и стал дожидаться ответа. Доктор, к моей недоброй радости забывший надеть верхнюю одежду, топтался по снегу в облепивших худые ноги брючках и куцем пиджачке, безуспешно делая вид, что ему не холодно.

Через минуту к ограде подошел эльф. Уже не первый эльф, которого я видела, но все равно трудно было удержаться от разглядывания этого прекрасного, но до того чуждого существа, что его инаковость, казалось, стоит между ним и нами, людьми, непробиваемой стеной. Ректор сказал ему несколько слов на эльфийском. Эlsi знала его на «отлично», но сейчас я поняла только, что мы прийти видеть какой-то кэллapiа, и сделала вывод, что академический минимум далек от полноценного владения языком.

Эльф распахнул калитку, которая даже не была заперта, и до меня наконец дошло, что мы пришли в эльфийское посольство, на территорию соседней державы. Но какого кэллapiа мы здесь забыли, я все еще не понимала.

Повели нас не к особняку, а к маленькому домику с округлыми оконцами. Цветом стен и черепицы он гармонировал с основным зданием, но в остальном походил скорее на крестьянскую избу, а не на жилище эльфов. Или даже на амбар, поскольку вместо дверей тут были раздвижные ворота. Сопровождавший нас нелюдь потянул вниз рычаг на стене, и деревянные створки разъехались, открывая вход в небольшое помещение, где вдоль стен стояли ящики с зерном и сеном. Далее шли еще одни «ворота», но в этих была дверца.

– Прошу, мисс Аштон, – ректор пропустил меня вперед.

Я решительно вошла в просторный и светлый... загон? Стойло? И застыла с идиотской улыбкой, прилипшей к губам вместе с детским тягучим: «Лошадка-а-а-а».

– Восхитительно, – сказали рядом со мной дрогнувшим от волнения голосом.

Доктор? Вот уж не думала, что он способен чем-то восторгаться.

Но единорог – это вам не что-то. Сказочно прекрасное существо с белоснежной шерстью, длинной гривой и касающимся серебряных копыт хвостом отличалось от самой породистой лошади не только витым рогом на лбу. Можно сказать, оно отличалось от лошадей так же, как эльфы отличались от людей. Но в случае с единорогом у меня не возникло внутреннего неприятия его непохожести на обычного коня, словно я всегда знала, что он и должен быть таким – невероятным, нереальным, волшебным. Правда, судя по лепешкам на полу, какало дивное создание отнюдь не радугами.

– Недавно наши эльфийские друзья сделали воистину королевский подарок академии, – сказал Оливер, заметно померкший для меня рядом с единорогом. – Нет, само животное они нам не подарили, но поселили тут, дав нам возможность приобщиться к его магии.

Сами вы животное, милорд! Примат. А это – чудо!

– Рискнете погладить? – спросил ректор.

Любуясь единорогом, я не сразу вспомнила, что эти существа безошибочно распознают девственниц и лишь их подпускают к себе.

– Поглажу, – заявила с вызовом.

Протянула руку, но единорог с фырканием шарахнулся в сторону.

– Что и требовалось доказать, – глумливо констатировал Грин.

– Ничего не доказано, – не сдалась я. – Не могли бы вы отойти подальше? Оба. Простите, но вы не слишком похожи на невинных девиц.

Ну, иди же сюда, чудо чудное, не выставляй меня лгуньей. Хотя я лгунья, конечно. Но не беременная же! И девственница... в этом теле.

Единорог повел ухом, втянул широко раздувшимися ноздрями воздух и пошел ко мне. Шаг, второй, третий, и вот уже влажная морда уткнулась в мою ладонь. От этого прикосновения мурашки пошли по телу, а внутри разлилось такое тепло и умиротворение, что я позабыла,

зачем все это, и, лишь когда единорогу наскучило тереться о мою руку и он отошел к кормушке, обернулась к Оливеру.

– Что и требовалось доказать.

Ректор поглядел на доктора.

– Единороги не ошибаются, – пожал плечами тот. – Видимо, я поторопился с выводами. Во время беременности организм женщины интенсивно вырабатывает особый белок, но в редких случаях его высокая концентрация в крови может быть вызвана иными причинами. Тут, очевидно, тот самый исключительный случай.

Грин врал так складно, что даже я почти поверила.

– Мисс Аштон, – поклонился мне милорд Райхон, – примите мои искренние извинения. Надеюсь, ничем не оскорбил вас в ходе разбирательства этого недоразумения.

– Нет, милорд. Я понимаю, что вы стали жертвой чужой ошибки, – я бросила на доктора уничижительный взгляд и вслед за ректором покинула жилище единорога, пообещав себе любым способом вернуться сюда.

За оградой Оливер еще раз учтиво поклонился.

– Всего доброго, – лицо его не выдавало ни досады, ни неловкости, которую он обязан был испытывать. – Завтра можете возвращаться к занятиям, я отзову предписание.

Ректор исчез в портале, а я еще несколько минут смотрела в пустоту, с отчаянием осознавая, какая огромная пропасть между нами.

– До свидания, – буркнул, проходя мимо, Грин.

Его тон и враждебный взгляд раздражали, и я не удержалась:

– Не хотите извиниться, доктор? Благодаря вам я едва не стала объектом сплетен и насмешек.

Целитель развернулся и быстро приблизился ко мне.

– Поразительная наглость, – будучи всего на полголовы выше, он смотрел на меня сверху вниз с гадливым любопытством, как на редкую, но отвратительную на вид рептилию. – Вам же известно, что диагноз я поставил верный. Только не вам. И при желании мог раскрыть обман.

– Почему же не раскрыли? – спросила я дерзко, поборов нарастающую в душе панику. – Неужели пожалели?

– Вас? Плевать я на вас хотел, мисс. Но в подмене участвовали двое, и мне не хотелось бы, чтобы Анабель пострадала за свою доброту. Не у всех, знаете ли, отцы состоят в совете попечителей, и работа в лечебнице академии ей нужна. Особенно сейчас, как вы понимаете. Точнее, если понимаете.

Пристыженная такой отповедью, я только и смогла, что спросить дрожащим шепотом:

– А отец ребенка?

Если он порядочный человек, должен взять на себя заботы об Анабель...

– Не ваше дело, – резко бросил Грин и пошел прочь.

Вместе с ним уходили неприятные ощущения и смутный подсознательный страх. Хорошо бы не встречаться больше с этим господином.

Глава 6

Дорога до общежития забрала добрый час и остатки сил, так что понадобилась вся моя воля, чтобы избавиться от грязных вещей и выкупаться, а не завалиться тут же в кровать. Разговор с Оливером и посещение единорога заставили на время забыть о результатах бега наперегонки с иллюзорными тварями, но теперь я ощутила их сполна. Каждый сустав, каждая мышца нещадно болели, на затылке зрела шишка, а синякам и царапинам не было числа.

Мне не помешала бы помощь целителя, но Мэг еще была на занятиях, а самовольно пользоваться ее снадобьями я не рискнула. Только йодом ссадины обработала и еще пустырника выпила. Интересно, он привыкания не вызывает?

– Не вызывает.

Я подпрыгнула от неожиданности, а рука тут же потянулась к пузырьку за новой дозой.

– Но лучше не часті́, – посоветовал Мэйтин.

На полигон прийти он не мог, а влезть в комнату к полуголой девушке, на которой только синяки и сорочка, – запросто!

– Что я забыл на полигоне? – удивился бог.

– Меня! – С обиженным сопением я забралась под одеяло. – Мне там бег с препятствиями устроили и чудищ напустили. Меня ходячее дерево веткой огрело! Я падала раз сто! Я...

– Не понял, – он в недоумении тряхнул головой. – Это же обычная тренировка для Элизабет.

– Угу. Только я не Элизабет. Я по заборам прыгать не обучена и колдовать не умею. Если бы не беременность, до сих пор валялась бы в какой-нибудь канаве.

– Чья беременность? – бог коснулся кончиками пальцев моего лба. – Ну ты даешь, – выдохнул спустя секунду.

– Ты сейчас что сделал? – спросила я, приподнимаясь.

– Память считал. Но ты все-таки... М-да... Кровь почему сама не сдала? Сибил ничего не добавляет в спиртное.

Об этом я уже по его вопросу догадалась. Но тогда, в больнице, откуда мне было знать?

– Ладно, – отмахнулся он. – Не самая большая проблема. Лучше объясни, почему ты не используешь магию?

– Не могу.

– Почему?

– Не знаю! – окрысилась я. – Не могу, и все!

– Так не должно было случиться.

До чего же верно эта фраза характеризует мое нынешнее положение!

– Нормальное у тебя положение, – проворчал Мэйтин, оглядев меня. – Горизонтальное. Можешь пока в нем и оставаться.

– Долго?

– Зависит от того, собираешься ты на обед или нет.

– Обед? – протянула я страдальчески. – Почему нельзя было сделать отдельные столовые при каждом общежитии?

– Это ты меня спрашиваешь? – ухмыльнулся бог.

Нет, блин! Это был риторический вопрос!

– Тут есть буфет, – сжалился он. – И небольшая кухня, где тебе приготовят сэндвич или чашечку горячего шоколада. Но это потом. Сейчас обсудим твои проблемы, пока у меня есть немного времени.

– Немного? – я вскочила. – Снова бросишь меня?

– А у меня есть выбор? Кое-кто, не буду показывать пальцем, придумал для Трайса единую мировую религию. Единую! Для людей, эльфов, гоблинов – для всех. И кто-то из них действительно верит. И молится. А молитву истинно верующего не услышать невозможно. Это как многоканальный телефон, и тебя вызывают сразу по всем линиям.

– А нельзя игнорировать звонки?

– Если какая-нибудь ерунда – можно. А если что-то важное...

– Я на полигоне тебя звала, – высказала я ответную претензию. – По-твоему, это было неважно?

– Важно, наверное. Но ты звала. А они, – он обвел рукой комнату, словно весь мир, – молятся. Они в меня верят по-настоящему.

– А я?

– А ты нет. Ты знаешь, что я есть. Когда в меня верят, я чувствую.

Повисло неловкое молчание.

– Трудно быть богом? – спросила я, первой не выдержав тишины.

– Привык уже, – улыбнулся он. – Да и родня помогает.

– У тебя есть родня? – удивилась я. – Получается, ты не единственный бог на Трайсе?

Он поглядел на меня и скорбно вздохнул:

– Ты же сама обо мне написала: «Верховный». А раз я верховный, должны быть и другие, не такие... верховные.

В памяти Элси всплывали смутные подсказки вроде мифов о заселении мира. Согласно этим мифам, эльфы и люди – это ожившие отражения богов, однажды подлетевших к планете, чтобы поглядеть, а что это тут вертится. И да, богов было больше одного. Восемь, если точнее. Мэйтин-Вершитель, Кирим-Воин, Лиджайя-Возлюбленная... Больше имен я не вспомнила, только прозвища: Пряха, Сказочница, Мудрец, Шутник... и еще кто-то...

– Аштоны не религиозны, – объяснил мое невежество Мэйтин. – Лорд Арчибалд поклоняется прогрессу и вместо свечей в храме скупает акции железнодорожных компаний. Леди Оливия посещает службы лишь по большим праздникам – это одна из ее светских обязанностей. А их дочь... ты лучше меня знаешь.

– Это плохо? – спросила я, уловив в его словах укор.

– Мы живем, пока в нас верят. – Он отвернулся к окну, а когда вновь повернулся ко мне, на его лице не осталось и тени печали. – Давай все же с магией разберемся.

А что с ней разбираться? Память о силе есть. Сила есть. Но сила эта, как и память, не моя, и, если воспоминания Элси мне еще удастся вытягивать в нужный момент, с магией так не получалось и вряд ли получится.

Мэйтин не счел это достаточным основанием для отстранения меня от должности спасительницы мира. Сказал, что вариантов все равно нет. Я автор. Значит, придумаю что-нибудь. Оспорить это утверждение я не успела: послышался скрип открывающейся в общий коридор двери, и в комнату постучали.

– Войдите, – прокричала я, нырнув под одеяло.

В комнату заглянула женщина лет тридцати пяти, в которой Элси узнала Летти, свою горничную.

– Мисс Элизабет, к вам посетитель, – доложила она. – Ожидает в комнате для гостей.

– Мне нездоровится.

– Это инспектор, – извиняющимся тоном объяснила Летти. – Сказал, если вы не спуститесь, сам поднимется. А это не совсем прилично.

Что за инспектор?

– Вильям Крейг, – ответил на мысленный вопрос Мэйтин. – Шеф внутренней полиции академии. Студенты пропадают – ты же не думала, что это не станут расследовать?

Одевалась я быстро и уже через пять минут предстала пред светлы очи инспектора. Вернее, попыталась предстать, но ввиду того, что очи его, действительно светлые, выцветшие до блекло-голубого, жутко косили, удалось это лишь наполовину, и, когда одно око глядело на меня, второе высматривало что-то за моим плечом. Я даже обернулась, не Мэйтин ли там, но бог если и решил присутствовать при разговоре, то незримо.

– Мисс Аштон? – полицейский со свойственной пожилым людям медлительностью привстал с кресла, но, не успев подняться в полный рост, счел церемонию приветствия оконченной и опустил обратно. – Простите, что побеспокоил. Мистер Вульф сказал, что вы прихворнули, но дело важное.

Голос у него был простуженный, тон – донельзя виноватый, словно неловко ему не только за неурочный визит, но и за всего себя. За выдавшее виды коричневое пальто, в которое он кутался, хотя давно должен был отогреться в тепле. За редкие, будто присыпанные пеплом волосы, давно не стриженные и оттого завивающиеся на кончиках в забавные не по чину и не по возрасту колечки. За исчерченные морщинками щеки со следами порезов после бритья и руки с неровными обломанными ногтями, которые он прятал в рукава. За взгляд, что при всем желании не мог сфокусировать на моем лице. Но все это в совокупности вызывало к мистеру Крейгу такое снисходительное расположение, что, явись он ко мне среди ночи, я не возмущалась бы, а вежливо ответила на вопросы и попрощалась, пожелав всего наилучшего.

– Хотел о сегодняшней тренировке расспросить, мисс. Вы на полигоне ничего необычного не видели?

Помимо пауков из костей, злобных деревьев, крыс размером с волков и еще пары десятков монстров?

– Нет, господин инспектор. Если что-то и было, я этого не заметила или восприняла как элемент задания. У нас ведь была тренировка с иллюзиями. Не уточните, о чем речь?

– Да что у нас тут, – вздохнул полицейский. – Письмена кровавые, знамена тревожные... Наверняка ведь знаете.

– Кто-то еще пропал? – встрепелась я.

Инспектор задумчиво кивнул:

– Знаете. Все уж знают. Говорил я милорду Райхону, шила в мешке не утаишь. – Он достал из кармана мятый клетчатый платок и, отвернувшись, утер нос. – Не видели ничего, значит? И не слышали?

Я покачала головой.

– Жаль, очень жаль.

Он оперся рукою о подлокотник, чтобы встать, но вдруг передумал.

– А ваши товарищи одну странность отметили, – обронил рассеянно.

– Какую же?

– Вас. Сказали, вели вы себя необычно, – инспектор с сомнением растягивал слова, словно сам не понимал, что же такого необычного было в моем поведении. – Вроде бы отказались в команду Мартина Кинкина пойти, хоть он вас и звал.

– И что тут странного?

– И правда, – он снова вынул платок, помял в руках и убрал обратно в карман. – Но товарищи ваши удивились чему-то.

– Тому, что я пошла в одну команду с Шанной Раскес, – сказала я, поняв, что этот человек не уйдет, не получив ответа.

– У вас с ней не очень хорошие отношения? – поинтересовался он тем же рассеянным тоном.

– У нас нормальные отношения. Здоровое соперничество. Но в соревновании команд этому соперничеству не было места, и я решила, что ничего не потеряю, если сыграю на одной стороне с Шанной против Мартина и его прихлебал.

– Мистер Кинкин вам не нравится? – закинул новый крючок инспектор.

– Мне не нравятся методы, которыми он пробивается на место старосты, и я не хочу помогать ему в этом.

– Ясненько, – теперь полицейский на самом деле поднялся и поправил воротник пальто. – Не буду вас задерживать. Отдыхайте, мисс. Отдых при любом недуге – первое дело.

– Вы так и не сказали, что случилось.

– Не сказал? – удивился он. – Так то и случилось. Студент пропал. Мистер Кинкин. Сразу, как тренировку прервали, не кинулись, а уж когда мистер Вульф стал задания раздавать, обнаружилось.

– Может, Мартин просто ушел, никого не предупредив? Не рано ли бить тревогу?

– Так метки же, – развел руками инспектор. – Метки на каждого ставят на полигоне. Считают, кто пришел, кто ушел. Мистер Кинкин вот не уходил...

Попрощавшись с полицейским, я вернулась в комнату, но от мысли снова улечься в кровать отказалась. Мэйтин говорил, что я что-нибудь придумаю, и я придумала.

Сибил напророчила перемены, начало которым положит недоразумение. По-хорошему, мое присутствие здесь – уже недоразумение, и перемены начались в тот момент, когда я влезла в панталоны Элизабет. Но если требовалось другое предзнаменование, мнимая беременность подходила идеально. А милорд Райхон подсказал мне решение проблем с практикой по боевой магии.

Прости, Элси. Не думала, на что тебя обрекаю, отправляя учиться именно на этот факультет. Но если, несмотря на трудности, тебе там нравилось, тоже прости. Потому что я тебя переведу. Займемся чем-нибудь не таким опасным и изнуряющим. Нет, не зоомагией. Я вышла из того возраста, когда мечтают выучить язык животных. Графу сказала бы пару ласковых при встрече, но он у меня и человеческий неплохо понимает. А мы, Элси, пойдем на целительский. Медицина у меня в крови. Дед это часто повторял. Неделю со мной не разговаривал, когда я документы на экономический подала. Забыл, как сам говорил, что в наше время рядовому врачу себя прокормить нелегко. Я нерядовым вряд ли стала бы. И тут в светила рваться не буду, лишь бы от полигона держаться подальше.

– Неплохой план, – сказал вновь появившийся рядом бог. – А по исчезновениям что надумала?

– Пока ничего.

Наверное, стоит побывать на месте преступления? Или личные вещи жертвы осмотреть?

– На личные вещи взглянуть можно, – подмигнул Мэйтин. – Полиции пока не до этого. А Кинкин жил в том же общежитии, что и один из твоих друзей.

– Рысь?

– Ну не эльф же? – усмехнулся он и снова исчез.

Куратора я нашла на факультете. За неимением собственного кабинета мистер Вульф устроился в пустой аудитории, где проверял письменные задания, сверяясь со справочником. Глядя, как он, взяв очередную работу, с сомнением хмурит брови, листает книгу и расслабленно вздыхает, убедившись в своей правоте, трудно было сдержать улыбку.

– Мисс Аштон? – Саймон захлопнул справочник и сунул его под стол. – Вы ко мне?

– Да. Вот. – Приблизившись, я протянула ему заявление. – Милорд Райхон оставлял вам предписание на этот счет.

– Сразу – да, но после он его отозвал.

Не думала, что Оливер вспомнит обо мне после исчезновения Мартина. Какой у нас, однако, ответственный ректор!

– Но я ведь все равно могу просить о переводе? – спросила с надеждой.

– Да. Но почему вы хотите уйти... – Вульф заглянул в заявление и удивленно моргнул. – На целительский?

– Мне кажется, это более подходящая для меня специальность. И родители так считают. Они не одобряли мой первоначальный выбор, ведь боевая магия вряд ли пригодится мне в будущем.

– Моя мать тоже не обрадовалась, когда я поступил на боевой, – пожал плечами маг. – Тоже говорила, что я не найду приличной работы. Но я стал преподавателем. Достойная и уважаемая профессия.

– Мать, наверное, вами гордится.

– Пока не очень, – смутился молодой человек.

– Я преподавателем не стану, – вернулась я к тому, зачем пришла. – Вряд ли у меня получится учить других. А навыки целителя всегда пригодятся.

– Понимаю, – кивнул мистер Вульф. – Хотя мало кто решился бы на перевод на третьем курсе. Но некоторые вообще уходят из академии. Переводятся в Глисетский университет или в высшую школу Найтлопа. Уровень образования там ниже, зато спокойнее. Вы уже знаете о Мартине?

– Да.

– Вы не поэтому?... – он поглядел на меня, на заявление и снова на меня.

– Не поэтому, – заверила я.

Саймон удовлетворенно кивнул, словно мой ответ совпал с тем, что он вычитал в справочнике, подписал заявление и пожелал мне удачи на новом месте.

– Подпишите у декана нашего факультета, а затем – у декана целителей. Вы же согласовали перевод?

– Конечно, – соврала я.

Решить вопрос я планировала в обход деканатов.

К четырем часам, когда бледное зимнее солнце уже опустилось к горизонту, я была в главном корпусе.

– Милорд Райхон занят, – с неприятной улыбочкой сообщил секретарь. – Можете записаться на прием. В будущую среду вас устроит?

– Нет. Будьте добры, сообщите милорду Райхону, что я хочу поговорить о происшествии на полигоне.

Игнорировать упоминание полигона он не посмел. Проскользнул в едва приоткрытую дверь ректорского кабинета и практически тут же вышел.

– Вас примут, – бросил так, словно согласие Оливера на разговор со мной оскорбило его до глубины души.

– Спасибо, – поблагодарила я, поборов соблазн сказать что-нибудь едкое или хотя бы одарить его уничижительным взглядом, хорошо удававшимся аристократке Элизабет.

Прошла в кабинет.

– Присаживайтесь, мисс Аштон, – пригласил сидевший за столом ректор. – Я верно понял, у вас есть информация о сегодняшнем происшествии?

– Да, – я опустила глаза, чтобы не смотреть ему в лицо. Отвлекало.

– Почему вы не поделились ею с инспектором?

– Не хотелось, чтобы кто-либо знал. Но и скрывать это не получится. – Я глубоко вдохнула, собираясь с духом, и выпалила: – Сегодня на полигоне пострадал не только Мартин Кинкин, но и я.

– Каким образом? – в голосе Оливера слышался скепсис: Элси давно исчерпала лимит его доверия.

– Во время тренировки что-то случилось. Что-то, из-за чего я... Я не могу использовать магию! – Эмоции Элизабет выплеснулись наружу, и последняя фраза прозвучала с неподдельным отчаянием.

– Что, простите? – не выказывая и толики обеспокоенности, переспросил ректор.

– Я не могу использовать магию, – всхлипнула я.

– И в чем это проявляется?

– Ни в чем. Ни в чем не проявляется! Плетения не плетутся, фигуры не складываются, потоков не вижу. Хорошо, на полигоне иллюзии были, а если бы настоящие зомби?

Взглянув мельком на мужчину, отметила, что он задумался. Теперь нужно не упустить инициативу и подтолкнуть его к принятию правильного решения.

– Я заявление написала, на целительский, – продолжила плаксиво. – К полигону и на сто ярдov не подойду! Лучше в больнице. Вы же сказали, что у меня способности... Но без магии даже там... Меня же не отчислят? Можно же это исправить? Вы ведь знаете как?

Это была самая рискованная часть плана, но у меня все равно не вышло бы долго скрывать отсутствие способностей. А если моя проблема заинтересует ректора, у нас появится повод для общения. Я ведь уже решила, что нужно завязывать с дурацкими выходками Элизабет, до этого дня бывшими единственной причиной их встреч с Оливером.

– Нельзя, чтобы все узнали, – лепетала я, кусая губы. – Это такой позор... Больше чем позор! Я была лучшей студенткой курса. Я... Я же все равно маг!

– Да, – кивнул ректор. – Вы маг. Я не замечаю никаких изменений.

Подняв руку над столом, он смотрел на меня, словно ждал чего-то, но дождался лишь того, что я вынула из кармана кружевной платочек и промокнула веки.

– Неужели? – пробормотал с сомнением.

– Вы же не скажете никому? – гнула я свое. – Это так ужасно.

Как я ошибалась!

Ужасное было впереди. Меня будто окатили ледяной водой и тут же сунули в морозильник. Тело сковало холодом, в глазах помутнело, словно их покрыла, а может, и правда покрыла, изморозь. От страха и боли хотелось орать, но заковневший язык и губы не шевелились, лишь облачко пара вырвалось изо рта...

– Элизабет! – в другой ситуации волнение в голосе Оливера меня порадовало бы. – Вы... Почему вы не закрылись?!

Потому что не могу, идиот недоверчивый!

Включилась «разморозка», и новая боль заставила тихонько, сколько позволяли не оттаившие еще связки, заскулить.

Затем – портал. Комната, утопающая в тумане. Чья-то неясная тень...

– Оливер! – возмутилась тень женским голосом. – Я говорила, как меня нервирует... О боги, кто это?

– В данный момент, леди Пенелопа, это ваша пациентка. А в будущем, думаю, ваша студентка.

Леди Пенелопа. Удивительно, но мозги мне не совсем отморозило. Настоящая леди, работающая в больнице.

Значит, меня переведут на целительский?

Я довольно вздохнула и позволила себе потерять сознание, обмякнув в сильных руках Оливера. Романтическая сцена. Занавес.

Глава 7

В чувства меня привели быстро. Уложили на кушетку, влили в рот что-то тягучее и горькое, накрыли шерстяным одеялом и оставили в маленькой плохо освещенной комнатухе «приходить в себя».

– Однако методы у вас, Оливер...

Голоса доносились из соседнего помещения, но их заглушал шум волн в моей голове.

– Не думал, что так выйдет, – оправдывался ректор. – Любой маг закрылся бы на рефлекс-торном уровне.

– Но она...

– Даже не пыталась. Хотя я не вижу отклонений.

Как я ни старалась, не смогла ничего больше расслышать, а через несколько минут разговор прекратился, и Оливер вошел в комнату.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, остановившись рядом с кушеткой.

– Спасибо, лучше, – прошептала я, еще дрожа от затаившегося внутри холода.

– Простите мое недоверие и...

– Я понимаю, – прервала я его со вздохом. – У вас были причины сомневаться.

Подобного смирения милорд Райхон от Элси не ожидал и растерялся, поняв, что инцидент исчерпан.

– Отдохните еще немного, – сказал после затяжной паузы. – Потом леди Райс хотела бы с вами побеседовать. Я рассказал ей о вашей проблеме. Не волнуйтесь, она сохранит это в секрете. Ко мне придете завтра. Подумаем, что можно сделать.

Да будет так. Он ректор, Элси – студентка, у нее возникли сложности, а ему под силу с ними разобраться. У подобных отношений тоже есть шанс перерасти в нечто большее...

– Милорд! – Я вскочила, сбросив на пол одеяло, и кинулась к тому месту, где минуту назад закрылся портал.

Поздно!

Как я вернусь в общежитие, когда мое пальто осталось в гардеробе главного корпуса?

– Вам уже лучше? – заглянула в комнату леди Пенелопа, из темного пятна, каким я видела ее после перемещения, трансформировавшаяся в статную седовласую даму лет шестидесяти с приятным, хоть и несколько суровым лицом. – Тогда не будем откладывать разговор. Входите, мисс Аштон.

Каморка, где я отходила от заморозки, была чем-то вроде комнаты для отдыха и примыкала к кабинету, не такому просторному, как у Грина, но светлому и, если это слово применимо к рабочим помещениям, уютному.

Леди Пенелопа заняла место за столом и указала мне на стул для посетителей.

– Итак, вы хотите перевестись на целительский факультет?

Она вынула из ящика и поставила перед собой череп с выпирающими из глазниц глазными яблоками. Если надеялась, что я с визгом вскочу, – пустое. Череп был деревянным, глаза – с веселой голубенькой радужкой и розовыми прожилками сосудов – поделкой из стекла.

– Хочу, – сказала я черепу.

– Почему? – искусственная голова в руках женщины раскололась на две неравные части, и стало видно, что внутри находится мозг – тоже деревянный, только покрашенный в розовый цвет.

– Мне нравится медицина. А при поступлении у меня выявили соответствующие способности.

– Способности? – ловкие пальцы леди отделили друг от друга кости черепа и принялись разбирать по долям мозг. Наконец-то я узнала, как выглядит настоящая головоломка. – А вам

известно, что девять из десяти поступающих обнаруживают при первичном тестировании расположенность к целительству? Это в природе не только человека, но и животных – зализывать раны, выкапывать лечебные корешки, выбирать из шерсти паразитов. Ваши способности обусловлены инстинктами. Этого вряд ли хватит, чтобы стать хорошим целителем.

– У меня получится.

– А если нет? – разобрав череп и его содержимое, леди Пенелопа достала салфетку и принялась протирать каждую деталь. – Почему не выбрать что-то попроще? Я понимаю Оливера Райхона и причины, по которым он приволок вас именно ко мне, но вас...

– Почему же именно к вам? – перебила я невежливо, но леди Райс, занятая полировкой мозгов, и тогда не взглянула в мою сторону.

– Потому что вы Элизабет Аштон, единственная дочь Арчибальда Аштона, члена королевского парламента и первого помощника лорда-канцлера. А я Пенелопа Райс. Мои предки основали это заведение, и мне принадлежит решающий голос в совете учредителей. Если придется вернуть лорду Аштону дочурку с заключением о ее магической непригодности, милорд Райхон, получивший должность министерским указом, предпочтет наблюдать за этим с безопасного расстояния. Меня же не сможет уволить даже король. Может арестовать, сослать на острова, приговорить к смерти, но не уволить.

Получается, Оливер блефовал, отправляя Элси сдавать анализ на наркотики. И выходки ее терпел не от большой любви. Это плохо сочеталось с образом романтического героя, но, с другой стороны, кому охота портить себе жизнь и карьеру из-за избалованной золотой девочки?

– Отец не станет винить академию в моей непригодности, – оскорбленно выговорила я. – У него не будет повода.

Взяла со стола несколько деталей муляжа.

– Продолговатый мозг. Средний мозг. Мозжечок. Лобная доля. Теменная...

Анатомию со мной учил дед. Взясся едва ли не с первого класса, и к тому времени, как этот предмет появился в школьной программе, я знала его настолько, что могла позволить себе подразнить биологичку расширенными ответами с использованием неведомых ей подробностей. Но леди Пенелопу я в недостатке знаний не подозревала, а потому в детали не углублялась. Да и забылось кое-что, если честно.

Соединив все кусочки мозга, я принялась за череп.

– Лобная кость. Височная...

Так киллеры в фильмах собирают только что смазанное оружие и под конец эффектно передергивают затвор. У черепа затвора не было, поэтому завершающим штрихом стало водружение на законное место глаз.

– Пожалуйста, – я поставила муляж перед леди Райс. – Ваша голова.

Назвать череп со всем содержимым просто черепом было бы неправильно.

– Моя пока еще у меня на плечах, – заявила целительница.

– На шее, – поправила я.

– И это замечательно, не находите?

Теперь она смотрела на меня, но не с удивлением, не с удовлетворением – с усмешкой, затаившейся на дне янтарно-карих глаз.

– Что ж, мисс Аштон, вы приняты. Тем более я уже обещала милорду Райхону, что возьму вас.

Сказать, что я почувствовала себя идиоткой, – ничего не сказать. Леди Пенелопа неплохо позабавилась за мой счет.

– Приходите на кафедру завтра к девяти, – велела она. – Закончим с формальностями и составим план подготовки по новым для вас дисциплинам.

Покинув кабинет леди Райс, я попала в знакомый коридор и буквально через два шага увидела поблескивающую в свете газовых рожков табличку с именем доктора Грина. Прошла мимо, выбежала в вестибюль, а затем на крыльцо. Чертыхнулась, вспомнив о пальто, и припустила в сторону общежития, надеясь согреться на бегу или хотя бы не заоченеть – два раза за день было бы слишком.

– О боги, Элси! – кинулась ко мне Мэг, едва я ввалилась в комнату. – Где ты была? Мы слышали про вашего Кинкина, это ужасно, а тут еще ты пропала... Элси! Ты же ледяная!

– Д-да, – признала я, дробно отстукивая зубами. – И с-снежная... Я п-пальто в главном корпусе оставила и от б-больницы б-бежала в одном платье...

Соседка усадила меня на кровать и укутала одеялом.

– Что-то я не поняла: как ты и твоё пальто оказались в разных зданиях?

– Д-долго объяснять, – отмахнулась я.

Подумала, что сейчас противопростудный чай мне не помешал бы, но умница Мэг, не дожидаясь просьб, уже завозилась у своего шкафчика, смешивая что-то в стакане.

– Пей, – подала она мне готовое снадобье. – Раздевайся и в постель.

– Мне нельзя в постель, – запротестовала я. – У меня встреча... с другом...

Правда, он об этом пока не знает.

Я отрыла в дальнем углу шкафа форменное платье, нашла в вещах Элизабет старое пальто и, воспользовавшись отлучкой Мэг, улизнула из общежития. В мужское, где жил Рысь, прошла без проблем. Опасалась, что меня проведут в комнату для гостей, откуда невозможно попасть на этажи, но у парней все оказалось проще. Меня лишь спросили, к кому я, подсказали номер комнаты и напомнили, что нужно уйти до полуночи.

Двойные стандарты действовали не только в отношении внутреннего распорядка. Официально все студенты в академии равны, но, если сравнивать общежитие Элси с тем, в которое я пришла, Элизабет жила во дворце. Нет, тут не было обшарпанных дверей и обвалившейся штукатурки, а по коридорам не маршировали полчища тараканов, но здание было куда скромнее, если не сказать беднее. Никаких изысков, тусклые краски, тусклое освещение.

Я почувствовала укол совести, вспомнив, что из-за меня Рысь живет в таком месте. Дело ведь не в том, что общежитие мужское. Небось в том, где селят сыновей аристократов, и краска на стенах повеселее, и газ на освещение не жалеют.

Поднявшись на второй этаж, я нашла нужную комнату и постучалась.

Открыл мне незнакомый молодой человек – худощавый брюнет с отрешенным взглядом. Видимо, с соседом Норвуда Элизабет никогда не общалась. Вернее, с соседями: взглянув поверх плеча парня, я увидела, что в комнате, ничуть не большей, а то и меньшей, чем наша с Мэг, стояло четыре кровати. Три из них в данный момент пустовали, а на четвертой поверх покрывала лежал, прикрыв глаза, тот, кого я искала.

– Рысь! – позвала я, не дождавшись, чтобы сосед оборотня спросил меня хоть что-нибудь.

– Элси? – приятель подлетел к двери и отодвинул странно тарасившегося на меня парня. – Что ты здесь делаешь?

– В гости зашла. Мы можем пообщаться наедине?

Он схватил меня за руку и потащил на лестницу, по пути бормоча, какой приятный сюрприз я ему сделала, заявившись на ночь глядя. Узнав же, зачем я пришла, сначала удивился, а после наотрез отказался помогать. Оказывается, комендант запер комнату, переселив соседа Мартина, и сказал никому не входить до того, как полицейские все осматрят.

– Сказал? – уточнила я. – Не опечатал дверь? Не вывесил предупреждение? Значит, формально мы даже закон не нарушим.

– Проникновение в чужое жилье – уже нарушение, – не согласился оборотень. – Тем более со взломом.

– Обязательно взламывать? – задумалась я. – У парня, с которым Мартин делил комнату, остался ключ?

– Наверняка да. Но что я ему скажу? Ко мне пришла подруга и хочет покопаться в вещах твоего соседа?

– Ограничься первой половиной фразы. К тебе пришла подруга. И тебе нужна свободная комната. Возьми, – я сунула оборотню прихваченные на всякий случай деньги. – Думаю, это его убедит.

Настоящая Элси никогда не затеяла бы подобного, не рисковала бы репутацией, входя в мужское общежитие, не предложила бы разыграть столь недвусмысленную ситуацию. Но именно это убедило Норвуда в том, что мне действительно нужно попасть в жилище Мартина.

– Хорошо, – сдался он. – Попробую договориться. Подожди в моей комнате. Росс и Тоби вернутся нескоро, а Владис тебя не потревожит. Просто не обращай на него внимания, он немного не в себе. Точнее, в себе, но там не только он. Владис – медиум, работает с иными сущностями. Впускает их в себя и учится взаимодействовать.

– А эти сущности...

– Не опасны, – заверил Рысь. – Если не провоцировать.

Обещав не провоцировать ни медиума, ни его гостя, я зашла в комнату, сняла пальто и присела на кровать друга. Владис интереса к моей персоне не выказывал. Сначала долго смотрел в темное окно, потом с любопытством ощупывал стену. При следующей встрече он даже не вспомнит, что мы виделись этим вечером.

– Достал, – обрадовал вернувшийся вскоре Рысь. – Но если попадемся, Руперт мне ничего не давал. Скажу, что нашел ключ в умывальной.

Вечером большая часть студентов занята выполнением заданий и подготовкой к завтрашним занятиям, и, пока мы шли на третий этаж, к комнате Мартина, нам никто не встретился. Рысь бесшумно провернул ключ в замке и толкнул дверь, а когда мы оказались внутри, так же тихо ее закрыл и зажег «светляк». Сияющий шарик поднялся к потолку, осветив комнату. Она была меньше той, в которой жил Норвуд, и рассчитана лишь на двоих. Стол под окном, по обе стороны от него – кровати, у входной двери – шкаф для одежды, на стенах – книжные полки, наполовину пустые.

– Что ищем? – спросил друг.

– Что-то подозрительное.

Памятуя о Чарли Лосте, докторе Грине и «Городе Драконов», я начала с книг. Их было немного, а таких, на которых не стояла печать «Обязательное учебное пособие», всего четыре: приключенческий роман, мемуары какого-то полководца, сборник эльфийской поэзии и «Основы прикладной механики».

Самым подозрительным в мужской комнате был сборник стихов. Я пролистала его, но единственным результатом стало подтверждение зародившегося у меня в посольстве подозрения: Элси неважно знала эльфийский. В механике мы обе не разбирались. Открыв книгу на странице, заложенной листочком с изображением разделенного на шесть частей круга с закорючками в каждом секторе, я окунулась в удивительный мир чертежей и формул и тут же пошла ко дну...

– Глянь-ка, – окликнул меня Рысь, откопав в столе какую-то бумажку. – Схема полигона. Копия утвержденного плана, причем сегодняшняя. Мартин в комнату не возвращался. Значит, она была у него еще утром или даже вчера.

В мозгу что-то щелкнуло, но Рысь оказался быстрее одолженных у Элизабет воспоминаний.

– Полигон обновляют перед каждой тренировкой, – прошептал он до того, как эта мысль оформилась у меня в голове. – Меняют местами снаряды и препятствия, добавляют новые. До

начала занятий никто из студентов не знает, как будет выглядеть полоса препятствий. Откуда же у Кинкина схема?

Я пожала плечами.

– Сговорился с кем-то из зодчих, – сам себе ответил Норвуд. – Их факультет занимается реконструкцией полигона. Не знаешь, у Мартина были друзья с архитектурного?

Не знаю, но узнаю.

Я не успела сказать это вслух.

– Сюда идут, – прошипел Рысь, уставившись на дверь.

– Откуда ты знаешь?

– Слышу. Смотритель кого-то ведет. «Комната Кинкина там, господин инспектор», – скопировал он скрипучий голос консьержа и заметался по комнате. – В окно? Я спрыгну, а ты... Под кровать?

– На кровать, – предложила я, справившись с паникой.

Оборотень громко сглотнул.

– А что остается? – спросила я. – Сам подумай: лучше, если нас застанут роющимися в чужих вещах или... за другим занятием?

Я не надеялась, что, открыв дверь, инспектор извинится и уйдет, но после он станет разбираться, как мы сюда попали, и выжмет всю правду из соседа Мартина. Его рассказ не должен противоречить тому, что полицейский увидит своими глазами.

Очевидно, Рысь пришел к тем же выводам, легко оторвал меня от пола, бросил на ближайшую к нам кровать и осторожно пристроился рядом.

– Не думай обо мне плохо, – зашептала я, вцепившись в его рубашку, – но все должно выглядеть достоверно.

– Ага, – кивнул он, но действовать не спешил.

Я уже готовилась объяснять полиции, что мы устали за день и пришли сюда просто полежать, но звук вставляемого в замочную скважину ключа подействовал на парня как сигнальный выстрел. Рысь резко перекатился, подмял меня под себя и поцеловал. Сначала легонько, будто понарошку, а не встретив сопротивления – уже по-настоящему.

Учитывая, что в последний раз я целовалась в прошлом году на дне рождения у Ленки с ее трижды разведенным братом, обратившим на меня заинтересованный взгляд после полбутылки коньяка, а для Элси это вообще был первый настоящий поцелуй, не сравнить с тем, как она неловко чмокнула ректора в губы на балу, неудивительно, что у нас обеих крышу снесло. Вернее, как пишут в книгах, дыхание перехватило, в глазах потемнело... А, нет, это Рысь погасил светляк. Но остальные симптомы – бабочки в животе, мурашки по телу и прочие не связанные с насекомыми явления – были в наличии.

То ли время замедлилось, то ли ключ застрял в замке, но, когда дверь наконец-то открылась, мы целовались уже с полной отдачей делу, и у вошедших в комнату людей не должно было возникнуть сомнений в том, что здесь происходит.

– Что здесь происходит?! – тем не менее заорал один из них.

Я взвизгнула, оттолкнула парня и ринулась к выходу, едва не сбив с ног застывших в дверях мужчин. Рысь не отставал. Остановились мы только на улице, отбежав от общежития и укрывшись за высаженными вдоль дорожки пушистыми елочками.

– Думаешь, они нас рассмотрели? – спросила я.

– Нет.

– А по другим следам не найдут? Слепок ауры? Остаточный магический фон?

– Колдовством мы там не занимались.

Прозвучало двусмысленно. Мол, колдовством не занимались, а вот чем-то другим...

Несмотря на пронизывающий холод, щекам сделалось жарко, а в животе, разогнав бабочек, заворочался скользкой змеей запоздалый стыд.

- Рысь, слушай, то, что там... Это только для конспирации. Чтобы никто ничего не понял.
- Для конспирации, – согласно повторил он. – Никто ничего не понял. Даже я.

Последнюю фразу произнес тихо, но я расслышала. Проваливаться под землю не захотелось, но сбежать куда подальше – это я бы с радостью.

- Твое пальто осталось у меня, – вспомнил оборотень. – Но...

– Не стоит возвращаться сейчас, – закончила я. – Ничего, доберусь и так. Только ты мне его потом занеси...

Рысь первым покинул укрытие, и я слышала, как удаляющиеся шаги сменяются мягкой звериной поступью. В другое время выглянула бы посмотреть на Норвуда в другом облике, но не сейчас. Сейчас хотелось поскорее попасть в свою комнату.

Консьержка, сидевшая в вестибюле с вязанием, как и в первый раз, не выказала удивления по поводу моего, мягко говоря, необычного вида в этот дивный морозный вечер, а Мэг куда-то вышла, и не пришлось рассказывать, каким образом я потеряла второе пальто за день.

Когда она вернулась в компании Сибил, я уже лежала в постели, укутанная одеялом и разомлевшая от желанного тепла. Не дожидаясь, пока мне устроят допрос, сама рассказала о переводе на целительский и обрадовала соседку тем, что мы будем учиться вместе. В смысле, на одном отделении, потому что она выбрала при поступлении фармацевтику, а я даже не задумывалась, когда писала заявление: клиническая медицина и никак иначе.

Подруги сошлись на том, что крайне неразумно переводиться на третьем курсе, еще и в середине учебного года, но, поскольку дело уже сделано, нотации читали недолго и без особого энтузиазма.

А потом напоили горячим шоколадом.

Глава 8

Всего за два дня на Трайсе я успела выставить себя идиоткой перед ректором, свести на нет два года обучения Элизабет на факультете боевой магии и весьма оригинальным образом испортить отношения с лучшим другом. Плюсы: я погладила единорога, устроила Элси на мирную специальность и нашла достойный повод для встреч с Оливером.

Наступил третий день, и хотелось, чтобы он был не таким «плодотворным».

Когда я появилась на факультете целителей, занятия уже начались, и студенты разошлись по аудиториям. Только двое парней выясняли отношения в пустом коридоре первого этажа. Спорили они громко, на одно нормальное слово приходилось три бранных, и я удивилась, что гвалт до сих пор не привлек никого из преподавателей.

Стоило подумать об этом, как одна из дверей открылась, и в коридор выплыла леди Райс собственной персоной.

– Как не стыдно! – высказала она притихшим спорщикам. – Медицина дала вам анатомический атлас и справочник по симптоматике не для того, чтобы вы ругались как портовые грузчики. И почему вы не на лекциях?

Ответа студентов я не расслышала, но целительница кивнула и, убедившись, что ссора не возобновится, собиралась вернуться в кабинет.

– Леди Пенелопа, – окликнула я, быстрым шагом направившись к ней. – Подождите, пожалуйста.

– А, мисс Аштон, – узнала меня женщина. – Разве я назначила вам не в девять?

– Да, но...

– Вы рано. Придется подождать.

Была ли она занята или оставила меня под дверью из принципа, мне в любом случае нужно было как-то убить время, и я вернулась в вестибюль, где видела стойку с журналами и доску объявлений.

Журналы меня не заинтересовали, а вот среди объявлений встречались интересные. К намеченной через две недели практике по курсу «Лечение и заговаривание зубов» требовались пациенты-добровольцы, которым обещали бесплатно провести санацию ротовой полости, удалить зубной камень и восстановить эмаль, а если они смогут предложить проблему посложнее, вроде запущенного кариеса, пульпита или пародонтоза, им даже заплатят. С нарушениями прикуса и прочими зубочелюстными аномалиями просили подождать до следующего практического занятия.

Нужны были добровольцы и на курс эстетической хирургии. Этим гарантировалась полная анонимность. «Хотите удалить бородавку? – спрашивал нарисованный практикант – бесполое существо в белой шапочке. – Об этом будут знать лишь четверо: вы, я, мой куратор и бородавка!»

«Восстановление девственности. Легально», – приклеили рядом. На листке оставалось свободное место, и какой-то шутник приписал карандашом: «Лишение девственности. Приятно». «Кому?!» – с возмущением дописала, очевидно, прошедшая данную процедуру девушка.

На противоположной стене висело расписание занятий. Чуть дальше – графики преподавателей. Доктор Грин среди них не числился, но в дополнительной программе стояли его лекции. Вместо даты и времени в соответствующей графе значилось: «Будет сообщено дополнительно». Темы лекций: «Современные медицинские технологии», «Взаимодействие целительской магии с другими направлениями и создание комбинированных плетений»... Любопытно, что это за плетения такие и не пропадают ли после их применения люди?

Я подумала, не записаться ли мне на соответствующую лекцию, но вовремя взглянула на часы: пора было возвращаться к леди Пенелопе.

– Итак, вы все-таки пришли, – констатировала она, когда я присела у стола. – Чудесно. Потому что я уже собрала все недостающие подписи для вашего перевода.

– Спасибо, я...

– Не люблю впустую тратить время, – не слушала благодарностей целительница. – Все, от меня зависящее, я сделала, но студенткой нашего факультета вы станете, лишь сдав экзамены по дисциплинам, которые не преподавались вам на отделении боевой магии. Обычно на это дается три месяца. Если бы вы подали заявление в начале учебного года, было бы проще. Но вы переводитесь сейчас, когда до окончания очередного курса осталось всего четыре месяца. Улавливаете, о чем я? Три месяца, чтобы сдать экзамены для перевода, и всего месяц, чтобы подготовиться к экзаменам для перехода на следующий год обучения.

– Я... – несмотря на теплое платье и вполне приемлемую температуру в кабинете, кожа покрылась ледяными мурашками. Ну и влипли же мы, Элси!

– Что вы, мисс Аштон? Готовы усвоить годовую программу за месяц?

– Нет, – признала я. – Но, возможно...

– Возможно, – благосклонно кивнула леди Райс. – Будете готовиться уже с учетом поданного на третьем курсе материала, и результаты экзаменов зачтутся как для перевода, так и для перехода на следующий курс. Вас устроит такое решение?

– Да, – сказала я, хотя первым побуждением было сбежать куда подальше, пусть даже на полигон с чудовищами.

– Отлично. Потому что другого нет.

– Я правильно поняла, в этом случае на подготовку у меня будет не три, а четыре месяца?

– Неправильно. Переписывать устав ради вас не станут.

– Хорошо.

– Как сказать, – задумчиво выдала леди Пенелопа и протянула мне несколько листов, исписанных красивым крупным почерком. – Это примерное расписание, доработаем его в процессе. Но готовиться вам придется большей частью самостоятельно. У меня есть и другие студенты. И они уже доказали, что заслуживают моего внимания, а выйдет ли что-нибудь из вас, леди Аштон, я пока не знаю.

«Леди» в данном случае прозвучало как диагноз. В академии при обращении к студентам титулами не пользовались, тут все равны, пусть и едят в разных частях столовой, но целительница не преминула лишний раз напомнить, что я избалованная дочурка первого помощника канцлера, и мои способности объясняются исключительно базовыми инстинктами.

– Я могла бы... – начала я нерешительно, и женщина заинтересованно приподняла бровь. – Если можно, я приходила бы к вам в лечебницу. Я ведь пропустила не только лекции, но и практику, и, если бы вы разрешили мне присутствовать при осмотре пациентов и наблюдать лечение, это в чем-то компенсировало бы...

– Вы действительно хотите учиться? – вопрос целительницы оборвал поток сумбурных фраз. – Не повернете назад, не испугаетесь трудностей?

– Не поверну.

– Что ж, Элизабет, – она внимательно присмотрелась ко мне. – Если вы настроены серьезно, могу предложить другой график. Плотнее, но эффективнее. В дни, когда я на факультете, будете приходить сюда, посещать лекции, если я решу, что вам стоит их послушать, или читать отобранную мной литературу. Конспектировать обязательно, естественно. Когда я дежурю в лечебнице, будете со мной там. С утра и до вечера. Полагаю, это и впрямь пойдет вам на пользу. А в отсутствие пациентов сможем разбирать накопившиеся у вас вопросы. Но необходимости в самостоятельной подготовке это не отменит. Согласны на такое?

Можно попробовать. Передо мной ведь не стоит цель за три месяца стать квалифицированным врачом, только дорасти до целительницы-третьекурсницы.

– Думаю, это лучший вариант для меня, леди Пенелопа. Значит, сегодня я остаюсь с вами здесь?

– Нет. Сегодня можете идти. Посмотрите списки литературы, сходите в библиотеку. Возьмите на кафедре мое расписание и узнайте график дежурств в лечебнице, это поможет вам распланировать собственное время. Следующее дежурство у меня, к слову, послезавтра. Вас не смущает, что это будет выходной?

– Начинаю забывать, что это такое.

– Правильно делаете, – хмыкнула целительница.

В коридоре я ознакомилась с перечнем экзаменов и приложенной к нему выпиской из устава о том, что перевод не освобождает от изучения общих дисциплин. Лекции я могла не посещать, но проверку знаний обязана была пройти в установленные сроки. По истории, правоведению и эльфийскому Элси уже обеспечила нам «автомат», но доклад по драконам придется сдавать мне.

Узнав все, что требовалось, на кафедре, я помчалась в библиотеку, взяла книги из списка, а когда возвращалась с ними к себе, увидела прогуливающегося у крыльца общежития Норвуда. Оборотень явно кого-то поджидал. Догадываясь, кого именно, я сошла с дорожки между кустами, чтобы войти в здание с черного хода. Но и двух шагов не сделала, как передо мной, с хрустом проломив покрывавшую снег ледяную корку, приземлилась крупная палево-дымчатая рысь. Оскалила клыки, дернула украшенным длинной кисточкой ухом и, расплывшись на миг бесформенным пятном, превратилась в усмехающегося парня.

– Здравствуй, Элси. Прячешься от меня?

– С чего ты взял? – я пожала плечами, но со стопкой книг в руках вышло неуклюже и неубедительно.

– Зачем же свернула?

– Хотела через боковую дверь зайти. Оттуда до моей комнаты ближе.

– Да? – он посмотрел на здание общежития. – Разве это не твое окно прямо над главным входом? А лестница у вас одна, центральная.

– Рысь, я...

– Только не ври снова, ладно? – Он по-кошачьи дернул губой. Граф так же показывает зубы, когда раздражен. – Я твое пальто занес, оставил консьержке. Завернул, не волнуйся, так что непонятно, что там.

– Спасибо.

– Не за что. Замерзла вчера?

– Немного.

– А сегодня?

Его взгляд скользнул по легкому плащу, надетому за неимением иных вариантов, и задержался на побелевших от холода пальцах. Рысь шагнул ко мне. Может, хотел взять книги, чтобы я могла спрятать руки, но я непроизвольно отшатнулась, зацепилась за что-то ногой и, не удержав равновесия, стала заваливаться на спину, успев подумать, что попаду в лечебницу раньше, чем договаривалась с леди Райс.

Оборотень оказался быстрее моих мыслей. Он поймал меня у самой земли, но на ноги не поставил, а бережно уложил на снег и навис надо мной так, что его волосы, к слову, не такие уж длинные почти касались моего лица. Если бы не холод, мгновенно расплзшийся по спине, было бы даже романтично...

– Зачем ты так, Элси?

– Как?

– Не понимаешь?

– Нет.

Рысь покачал головой:

– Не ври, я же просил. Давай поговорим начистоту, Элизабет Аштон?

– Давай. Только подними меня, пожалуйста.

– Ты мне нравишься и так. Собственно, это я и хотел сказать: ты мне нравишься.

– Рысь...

– Тш-ш-ш, – его пальцы коснулись моих губ. – Позволь закончить. Ты мне нравишься. Ты красивая, веселая, неглупая. Чудаковатая, но зато с тобой не скучно. А когда ты вчера меня поцеловала... м-м-м...

Его голос завораживал. Дыхание обжигало кожу. Я чувствовала, что еще немного – и совсем растаю, и даже не возмутилась заявлению, будто бы это я его поцеловала, когда он сам на меня вчера накинулся...

– Ты замечательная, Элси. Но еще такая маленькая.

– Что?!

Оттолкнув оборотня, я вскочила с земли.

Рысь негромко рассмеялся. Поднялся, отряхнулся от снега. Фыркнул, сдувая упавшую на лицо прядь.

– Кое в чем вам не мешало бы повзрослеть, мисс Аштон. Например, понять, что не нужно прятаться от меня из-за одного поцелуя.

– Я просто...

– Это и правда просто, Элси. Вчера мне показалось, что что-то может получиться. У нас с тобой.

– Нет. Рысь, прости, ты тоже мне нравишься, но... я тебя не люблю.

– И я тебя, – беспечно сообщил он. – Иногда люди просто нравятся друг другу. Они встречаются. Проводят вместе время, гуляют, разговаривают. Целуются тоже. А потом бывает и любовь до гроба, и свадьба со всеми вытекающими. Или нет.

Он втолковывал мне все это, как ребенку, и я не знала, радоваться мне или обижаться. Вот уж не ожидала, что, если парень сказал, что хочет поговорить начистоту, он именно это и будет делать.

– Можно было попробовать, – Рысь наклонился, чтобы собрать выроненные мной книги. – Но ты и сама запутаешься, и меня запутаешь, а мне это не нужно. Поэтому не бегай от меня больше. Если хочешь, останемся друзьями. Нет – я пойму.

Очередное доказательство, что я попала отнюдь не в мир любовного фэнтези. Ни одну приличную героиню не отшил бы лучший друг, обязанный сохнуть по ней до финала, где ему, может быть, перепадет внезапное счастье с какой-нибудь статисткой.

Но разве нам с Элси нужен отвлекающий фактор в виде обаятельного оборотня? Этак на милорда Райхона ни времени не останется, ни, возможно, желания.

– Будем друзьями, – поддавшись эмоциям, я кинулась парню на шею, крепко обняла и поцеловала в щеку.

От неожиданности он чуть не уронил только что собранные книги.

– Не делай так, – выговорил одними губами. – Иначе я забуду все, что сейчас сказал.

Я успокоенно вздохнула: вот теперь понятно, что у нас совершенно нормальные отношения.

– Тебе еще интересно, как Кинкин раздобыл схему полигона? – остановил меня Рысь, когда я уже хотела идти.

– Конечно! Ты узнал?

– Есть зацепка. За ужином расскажу.

В приемной пришлось подождать: у милорда Райхона была посетительница. Секретарь сообщил мне об этом без обычного недовольства и пренебрежительных усмешек, а после вперился невидящим взглядом в бумаги. Приболел, что ли?

К счастью, любоваться его кислой физиономией пришлось недолго. И пяти минут не прошло, как из кабинета ректора вышла женщина. Невзрачная, не первой молодости, с худым бледным лицом и тусклыми глазами, она была мне откуда-то знакома, но я не успела вспомнить, где ее встречала: увидела Оливера, и все остальное отошло на задний план.

– Здравствуйте, Элизабет. Располагайтесь, где вам будет удобно, – встретив меня в дверях, ректор широким жестом обвел кабинет. – Я вернусь через минуту.

А одеколон у него сегодня другой. Пока мы стояли рядом, я успела почувствовать теплый запах дерева и кожи, дразнящие цитрусовые нотки и ветивер. И костюм скорее выходной, нежели рабочий: серо-стальной сюртук, жилет и брюки на полтона темнее, белоснежная рубашка с высоким воротником с отворотами и накрахмаленный галстук-платок.

Не к встрече же со мной он так готовился? Тогда с кем?

Я отогнала ненужные мысли и оглядела кабинет. Выбрала диванчик под окном. Оливеру придется или придвинуть кресло, нарушив интерьер, или сесть рядом со мной.

Проходя мимо стола, я заметила на нем картонные карточки, показавшиеся знакомыми. Такими же знакомыми, как побывавшая тут до меня женщина.

Формуляры из библиотеки! А недавняя посетительница – та дама, что выдавала мне книги о драконах и спрятала карточку с именем Чарли Лоста. Теперь эта карточка вместе с десятком других лежала на столе ректора.

Я бегло просмотрела все. Книги только из восьмой секции, мифология, магические существа, история магии. Ни Мартина Кинкина, ни других пропавших студентов среди читателей не значилось, зато еще в трех формулярах встретилось имя доктора Грина.

Дверь приоткрылась, и я едва успела отбежать к облюбованному для предстоящего разговора диванчику. Для Оливера это выглядело так, словно я вскочила при его появлении.

– Сидите-сидите, – улыбнулся он благожелательно. – Как прошел первый день с леди Пенелопой?

– Хорошо. Спасибо, что поспособствовали моему переводу.

– Не за что. Одна из первых задач академии – помочь начинающим магам с выбором специальности. Не всем это удастся с первого раза.

«Я не сделал ничего, что выходило бы за рамки моих обязанностей», – как бы подчеркивал он. В сочетании с безупречным костюмом, выбритым до глянца подбородком и чувственным ароматом его парфюма такой тон наводил на нерадостные мысли. Мало того, что я ему не нужна, так у него еще и есть кто-то, ради кого он так расфуфырился!

– Вы хотели что-то сказать, мисс Аштон?

Да! Женись на мне!

– Я... – шмыгнула носом. – Замерзла, когда вчера возвращалась из лечебницы. Мое пальто осталось здесь, в гардеробе, а вы ушли...

И пусть тебе будет стыдно!

– Отчего же вы не сказали леди Райс? – удивился ректор. – Она открыла бы для вас служебный портал, смогли бы забрать вещи.

– Я не знала... забыла о служебных порталах...

– Простительно в вашем состоянии, – успокоил Оливер. – Вы по-прежнему не чувствуете магию? Никаких изменений со вчерашнего дня?

– Никаких, – вздохнула я.

– Признаться, я не сталкивался с подобным, но попробуем разобраться вместе. Расскажите, как это началось. Вспомните момент, когда вы поняли, что не можете использовать дар.

Отчего бы не вспомнить? Мне было шесть, я нашла в парке ровную ветку, очистила от коры, заточила об асфальт один конец и попыталась наколдовать себе порцию пломбира. Было очень обидно...

– Это случилось на полигоне. Сразу же после того, как...

Меня прервал трезвон стоявшего на столе телефона. Извинившись, ректор подошел к аппарату.

– Оливер Райхон. Кто? Соедините.

Пользуясь паузой, обернулся ко мне:

– Элизабет, вы не попросите мистера Адамса приготовить нам чай? Беседа предстоит долгая.

Никогда меня не выставляли за дверь под таким чудесным предложением. Беседа нам предстоит! Долгая! А сейчас кто тебе звонит, дорогой?

Выйдя в приемную, я оставила дверь приоткрытой.

Глава 9

Мистера Адамса привычно перекосило, когда я, сославшись на распоряжение милорда Райхона, попросила чай.

– Больше милорду ничего не нужно? – буркнул он недовольно.

Адамс. Не я это придумала, но ему подходит. Кажется, я знакома с его семейкой.

Когда секретарь покинул приемную, я прильнула к двери.

– ...Хочешь отменить? – спрашивал неведомого собеседника Оливер. – Нет? Зачем тогда... Да, Ками, в два я у тебя...

Дальше можно не слушать. Ками – Камилла. Они с Оливером расстались в прошлом году, но я сама писала в своей дурацкой книжке, что она хотела его вернуть.

– Элизабет, где же вы? – выглянул в приемную ректор.

– Простите, – я опустила глаза. – Не хотела мешать разговору.

– Пустое, – отмахнулся он. – Обычный рабочий звонок.

Лжец! Так бы и стукнула чем-нибудь!

– На чем мы остановились?

Испорченное настроение не помешало продолжить беседу. Я рассказала, как на полигоне в разгар соревнований ощутила бессилие, как радовалась своевременному появлению милорда Райхона, как боялась признаться, что потеряла способности, чтобы меня не исключили из академии.

Оливер слушал, но мыслями был далеко.

Как и я.

Этот мужчина предназначен мне. Точнее, Элизабет, но сейчас я за нее. А Камилла Сол-Дариен писалась как досадная, но преодолимая преграда на пути к их счастью. И устранением этой преграды придется заняться лично. Потому что иначе мир погибнет, а я никогда не вернусь домой. А еще потому, что Оливер Райхон мне нравился. Он был живым воплощением моей мечты, от безупречной внешности и таких же безупречных манер до маленьких и, казалось бы, совсем не геройских черточек. Я понимала, как это глупо, ведь я все равно вернусь к себе, а Оливер останется здесь...

Но останется он с Элси!

– Спасибо, Элизабет. Я узнал все, что хотел. Увидимся после выходных. Надеюсь, у меня к тому времени появится решение.

После выходных? И у Камиллы будет целых два дня, чтобы отбить у него желание даже смотреть на других женщин?

Ну уж нет!

На первом этаже недалеко от гардероба был установлен стенд с расписанием занятий на всех факультетах. Я нашла в графиках имя Камиллы и узнала, что сегодня она читает лекции на кафедре мистических существ и через полчаса должна освободиться. Кафедра мистических существ, как я уже знала, располагалась в одном здании с факультетом прикладной некромантии, и, по странному совпадению, от главного корпуса, идя неспешным шагом, туда можно было добраться именно за полчаса. Что я и сделала.

Как обычно, плана у меня не было. В голове вертелись всякие глупости, но подпалить сопернице волосы огнешаром у меня сейчас не вышло бы, а столкнуть с лестницы, чтобы она вместо моей жизни сломала себе ногу, – уже перебор.

Пока я, стоя в коридоре, отметала идею за идеей, прозвенел звонок, и Камилла вышла из аудитории с кипой скрученных в рулоны схем. Элси помнила ее по первому году обучения: мисс Сол-Дариен читала у них основы магии. Улыбчивая голубоглазая блондинка с первого

занятия и до последнего зачета влюбляла в себя мальчишек-первокурсников, а девушки завидовали ей и пытались копировать – всё, от фасонов шляпок до легкой летящей походки. Вот и сейчас пассия Оливера была окружена толпой студентов.

– Кевин, вы не возьмете часть бумаг? – попросила она одного из них.

Прыщавый парнишка со встрепанным ежиком темных волос растаял от того, что красавица Камилла помнит его имя, и схватил все рулоны сразу.

– Куда нести, мисс?

– В хранилище.

Пропустив соперницу и ее верного бумагоносца, я пошла следом. Тихо спустилась за ними в подвал. Дождалась, когда Камилла откроет ключом дверь хранилища и заберет у помощника пособия, чтобы разложить по полкам.

– Дальше я сама. Спасибо, Кевин.

С ошалелой улыбкой парень прошел мимо меня к лестнице. Почти задел плечом, но даже не заметил, пребывая во власти несбыточных фантазий. Подумалось, что Оливер после встречи с Камиллой станет таким же.

Но если встреча не состоится...

Не до конца отдавая себе отчет в том, что делаю, я подбежала к двери хранилища, захлопнула, провернула оставленный Камиллой в замке ключ и, не дожидаясь, пока она начнет тарабанить изнутри, взбежала по лестнице.

До чего же глупо! Если Камилла не выберется сама, ее услышат, когда занятия закончатся и шумные студенты покинут здание. Или другой преподаватель спустится в хранилище. К обеду мисс Сол-Дариен опоздает, но ничто не помешает ей позвонить или приехать к Оливеру, чтобы рассказать о случившемся. Они вместе возмутятся выходками бессовестных юнцов или посмеются над ситуацией – тоже вместе. А несостоявшийся обед заменят ужином...

– Добрый день, мисс Аштон, – задумавшись, я не заметила подошедшую мисс Милс и испуганно подпрыгнула, когда та поздоровалась. – Вы ко мне?

– Я-а... Да.

В кабинете драконши меня ожидал сюрприз. Да и ее тоже, судя по удивленно взлетевшим бровям.

– Саймон? Что ты тут делаешь?

– Ем, – мистер Вульф запихнул в рот оставшийся у него в руке кусок сдобной булки и только тут увидел меня: – Здвафуйте, миф Афтон.

– Здравствуйте.

Я сделала вид, что мне совершенно не интересно, почему молодой симпатичный боевик ест булочки за столом профессора кафедры мистических существ, немолодой и несимпатичной, но вполне себе женщины. Не мое дело.

– Вы принесли план доклада? – поинтересовалась у меня мисс Милс.

Лишь после этих слов я вспомнила, что она назначала мне на сегодня. Захотелось умереть на месте, но здоровый организм, разве что со слегка потрепанной нервной системой, это желание не поддержал.

– Нет, я... хочу попросить об отсрочке в связи с переходом на другой факультет. Мне нужно готовиться к экзаменам для перевода.

– Какое отношение это имеет к моему предмету? – не повышая тона и не меняя интонации, спросила мисс Аделаида.

– Никакого, но...

– Во вторник жду вас с планом. Это максимальная отсрочка, которую я могу вам дать. Всегда доводите начатое до конца, мисс Аштон.

Доводить до конца. Все и всегда.

Мысль эта стучала у меня в висках, когда я вышла от драконши и остановилась у окна в коридоре. Доводить до конца...

– Простите, – я остановила проходившую мимо девушку. – У меня записка для мисс Сол-Дариен, но мне сказали, что она уже ушла. Не знаете, где ее можно найти?

– Наверное, дома, – пожала плечами студентка. – Она живет в коттедже на северной стороне, по соседству с мисс Милс. Второй или третий дом от пруда. Там имена на почтовых ящиках – найдете, если захотите.

Плохая была идея.

Я понимала это с самого начала, а пока пряталась в зеленых пихтах рядом с домом Камиллы, осознала окончательно. Даже в книге это было бы слишком. Не просто плохо – подло.

Когда-то я считала, что неспособна на подлость. Когда-то, когда у меня не было жизненной необходимости заполучить понравившегося мужчину. И это не вопрос личных предпочтений – существование целого мира на кону.

Путь к коттеджному поселку, где жили преподаватели и работники академии, будто специально пролегал мимо оранжереи, и я купила пышную желтую розу. К стеблю приколола записку и оставила на крыльце. Вот-вот появится Оливер. Взойдет по ступенькам, позвонит, потом заметит цветок. Наверняка поднимет, а там... «Спасибо за волшебную ночь», – я не придумала ничего лучше. Вернее, ничего хуже...

Нет! Не могу я так, ни ради себя, ни ради спасения мира! Найду другое решение.

Я посмотрела на ведущую к коттеджу дорожку и, убедившись, что никого на ней нет, выскочила из укрытия, чтобы в следующий же миг юркнуть назад и затаиться под душистыми ветками. Потому что Оливер Райхон не ходит пешком.

Портал открылся прямо перед домом. Быстро оглядевшись, маг взбежал на крыльцо. Позвонил... Все шло по плану, но меня это уже не радовало. Он позвонил еще раз и, не получив ответа, поднял цветок. Поднес к лицу, понюхал. Развернул записку...

...Так же спокойно сложил и вернул розу на порог и спустился со ступенек.

На дороге, ведущей из поселка в центр академгородка, меня нагнал автомобиль. Древний монстр для моего мира и техническое чудо для этого. Обогнав, обдав черным дымом, и заглох через несколько метров. Из металлической коробки выскочил мужчина в кожаной куртке, брюках-галифе и высоких сапогах. На голове у него был кожаный шлем, верхнюю половину лица скрывали большие автомобильные очки, нижнюю – пышные усы. Он обошел свою колымагу, попинал колеса и, смачно выругавшись, открыл капот, из-под которого повалил густой белый пар.

Не знаю отчего, но эта сцена, словно вырезанная из одного из первых фильмов позапрошлого века, показалась мне до ужаса настоящей. Именно так. Настоящей. До ужаса.

Да, мне сразу сказали, что этот мир реален и мало похож на тот, который я придумала, что живут тут реальные люди. Я с первого дня все это знала. Но знать и верить – разные вещи, как объяснял недавно Мэйтин. Поверила я только теперь и, придавленная этой верой, села прямо в снег на обочине и разрыдалась. Потому что автомобиль был настоящим, и настоящий водитель сыпал без разбору настоящим матом, а мне было по-настоящему плохо и стыдно за только что сделанную настоящую гадость и за все, что я наворотила за несколько дней в судьбе настоящей Элизабет и ее близких.

– Мисс! – забыв о машине, усач побежал ко мне. – Вам плохо, мисс?

Он поднял меня и потащил к своей развалюхе, на ходу бормоча о вреде сидения в снегу, а я, глотая слезы, врала про подвернувшуюся ногу.

– Отвезу вас в лечебницу, – сказал мой спаситель, запихнув меня в провонявший бензином и гарью салон.

– Не надо, уже почти не болит, – замотала я головой. – Да и как? Автомобиль же сломался.
– Сломался, – подтвердил водитель. – Но поедет. Механике отбой, включаем магию!

Он стащил перчатки, схватился за руль, и двигатель заурчал.

Еще утром я улыбнулась бы, подумав, как просто все в этом мире, где магией можно заткнуть любые дыры. Теперь же видела, как напряглись лежащие на руле руки, как побелели пальцы. Ничто не давалось даром, у волшебства была своя цена, а оцененное волшебство автоматически теряло статус чуда.

– Так куда вас подвезти, мисс?

– Если можно... в храм.

Молиться я по-прежнему не умела, но, быть может, Мэйтин услышит меня в своем святилище. «Прости меня, боже, потому что я согрешила», – скажу я ему. А он ответит, что так было надо, что ради высшей цели можно пожертвовать принципами, а в любви и на войне все средства хороши. И мне станет легче...

Я сама в это не верила.

Когда автомобиль остановился у храма, настолько огромного, что рядом с ним человек должен был чувствовать себя букашкой, я поблагодарила водителя и поднялась по ступеням к гигантской двустворчатой двери. За дверью ждал просторный зал. Пол, выложенный мозаикой. Потолок, такой высокий, что при попытке рассмотреть рисунок на арочных сводах начинала кружиться голова. Фрески на стенах. Витражи в окнах. Свет клонившегося к закату солнца пробивался сквозь цветное стекло, рождая тысячи радуг...

От красоты и величия этого места должно было дух захватывать, но не в моем нынешнем настроении. Даже картины из жизни богов, которая недавно так меня интересовала, рассматривать не хотелось. Я лишь отметила, что юный атлет в зеленой тоге, неизменно возглавлявший компании небожителей, ни капли не похож на знакомого мне мальчишку, и присела на одну из скамеек перед алтарем.

Тихо. Почти пусто. Лишь двое служителей рядом с курильницей, да с десятков прихожан разбрелось по залу.

– Илси! – окликнул кто-то.

Обернувшись, увидела идущего ко мне эльфа. На нем была обычная одежда, никаких длиннополых платьев и развевающихся плащей: строгое черное пальто, серый шарф, брюки, ботинки. Белые волосы аккуратно зачесаны назад и собраны на затылке в хвост. Но все же эльф: прозрачные глаза, острые уши и рисунок шрамами на щеках.

– Здравствуй, Илси.

Я выдавила улыбку, с которой положено встречать друзей:

– Здравствуй, Грайнвилль.

– Не ожидал встретить тебя здесь, – на языке людей он говорил чисто, а акцент появлялся, скорее, из-за необычного звучания его голоса, высокого и певучего.

– Сама не ожидала, что приду, – призналась я. – А ты часто тут бываешь?

– Да. В храме хорошо думается. Иногда прихожу сюда почитать.

– А это можно?

– Читать в храме? – Грайнвилль улыбнулся, и мне показалось, что рисунок на его лице поплыл, изменив форму. – Вряд ли богам есть до этого дело. И вообще до нас.

– Есть, – сказала я, вспомнив Мэйтина, круглосуточно отвечающего на звонки-молитвы.

Эльф, не подозревавший за Элизабет подобной убежденности, удивленно повел белесой бровью.

– Извини, если оскорбил твои чувства, – произнес церемонно.

– Просто я верю, что мы им не безразличны.

– У тебя что-то случилось?

– С чего ты взял? – я непроизвольно коснулась щеки, убеждаясь, что слезы уже высохли.

– Люди редко вспоминают о богах, когда у них все хорошо. Однако, логика. И не возразишь.

– Грайнвилль, ты веришь, что цель оправдывает средства?

– Зависит от того, что это за цель.

– Спасение мира, например.

– Тогда верю, – сказал он не раздумывая.

– И можно пойти на все что угодно? На подлость? Предательство? Убийство?

– Можно.

– А жить потом как?

– Можно не жить.

Да, логика. Нужно запомнить на будущее: никогда не обращаться за советом к эльфам.

– Ты спасла мир, Илси? – спросил он серьезно.

– Да. От еще одного боевого мага, – я попыталась свести разговор к шутке. – Перевелась на целительство.

– Я уже знаю. Хорошее решение.

– Надеюсь.

– Думаю, ты не способна на убийство.

– Угу, – промычала я. – Поэтому и перевелась.

– Я не об этом. Об убийстве ради спасения мира. Ты не смогла бы.

«Что же тогда ты сделала?» – будто бы спрашивал он.

– Я давно хотела спросить: зачем эльфы учатся в академии? – если ему позволено без предупреждения менять тему, то и мне можно попробовать. – Ваша магия принципиально отличается от нашей, и я не думаю, что преподаватели-люди могут вас чему-то научить. Зачем тогда?

Мне вовсе не было это интересно. Не сейчас. В мыслях был Оливер. И Камилла. Вдруг она до сих пор в подвале?..

– Согласно седьмому пункту одиннадцатого параграфа мирного договора, заключенного между нашими народами в одна тысяча пятьдесят восьмом году, не достигшие возраста первой зрелости эльфы имеют право на обучение в учебных учреждениях Арлонского королевства наравне с людьми, – без запинки выдал длинноухий. – Под этот же пункт подпадают магические учебные учреждения всех степеней.

Не удивилась бы, если бы он полный текст договора процитировал, но это ровным счетом ничего не объясняло.

– Я не говорю, что вам нельзя тут учиться. Но зачем? И чему?

– Есть ряд общеобразовательных курсов. История, религиоведение, эстетические направления...

– Мистические существа?

– Почему ты спросила? – в напевном голосе почудились новые нотки: словно журчащий по камням ручеек зарокотал, наткнувшись на внезапную преграду.

– Я готовлю доклад о драконах. Думала, вдруг у тебя есть какие-то конспекты.

– Мы не изучаем драконов. Мы достаточно знаем о них.

На этом разговор заглох. Мы сидели рядом и молчали. Эльф задумался о чем-то. Я страдала и пыталась подсунуть грызшей меня совести кость в виде всеблагой глобальной цели. Совесть воротила от кости морду и, выпустив кошачьи коготки, скреблась по сердцу.

В конце концов я не выдержала. Попрощалась с Грайнвиллем, вышла из храма, свернула с главной дороги на одну из боковых аллеек и припустила бегом...

Дверь в подвал была открыта, и двое старшекурсников заносили в хранилище стеклянный короб с мумифицированной головой рептилии. «Василиск реликтовый», – значилось на

табличке, и я понадеялась, что эта голова – не все, что удалось спасти от того василиска, которого Элси отправила под окна к ректору.

Убедившись, что Камилла не проведет ночь взаперти, я еще час бродила в сгущавшихся сумерках между учебными корпусами, пока не вспомнила, что мы с Норвудом договаривались увидеться за ужином.

Глава 10

Рысь ждал меня у столовой. Увидев, схватил за руку и потянул внутрь:

– Пойдем скорее, пока она не ушла.

– Кто?

– Подружка Мартина, как раз с архитектурного, – он протащил меня через зал и остановился рядом с одной из поддерживавших крышу колонн. – Вон она.

За столиком, на который он кивнул, ужинали две девушки.

– Блондинка? – уточнила я.

– В том-то и дело, что нет.

– Точно? – голова была занята другим, но выбор Мартина, парня во всех смыслах видного, меня удивил. Девочка была некрасивая и невзрачная: обвисшие волосы мышиного цвета, бледное личико с бесцветными бровями, длинный нос. Она ужасно сутулилась и почти не поднимала глаз от тарелки.

– Думаю, у Кинкина к ней один интерес был, – шепнул мне на ухо Рысь.

– Полигон?

– Ага. В общежитии говорят, что Мартин еще с одной девицей крутил, и вроде как архитекторше об этом донесли. Что, если она ему неправильную схему подсунула? А там ловушка была, неисправный портал или еще что-нибудь?

Я с сомнением посмотрела на девушку. Такая не то что ловушку – скандал не устроит. Да и не вязалась версия Норвуда с остальными исчезновениями.

– Я бы все равно проверил, – не сдавался он.

– Полиция разберется. Ты же оставил схему в комнате?

Рысь прикусил губу, запустил руку под куртку и, быстро оглядевшись, показал мне уголок чертежа. Один к одному: где сама не напорчу, друзья помогут!

– Дай сюда, – я выдернула у оборотня схему и спрятала в сумочку. – Придумаю что-нибудь.

Должна придумать.

Потому что наворотила я уже достаточно, пора исправлять, пока не поздно.

Начать решила с драконов.

В детстве так загадывала: если пройду по бордюру от подъезда до гаражей, ни разу не оступившись, – напишу контрольную на отлично. Сейчас то же самое, только наоборот: сдам доклад и больше не оступлюсь.

Глупо, но все равно ничем другим ночью я заняться не смогла бы, и, пока Мэг переодевалась ко сну, разложила на столе книги.

– Недолго посижу, – пообещала я соседке, понимая, что у меня вряд ли получится сегодня уснуть.

Не из-за драконов, естественно. Даже не из-за Оливера и Камиллы Из-за себя. Грайновилль неправ: неважно, какая у тебя цель. Существует черта, которую не стоит переступать, – переход тут только в одну сторону.

Я листала учебники, выписывала цитаты, но мысли раз за разом возвращали меня в коттеджный поселок.

К трем часам худо-бедно набросала план.

К четырем поняла, что литературы, рекомендованной мисс Милс, недостаточно. Книг было много, но их авторы писали, по сути, одно и то же, только разными словами. А мне хотелось знать и другие мнения. Не знаю зачем, но хотелось... Ровно до пяти утра.

В пять тридцать я все же разделась и легла в постель.

В шесть встала и накапала себе пустырника.

В шесть десять снова полезла в шкафчик соседки и отхлебнула прямо из бутылки спиртовой настойки.

В семь уже стояла у закрытой двери главного корпуса.

Дура, конечно. Но, если выбирать между дурой и сволочью, я за первый вариант. Он мне привычнее.

Оливер появился, когда я еще не успела ни замерзнуть, ни пожалеть о своем решении.

– Доброе утро, мисс Аштон. Не ожидал встретить вас здесь в выходной.

Выходной. Я и забыла. Получается, он мог вообще не прийти.

– Доброе утро, – пролепетала я. – Вчера я не забрала свое пальто... другое... И мне нужно с вами поговорить.

– Пойдемте.

Он провел меня в свой кабинет. В приемной повесил на вешалку плащ и взял у меня пальто, которое я еле расстегнула – так дрожали пальцы.

– Так о чем вы хотели поговорить? – спросил, устроившись на рабочем месте.

– Хотела... признаться... – приходилось выдавливать из себя каждое слово. – Вчера я слышала, как вы... назначили встречу мисс Сол-Дариен, и... – Я собралась с силами и выпалила на одном дыхании: – Это я подложила розу и записку на ее крыльцо.

– Ясно, – я ожидала громов и молний, но ректор и бровью не повел. – Мисс Сол-Дариен в подвале, как я понимаю, тоже заперли вы?

Он знает? Знал еще вчера? Или только что догадался?

После бессонной ночи голова работать отказывалась. Перед затуманенным взором вспыхнуло на миг окошко с предупреждением: «Приложение „Мозг“ выполнило недопустимую операцию и будет закрыто» – и тотчас погасло.

– Буду признателен, если вы объясните, зачем это сделали, – не повышая голоса, потребовал ректор.

– Затем, что... я не хотела, чтобы вы встречались. Вы мне нравитесь. Я говорила...

– Помню, – растянул Оливер, очевидно, вспоминая не столько мое признание, сколько предшествующую ему ночь и «серенаду» в исполнении экспонатов бестиария. – Скажите, Элизабет, раз уж я вам нравлюсь, что вы обо мне думаете? В общем.

– Вы... – я запнулась, почувствовав, как кровь прилила к щекам. – Вы красивый. И умный. Сильный... в смысле, маг... И настоящий джентльмен...

– Это все?

Я кивнула, не смея поднять глаз.

– То есть, – в ровном голосе звякнул металл, – идиотом вы меня не считаете? Спасибо, а то я уж волновался. Потому что ваши ухищрения рассчитаны как раз на идиота.

– Я сказала правду.

– Я говорю не о том, что вы сказали, а о том, что вы сделали. Какой реакции вы от меня ждали? Как я должен был поступить, прочитав ту записку?

– Уйти.

– Уйти, – повторил он. – И не возвращаться? И даже не задуматься, отчего мисс Сол-Дариен, женщина пунктуальная и аккуратная, опаздывает на встречу, которую сама назначила, в то время как у нее на крыльце выложены для свободного прочтения любовные послания? Вы точно не считаете меня идиотом?

Нет, милорд, вас – нет.

– Я раскаиваюсь в своем поступке, – прошептала я пристыженно. – И готова понести любое наказание.

– Чтобы назначить вам наказание, пришлось бы придумать вам преступление. Уставом академии не предусмотрены взыскания для студентов за вмешательство в личную жизнь преподавателей.

давателей. Так что придется учесть ваше искреннее раскаяние и поверить обещанию не делать больше ничего подобного. Вы же обещаете?

– Да, – прошептала я. Каждое слово Оливера, полное ледяного презрения, неподъемным грузом падало на плечи. Он еще говорить не закончил, а я уже чувствовала себя полностью раздавленной.

– Это все, что я хотел услышать, мисс Аштон. А теперь, – он брезгливо отмахнулся, словно сгонял со стола муху, – идите.

Идти хотелось только на пруд. Найти полынью и утопиться. Но я не дошла даже до приемной. Остановилась в дверях и обернулась.

– Мне... не приходите в понедельник?

– Можете не приходите, – холодно разрешил ректор. – И готовиться к отчислению. Это академия магии, тут учатся только маги.

– Но как...

– Как и договаривались. В понедельник после полудня. И пока вы не вбили себе в голову очередную глупость, поясню. Я буду заниматься вами не из-за особого расположения. И не потому, что хочу как наставник помочь молодому перспективному магу. В вашем случае перспективы весьма сомнительны. Но я хочу разобраться, что случилось с вами на полигоне, так как подозреваю, что в этом скрыт ключ к разгадке остальных происшествий. Запомните это, как и то, что я рискну пожертвовать этим ключом, если мы не придем к взаимопониманию.

Как шла в общежитие – не помню. Ноги сами несли знакомой дорогой, а перед глазами стояло лицо Оливера.

Мэг с ходу накинулась с расспросами, и пришлось сознаваться, что я не спала всю ночь, а с утра пораньше бегала в библиотеку, соглашаться с тем, что я все-таки больная, и на голову тоже, пить горький чай и укладываться в постель.

Не рассказывать же снова, что я влюбилась?

Сильные мужчины всегда были моей слабостью. Но слабостью неопасной: не так часто они мне встречались. А у тех, кто встречались, как выяснялось, сила была строго лимитирована или не распространялась на некоторые жизненные ситуации. За одного такого семь лет назад я вышла замуж, но... лимит, жесткий лимит. Он так и сказал: «Это выше моих сил». Я поняла и отпустила. А когда спустя год он предлагал начать все сначала, закрыла перед ним дверь и неделю не отвечала на звонки. Потому что мне не нужно с лимитом – мне нужно, чтобы всегда и во всем, в горе и в радости.

Было бы проще, окажись Оливер типичным представителем условно-сильного пола, но что-то подсказывало, что нет в мире, во всяком случае в этом мире, преград, перед которыми он спасовал бы. Только я тут временно, и, судя по тому, как скоро загубила возможность Элизабет на счастье, время это скоро истечет. Если для спасения Трайса выполнение этого условия обязательно, мир обречен: мало того что Оливер меня презирает, так есть еще и Камилла...

Но шутница-судьба неожиданно решила мне подыграть. Камилла Сол-Дариен исчезла.

Я узнала об этом от явившегося после обеда инспектора Крейга, когда он вызвал меня в комнату для гостей, чтобы расспросить о вчерашних событиях. Оливер все ему рассказал. В интересах следствия, как деликатно объяснил старик, но чувствовать себя менее паршиво я после этого не стала.

– Я подозреваемая?

– Да нет, мисс. К подозреваемым я в одиночку не хожу, годы уж не те. А вот со свидетелем побеседовать могу. Вы одной из последних видели мисс Сол-Дариен, были у ее дома. Ничего необычного не видели?

– Нет.

– Сможете в этом поклясться?

– А вы сможете поклясться, что ни в чем меня не подозреваете? – дерзко, но я решила, что терять мне нечего.

– Честно? – Секунду оба глаза инспектора смотрели прямо на меня. – Нет, мисс, не подозреваю. Но приглядывать за вами постараюсь, потому как вы из тех людей, что обладают редким даром оказываться в ненужное время в ненужном месте. И ладно бы вы этот дар контролировали – так нет же, сами на свою голову приключений ищите.

– О чем вы?

– Сапожки у вас хорошие, – протянул он задумчиво. – Такие вещи, я вам скажу, в глаза бросаются. Бывает, идет девушка, бежит почти, лица не видно, платье обыкновенное, форменное... Но подол чуть приподняла, и смотришь, сапожки на ней непростые: кожа мягкая, каблук рюмочкой, пряжка нарядная...

Переборщил инспектор с намеками. Мог бы сразу сказать, что узнал меня тогда, выбегающей из комнаты Мартина.

– Это не то, что вы подумали, – пробормотала я.

– Не знаю, мисс, что, по-вашему, я подумал, но уж точно не то, что вы хотели бы. Неподходящее место для свиданий, как ни крути. Тем паче, соседи вашего приятеля в тот день отсутствовали, кроме одного, но тот мог бы и в коридоре погулять – ему-то без разницы было.

Получается, инспектор не только меня узнал. Не было бы у Норвуда проблем.

– Что же вы подумали, мистер Крейг? – спросила я прямо.

– Да ничего плохого, мисс. Я ж ведь тоже молодым был, тоже тайны манили. Помню, мальчишкой бегал на соседнюю улицу покойников смотреть. Семья там одна угорела: то ли в дымоход что попало, то ли с печной заслонкой неладно было; запомятовал уже. А вот трупы хорошо помню, на неделю тогда от еды меня отворотило, вода – и та в горле застревала. Неприглядные они порой бывают, тайны-то. Но манят. Кровь бурлит, мозги идеями кипят...

– Так вы решили, что меня это интересует только потому, что у меня мозги вскипели? – возмутилась я.

– Не только. Оно ж понятно, не пустое любопытство, товарищ пропал.

– Мартин Кинкин мне не товарищ, – отрезала я, рассудив, что откровенность в малых дозах делу не навредит. – Да, его по-человечески жаль, но моя судьба волнует меня сильнее, уж простите. Милорд ректор ведь рассказал вам?

Рассказал, не сомневаюсь. Если и не сразу, то после исчезновения Камиллы точно.

– Для успешного продвижения следственных мероприятий важно иметь полную информацию, – пробубнил инспектор.

– Для успешного продвижения моей дальнейшей жизни мне тоже нужна информация о том, что произошло и как это исправить. А полиция и руководство академии несколько месяцев не могут разобраться с этими исчезновениями сту... Пойдите-ка! До мисс Сол-Дариен пропадали только студенты? И только мужчины, да? А она – преподаватель и женщина. Вы уверены, что она... ну, как все?

– К сожалению, да. Никто не застрахован, как выяснилось. Так что вы уж...

– У меня есть информация о Мартине, – выпалила я, пока он не начал страшать меня возможными последствиями. – Я нашла в его комнате схему полигона и... случайно забрала с собой. Сейчас принесу.

– Не стоит, – махнул рукой полицейский. – Знаем мы уже. Нехорошо, но с этим пусть преподаватели разбираются, к нашему делу оно отношения не имеет. Кроме схемы ничего не нашли?

Я покачала головой.

– Жаль. А может, и к лучшему. Не нужно вам, мисс, в это дело влезать. Даже при вашем интересе. Магию потерять – невелика беда, когда у нас тут люди теряются.

«Люди – тоже не большая проблема, у вас тут мир рушится», – подумала я.

Инспектор понял мое хмурое молчание по-своему.

– О результатах я докладываю милорду Райхону, – сказал, прощаясь. – Если он посчитает нужным, поделится с вами.

Поделится, а как же!

Нет, на Оливера рассчитывать нельзя. На божественное вмешательство – тоже. Оставался один вариант. Друзья.

В библиотеке – неважно, в каком мире она находится, – полагается вести себя тихо, дабы не нарушать священный покой книжных полок и не мешать другим грызть гранит наук. Но как тут молчать, когда тебя сначала сшибает с ног воздушной волной, затем что-то ударяет в лоб, выбивая из глаз искры, а следом уже летит огромный огнешар? Естественно, я заорала так, что штукатурка с потолка посыпалась. Хотя не исключено, что потолок тоже пострадал от атакующих заклятий.

Нет, на меня не набросились силы зла. Я всего лишь собрала друзей в одном из уютных читальных залов, чтобы поделиться своей бедой. Но у магов на Трайсе не принято верить на слово, когда кто-то говорит, что утратил способности.

– Что тут происходит? – степенно всплыла в зал библиотечарша. Мои крики не вызвали у пожилой женщины ни паники, ни удивления – только сдержанное возмущение нарушением дисциплины.

– Мы... э-э... заклинания отрабатываем, – нашелся Рысь.

– Хочу напомнить, что чары выше третьего уровня использовать в библиотеке запрещено, – с осуждением глядя на меня – на меня, сидящую на полу жертву дружеского недоверия, помятую и с дымящимися волосами! – выдала строгая тетка.

– Так второй же, – пискнула Сибил.

– Второй, – авторитетно подтвердила Мэг.

Библиотечарша подняла палец, словно хотела определить направление несуществующего ветра, и согласно кивнула:

– Второй. Но не забывайте о порядке, вы тут не одни.

Вообще-то в секции художественной литературы, не слишком востребованной в разгар учебного года, мы были как раз одни. Потому я и выбрала этот зал: никто не помешает спокойно поговорить. И под «спокойно» не подразумевала нанесение мне физических и моральных травм!

– А еще друзья! – всхлипнула обиженно, когда дверь за библиотечаршей закрылась.

Меня подняли, усадили в кресло, укутали пледом ноги, а в руки сунули чашку с горячим чаем, едва не пополнив коллекцию нанесенных мне повреждений ожогом. Вздохнули скорбно и уставились на меня тремя парами виноватых глаз.

– Теперь понимаете, почему мне нужно разобраться, что творится в академии? – чашка обжигала пальцы, лоб еще болел, как и место, которым я приложилась о пол при падении, так что страдание в моем голосе звучало отнюдь не притворное. – Сегодня магия пропала, завтра сама пропаду.

Я не хотела втягивать друзей в сомнительные приключения. Да и инспектор Крейг ошибался: не всех в юном возрасте манят тайны и опасности, большинство предпочитает держаться от них подальше. Поэтому я не просила о многом – только помочь собрать информацию.

– В академии тысячи студентов. Не может быть, чтобы никто ничего не видел и не слышал. А есть еще смотрители общежитий, горничные, дворники и разносчицы в столовой – на них никто не обращает внимания, а они между тем часто видят больше остальных. Кое-что я уже узнала, – я достала из сумочки записи, сделанные после разговора с инспектором. На двух страницах уместилось то, что Элси помнила о пропавших. – Слушайте. Чарли Лост – первый. Пропал в октябре. Второкурсник, специальность «Темные материи».

– Малефик, – поморщился Рысь.

Магов, специализирующихся на проклятиях, мало кто любит. Но я, увы, этой неприязни не разделяла.

– Второй – Герман Складовик, – продолжила, сдержав горький вздох. – Пропал в середине ноября, а до этого учился на четвертом курсе теормага. Третий – Виктор Нильсен, седьмой курс, выпускник. Специальность «Прикладная некромантия». Исчез в конце декабря. Четвертый, как вы знаете, – Мартин Кинкин. Третий курс, боевик, пропал три дня назад. Пятая... – я выдержала паузу, представляя, какое впечатление произведут на друзей последние новости. – Камилла Сол-Дариен. Теоретические основы магии. Преподаватель. Пропала... сегодня, наверное...

Рысь обалдело присвистнул, девушки недоверчиво переглянулись.

– Никто не застрахован, – повторила я слова инспектора. – Поэтому думайте, помогать мне или... переводиться. Мистер Вульф сказал, что многие уходят в Глисетский университет или в Найтлоп.

– Вот еще! – фыркнула Мэг. – Мне нужен диплом академии, а не какого-то университета.

– А школа Найтлопа – жуткая дыра, – подала голос Сибил. – Прорицатели у них до сих пор работают с хрустальными шарами.

– И ни там, ни там нет отдельного курса для магов-оборотней, – развел руками Норвуд. – Так что мы с тобой. Кстати, почему только мы? Ты не звала Грайнвилля?

– Нет.

– Почему? – спросила Мэг так, точно уже знала ответ и хотела проверить, совпадет ли он с моим.

– Он эльф.

Целительница кивнула.

– Мы подозреваем эльфов? – встрепелась Сибил.

– Это лишь одна из версий.

По странному совпадению мы встретили Грайнвилля всего через час, когда Рысь провожал нас с девочками в общежитие.

– Как твои дела, Илси? – спросил эльф так, чтобы никто из друзей не мог слышать. – Все еще спасаешь мир?

– Делать мне больше нечего, – пробурчала я.

И не соврала ведь: нечего, только мир спасать.

То ли моя паранойя обострилась, то ли луна как-то странно отразилась в прозрачных глазах эльфа, но подумалось, что он именно так и понял мой ответ.

В общежитии я первым делом отыскала Летти. Горничная обреталась в маленькой комнатке на первом этаже и удивилась, когда мисс Аштон лично пожаловала в ее скромное жилище.

– Вы умеете стричь? – я огорошила ее еще больше. – На практике мне подпалили волосы. Нужно обрезать... насколько приличия позволяют.

После «проверочного» огнешара на волосах было больше копоти, чем подпалин, но я с первого дня мечтала отделаться от косы.

Прощай, прекрасная героиня Элизабет Аштон.

Здравствуй, я.

Глава 11

Обрезанные чуть ниже лопаток волосы и приготовленная с вечера одежда существенно сэкономили время на сборы, и в лечебнице я появилась к восьми, успев перед этим позавтракать.

– Вы все же пришли.

Этой же фразой леди Пенелопа приветствовала меня в прошлый раз. Видимо, ей понадобится не один день, чтобы увериться, что я не отступлюсь.

– И книги взяли? – заметила она стопку учебников. – Не стоило. У меня есть все, что вам понадобится. Сюда берите лишь тетрадь для заметок и пару-тройку сэндвичей. Вы ведь не озаботились сегодня вопросами пропитания?

Я уныло покачала головой.

– Что же я, нелюдь какая? – рассмеялась леди Райс. – Отпущу вас в столовую. Но путь неблизкий, и, как по мне, лучше обойтись холодными закусками и горячим кофе. Впрочем, кофе я вас и так напою. Одна из пациенток презентовала мне зерен. Ее супруг ведет торговлю с колониями. Не всегда легально, как я поняла, но тем вкуснее кофе.

Дружелюбный тон целительницы наводил на мысль, что она хочет усыпить мою бдительность, прежде чем завалить невыполнимыми заданиями, но если подобное и планировалось, то не сразу.

Сразу меня напоили кофе, который леди Пенелопа лично смолотла в ручной мельнице и сварила на спиртовке, стоявшей в примыкавшей к ее кабинету комнатке. Затем мне вручили белый чепец и передник с огромными карманами.

– Это лечебница, Элизабет, и тут есть определенные правила, часть которых касается внешнего вида, – при этих словах наставница придирчиво оглядела меня, но поводов для замечаний не нашла: платье я выбрала простое и удобное, волосы скрутила на затылке и спрятала под сетку, а ногти, обломанные на полигоне, аккуратно обрезала. – Приходя сюда, будете надевать чепец и передник. Следить за их чистотой – также ваша обязанность. Что до распорядка, то в девять, если дежуривший ночью доктор не оставил иных рекомендаций, я делаю обход. На моем попечении пациентки, лежащие в палатах на втором этаже в левом крыле больницы. Женские заболевания, беременности, протекающие с осложнениями, – позже посмотрите истории. В одиннадцать начинается прием. К сожалению, работать исключительно в рамках своей специализации не получается. К примеру, явится дама, чья репродуктивная система работает как часы, ничуть не беременная, но с вывихнутой лодыжкой или, упасите боги, с геморроидальным кровотечением, и потребует, чтобы ее осматривала непременно целительница-женщина, а никак не травматолог и не хирург, которых она к своему телу не допустит, так как оба они мужчины. И придется осматривать, ибо клятва целителя не содержит уточнений и после слов «не откажу страждущему» не добавляется «если страдания его вызваны такими-то и такими-то заболеваниями». Но не бойтесь, – женщина усмехнулась, – вы клятвы пока не давали, и, случись такое, от созерцания кровоточащей задницы я вас избавлю.

– И от вывихнутой лодыжки?

– А что той лодыжке? Вправим, – леди Пенелопа с хрустом размяла пальцы, и мне подумалось, что излишне привередливая дама еще пожалеет, что пошла не к тому доктору.

Обход мало отличался от того, что проводят в наших больницах. Наставница расспрашивала пациенток, как прошла ночь и есть ли жалобы. Некоторых ощупывала, кому-то вписывала в карточки, которые за ней носила пухленькая сестричка в таком же, как у меня, чепце, новые назначения. Все это делалось быстро, но без суеты.

В палате, где лежали беременные, наставница сбавила темп, а деловитое участие на ее лице сменилось материнской нежностью.

– Как тут мои девочки?

Обращение адресовалось огромному животу одной из женщин.

– Как вы, маленькие? – спрашивала леди Пенелопа, обхватив его ладонями. И отвечала сама себе: – Замечательно. У Гледис уже затягивается бочок, и правая ручка у Сью почти догнала левую. Пальчики... прекрасные пальчики...

– Доктор Грин тоже так сказал, – улыбнулась будущая мать. – Он заходил рано утром.

– Задам я ему, – проворчала целительница. – Ходит тут, будит моих девочек... молодец какой, плечико подтянул...

Второй пациентке и ее мальчику она уредила меньше времени. Ощупала живот, погладила круговыми движениями и взяла у сестры деревянный стетоскоп.

– Чудесно. Сильное здоровое сердечко. Элизабет, хотите послушать?

– Нет, я... – мое собственное сердце пропустило удар. – Боюсь, ничего не пойму...

Леди Пенелопа смерила меня долгим взглядом, но, если и подумала что-то при этом, мыслями не поделилась.

– У миссис Лешвиц случай довольно простой для нашей лечебницы, – начала объяснять она, когда мы вернулись в кабинет. – Неправильное предлежание плода, и пуповина обвила левую ножку малыша, из-за чего был нарушен приток крови и наметились отклонения в развитии конечности. Хорошо, что акушерка направила ее к нам. До родов есть время все исправить, и осложнений не возникнет ни у матери, ни у ребенка. Случай миссис Перли намного сложнее. У нее однайцовые близнецы. На ранней стадии они не разделились полностью. Общая печень и легкое. У одной из девочек правая рука практически отсутствовала: недоразвитый плечевой сустав с коротеньким отростком... Обычно таким детям позволяют родиться и уже после проводят операцию по разделению. Это сложно, опасно и не дает гарантий полного исцеления. Операция на стадии внутриутробного развития еще сложнее и опаснее, но так как организм ребенка в этот период только формируется, больше шансов, что поврежденные органы, при определенном вмешательстве целителей, восстановятся в пределах нормы.

– Такие операции возможны? – не удержалась я от недоверчивого возгласа.

– Когда хирург обладает нужными навыками – да. Если в общих чертах, то делается небольшой надрез, в матку внедряются инструменты, и доктор путем телекинетического воздействия проводит операцию. Предвосхищая ваш следующий вопрос: нет, оперировала не я. Я лишь ассистировала доктору Грину вместе с еще несколькими целителями.

Взаимодействие целительской магии с другими направлениями. Вот, значит, как оно происходит. Я вспомнила счастливое лицо миссис Перли и мысленно вычеркнула Грина из списка подозреваемых... И снова вписала. Я не из тех, кто верит, что гений и злодейство несовместимы.

– Леди Пенелопа, скажите, целитель может определить беременность на взгляд?

Если так, зачем было пугать меня осмотром и водить к единорогу? Хотя, подозреваю, на единорога ему самому хотелось взглянуть, а я была предлогом.

– И не целитель тоже, – кивнула наставница. – К концу второго месяца у эмбриона формируется собственная аура. Но целитель, конечно, распознает ее раньше, чем маг иной специализации.

– А на совсем ранних сроках?

– На взгляд, как вы изволили выразиться? Зачем? Обычный осмотр даст ответ на этот вопрос. В случае сомнений можно провести анализы.

– Но если сравнивать сложнейшую операцию и простое определение беременности...

– Вот именно, простое, – не дала мне закончить наставница. – Та операция потребовала участия нескольких опытных магов и использования мощных артефактов. Артефакты вообще вещь полезная, – она сняла толстый медный браслет и, напоказ повертев в руке, убрала в стол. – А какой смысл тратить силу на ерунду? Если уж вы решили заняться целительством, первое,

чему вам нужно научиться, это различать случаи, когда необходимо задействовать дар, а когда можно обойтись немагическими средствами. – На стол передо мной легла толстая книга. – Посмотрите потом. А сейчас, пока есть время и нет пациентов, устрою вам экскурсию.

Экскурсия вышла познавательной.

Как говорил Мэйтин, в мире, где существует магия, науки развиваются иными путями. К медицине это утверждение относилось не в последнюю очередь. Я задумывала Трайс как мир, похожий на мой родной конца позапрошлого века, но тогда на Земле и не помышляли о том, что было возможно здесь. Даже если бы я в свое время выучилась на врача и, попав сюда, решила бы подобно многим героям фэнтези заняться прогрессорством, сложно сказать, что я могла бы предложить этому миру. Разве что перчатки. Если бы была знакома с технологией производства латекса. Остальное, пусть не такое, как на Земле, тут было.

Комната для осмотров, оборудованная диагностическими артефактами. Операционная, похожая на наши, но с черным шероховатым полом, на котором, как объяснила наставница, иногда приходится чертить вспомогательные ритуальные рисунки. Лаборатории: клиническая, где при помощи микроскопа и магии проводились анализы и цитологические исследования, и фармацевтическая, занимавшаяся производством лекарств по собственной рецептуре.

Лечебница при Королевской академии была не просто студенческой больницей. Я уже знала от Анабель, что пациенты сюда съезжаются отовсюду, а леди Райс сказала, что результаты проводимых тут исследований служат базой для работы других медицинских учреждений Арлона.

После экскурсии наставница напомнила мне об оставленной книге, открыв на странице, где были напечатаны данные по средней продолжительности жизни магов, работающих в разных направлениях. По статистике меньше всех жили некроманты и целители. Первые, вызывая духи умерших и «оживляя» трупы, делились с ними жизненной энергией. Вторые отдавали ее больным при исцелении. Наверное, это должно было заставить меня задуматься, действительно ли я хочу стать целителем. Но из курса истории я помнила, что в прошлом некроманты часто прибегали к человеческим жертвоприношениям, чтобы сохранить собственные силы, а у целителей практиковалась «замена», когда жизнь здорового раба, например, меняли на жизнь его больного хозяина, и целитель при этом отдавал минимум энергии. А у нас тут доктор, творящий чудеса и не боящийся братья за опасные и энергоемкие случаи, в то время как пропадают молодые, полные сил маги. Если моя неприязнь к Эдварду Грину продиктована интуицией, а не первым произведенным им впечатлением, я, кажется, нашла мотив.

Чтобы проверить эту версию, я даже на обед не пошла, соврав леди Пенелопе, что еще одной чашки кофе и печенья мне вполне хватит, и, улучив момент, расспросила наставницу о заведующем.

Узнала я немного. Выпускник академии (его дипломная работа произвела фурор. Странно, что не переворот в науке). Холост (женат на своей работе). Сорок три года (но выглядит старше, особенно в сравнении с Оливером, которому тоже немногим за сорок). После выпуска работал в нашей лечебнице, а потом пропал на пять лет. Вернувшись, стал демонстрировать чудеса исцеления. Закономерный итог – народная любовь, уважение руководства и должность, которую Грин получил после смерти предыдущего заведующего. А тот умер внезапно, всего на шестьдесят втором году жизни, что для магов, даже целителей, далеко не старость.

Подозрительно? Еще как!

К сожалению, леди Райс сочла беседу о патологиях при беременности более интересной темой и, забыв о Грине, взялась пересказывать мне истории своих пациенток.

После у меня было два часа на самообразование. Затем мне позволили присутствовать при осмотре, в ходе которого я решила, что лучше выберу в качестве специализации патологическую анатомию, чем акушерство. Далее была «вывихнутая лодыжка»: явилась фифа-

студентка, из тех, что в столовой занимают лучшие места и не носят форменных платьев, и пожаловалась на боль в спине. Наставница ее осмотрела, выписала целебную мазь и порекомендовала не так сильно затягивать корсет. Девушка оскорбленно заявила, что ничего она не затягивает, так как при ее фигуре это лишнее. Леди Райс пожала плечами и будто невзначай заметила, что при такой фигуре лишнее – это пирожные к чаю, после чего фифа вылетела из смотровой пулей, пригрозив пожаловаться заведующему. Верь я, что она это сделает, пошла бы следом, чтобы послушать, что ответит добрейший доктор.

К девяти вечера я, уставшая и голодная, вернулась в общежитие, где меня дожидались кусок шоколадного торта, горячий кофе и подруги, потратившие день на сбор информации о пропавших.

– Начнем по порядку, – Мэг положила перед собой стопку листов и сняла верхний. – Чарли Лост. Руководство тогда так старалось избежать огласки, что некоторые до сих пор считают, что он уехал домой. У Чарли были для этого причины: из-за плохих оценок его внесли в список на отчисление по результатам семестра.

– А еще – несчастная любовь, – театрально вздохнула Сибил.

Черт! У нее же вчера была первая репетиция, а я обещала прийти. Надеюсь, она не обиделась.

– В начале учебного года Чарли расстался с девушкой, – подтвердила Мэг. – Его друзья считают, что он потому и забросил учебу, а в день, когда он пропал, она согласилась на свидание, но, видно, ничего у них не сладилось, потому что Чарли вернулся в общежитие в плохом настроении и заперся в комнате. Больше его никто не видел.

– Он ничем не болел? – спросила я, пытаюсь увязать пропавшего с лечебницей и ее заведующим.

– Вроде бы нет, – ответила Мэг. – А что?

– Да так... Что по другим?

– Герман Складовик, – торжественно зачитала с листа Сибил. – Теоретик. Отличник. Красавчик. Девушки с его факультета до сих пор страдают. Вроде бы он состоял в каком-то спортивном клубе... или бойцовском ... Его товарищи вскользь обмолвились, Рысь обещал проверить.

– Таких проблем, как у Чарли, у Германа не было? – уточнила я.

– Нет. Он вообще был счастливым, по словам приятелей.

– И здоровье, наверное, имел отменное?

– Да. Но перед самым исчезновением приболел. Во всяком случае, сказал так соседям по комнате. Они пытались расспросить, что с ним такое, но он рассердился и сказал, чтобы от него отстали. Они ушли в столовую...

– И Германа больше не видели, – поняла я.

– Точно, – подтвердила Сибил. – А почему тебя интересует их здоровье?

– Пытаюсь отыскать между ними что-то общее. Место, где они могли пересекаться. Лечебница подходит.

– А столовая – нет? – подозрительно посмотрела на меня Мэг. – Или библиотека? Темнишь, Элси. Скажи честно: ты узнала что-то в лечебнице? Или о лечебнице?

– Просто весь день там провела, вот и подумалось... Глупость.

– Хорошо, что глупость, – не отводя от меня взгляда, проговорила Мэг. – Потому что Рысь выяснил, что Виктор Нильсен как раз ходил в лечебницу, когда пропал. Пошел, – она подпустила в голос мрачных ноток, – а назад не вернулся.

Я встрепенулась:

– Кто-нибудь знает, зачем он туда ходил?

– Знают, – хмыкнула целительница. – Преподаватели, доктора, полиция. Но с ними говорить не так просто, как со студентами.

– Со студентами легко, – закивала Сибил. – Многие любят посплетничать, и парни не меньше девушек. Я столько всего попутно узнала. И от двух свиданий отказалась. На третье согласилась, но не пойду. Или сходить? Он милый, хоть и некромант.

– Как и Виктор, – напомнила я, отвлекая подругу от мечтаний. – Как бы разузнать, что он делал в лечебнице?

– Леди Райс спроси, – поддела Маргарита. – Но если боишься, что она не ответит, я могу поговорить с Анабель. Помнишь Анабель?

Я помнила. И чувствовала себя виноватой перед ней. То, что наш обман раскрыли, сейчас не главная ее проблема, но Грин, пусть и не сдал ее ректору, после наверняка отчитал бедняжку. А если он, так сказать, лично причастен... Нет, не верю. Милая добрая девушка и этот желчный тип? Но она говорила о нем с таким восторгом...

– Ее не было сегодня на работе, – сказала Мэг. – Загляну завтра.

– Ты была в лечебнице? – удивилась я. – А ко мне не зашла?

– У меня нет повода для визита к леди Пенелопе, – усмехнулась соседка. – А ты, как мне передали, от нее ни на шаг не отлучалась. Да, у меня есть еще знакомые там, но о Викторе они ничего не знают. Он был пациентом доктора Грина, а значит, только Анабель может помочь. Она при заведующем – что-то вроде личной помощницы.

Все же Грин.

Нужно заняться этим господином вплотную. Только как к нему подобраться?

– Включи фантазию.

Обернувшись на голос, я увидела Мэйтина, восседающего на столе в позе лотоса. Вечно он появляется внезапно и не тогда, когда действительно нужен. Пришел бы в пятницу, после того как... А еще лучше – до...

– Что ты уже учудила?

Извинившись перед подругами, я зашла в ванную. Открыла воду и ополоснула лицо. Рассказывать долго. Пусть память считывает.

Длань божья, теплая и шершавая, как у обыкновенного мальчишки, легла мне на лоб, и я зажмурилась, предвкушая, сколько «хорошего» сейчас услышу.

– Не ошибается тот, кто ничего не делает, – сказал Мэйтин, и я осмелилась открыть глаза. – Только, прежде чем что-то делать, не мешало бы обдумать все как следует, – добавил он с укором. – Но теперь, надеюсь, подобного не повторится.

Угу. Как в том анекдоте про мальчика, сбросившего дяденьке кирпич на голову: «Я больше не буду!» – «А больше уже и не надо».

– Откуда пессимизм? Я в тебя верю. А я не во многих людей верю, обычно наоборот.

Он подмигнул мне, и на сердце сделалось легко. В меня бог верит, разве может что-то не получиться? С учебой почти наладилось, за расследование мы с друзьями взялись. И с Оливером решится. Конечно, натворила я дел, и он считает меня то ли влюбленной душой, то ли эгоистичной дрянью, но это же классический сюжет, когда герой со временем меняет мнение о героине...

– Опять за свое? – поморщился Мэйтин. – Не книга это, не книга. Но мнение меняй, у истории должен быть счастливый финал по всем пунктам.

Не книга, но финал должен быть.

– Промежуточный, – уточнил бог. – Потому что история никогда не заканчивается. Она может только начинаться. Бесконечное множество раз. Потом поймешь. Сейчас тебя подружки ждут.

А сам снова исчезнет?

– У тебя своя миссия, у меня своя, – напомнил Мэйтин. – Не всегда есть время заглянуть, не обижайся.

Я и не обижаюсь. Боюсь. Вдруг снова что-то не то сделаю? А посоветоваться не с кем.

– Как это не с кем? А друзья? Всего им не расскажешь, но в целом, гляжу, вы поладили. Они свою Элси в беде не оставят.

Элси.

От мысли, которая еще в первый день должна была прийти мне в голову, но лишь сейчас нашла туда дорогу, похолодело внутри...

– Сейчас это неважно, – покачал головой Мэйтин. – Возвращайся к подругам. Расспроси Сибил о Камилле, это интересно. Подумай, что общего у всех исчезновений.

Он что-то знал. Знал, но не говорил.

– Всего я не знаю, – сказал бог. – А то, что знаю, ты услышишь и от других. Потому что есть, скажем так, нормы божественного вмешательства. Не хочу исчерпать лимит прежде времени.

Он исчез, а я задержалась в ванной. Всмотривалась в отражение в зеркале, в глаза, которые и отъявленный романтик не назвал бы сейчас сапфировыми – до того они потускнели, – касалась бледных щек и потрескавшихся от холода губ...

Но Мэйтин сказал, что это неважно, и я решила ему поверить.

– Сибил, что ты узнала о мисс Сол-Дариен?

– Откуда ты знаешь, что именно я о ней разузнавала? – провидица смотрела на меня с удивлением и профессиональным интересом.

Не говорить же, что от знакомого бога?

– Догадалась. Ты сказала, что какой-то некромант пригласил тебя на свидание, а кафедра мистических существ, где Камилла читала лекции в последний день, в одном здании с отделением некромантии.

– Ух ты, я о таком и не подумала бы! – восхитилась подруга, не слышавшая о дедуктивном методе Шерлока Холмса. – Только я туда не ходила, сегодня же выходной. А с некромантом случайно встретилась, так забавно получилось...

– Камилла, – напомнила я.

– А, да, Камилла. Ты ошиблась, Элси. Она пропала не вчера, а позавчера.

У Сибил была знакомая на теормаге, она и рассказала, что произошло, начиная с того, что какой-то шутник запер мисс Сол-Дариен в подвале. На счастье, мисс Милс понадобилась голова василиска, и Камилле не пришлось сидеть в хранилище до понедельника. Как только ее освободили, пришел ректор. О чем они говорили, студенты не слышали, но знакомая Сибил уверяла, что Камилла была расстроена после его ухода. Неужели он все-таки поверил записке? И ни обеда, ни ужина не состоялось, домой мисс Сол-Дариен возвращалась одна. По дороге она встретила двух студенток, которым нужна была помощь с контрольной, и пригласила к себе. Дома предложила гостям чай и пошла на кухню. Когда прошла уже четверть часа, а она так и не вернулась, девушки решили ее поискать, но дом оказался пуст. Затем по стенам расползлись кровавые буквы. Студентки в ужасе сбежали и лишь на следующее утро решились рассказать обо всем куратору, а тот уже обратился в полицию.

Сибил записала имена тех девушек, но приятельница, от которой она все это узнала, сказала, что они были так напуганы, что тут же уехали и в академию вряд ли вернутся.

– Чарли, Герман, Виктор, Мартин, Камилла, – я загнула все пальцы на руке и посмотрела на получившийся кулак. – Разные факультеты, разный возраст, разное социальное положение, интересы и проблемы. Но что-то общее у них должно быть. Что?

Подруги синхронно пожали плечами.

– Может... – Сибил потерла переносицу, словно хотела разгладить появившуюся между бровей складочку. – Может, все состояли в каком-нибудь тайном обществе? Герман точно в каком-то состоял.

– И Камилла? – со скепсисом уточнила Мэг. – К тому же с тех пор, как их официально разрешили, эти общества уже не популярны. Детские игры!

Провидица надула губки. Тут и без дедукции понятно, что сама она числится в десятке подобных условно тайных организаций.

– Проверим, – пообещала я, чтобы ее успокоить. – Что еще? Что объединяет все случаи? Время? Нет. Фазы луны?

– Нет, – откликнулась Сибил.

Но что-то должно быть! Одна группа крови? Какая-нибудь редкая, четвертая отрицательная с повышенным содержанием мидихлорианов?

– Ничего общего, – покачала головой Мэг. – Разве что... Перед исчезновением все были чем-то расстроены. Правда, насчет Виктора не уверена, но в лечебницу по радостному поводу только дамы в положении ходят.

Оно? Что, если похититель использует какую-то ловушку, настраиваясь на определенные эмоции жертвы?

Я поделилась догадкой с подругами, и они согласились, что такое возможно. Отчасти единодушие обуславливалось поздним временем и общим желанием поскорее лечь спать, и, приняв мою версию как основную, мы пожелали друг другу спокойной ночи и неизменно хорошего настроения. На всякий случай.

Глава 12

В понедельник наставница проводила семинар у старших курсов, а меня отправила к профессору Эррори, пожилому гоблину, слушать со второкурсниками лекцию по паразитологии. И там выяснилась интересная вещь: на Трайсе существовала латынь. Я и прежде обращала внимание на специфические названия, общие для двух разных миров, но, когда зазвучали один за другим медицинские термины, знакомые мне по книгам из родительского шкафа, ошибиться стало невозможно: латынь. Правда, называлась она здесь «альс» и считалась языком древней, но развитой цивилизации. Возможно, драконов. Был бы рядом Мэйтин, я расспросила бы его, как из мира в мир мог попасть целый язык, но бог не появлялся, и вскоре я перестала ломать голову по этому поводу. Было о чем еще думать, ведь после познавательной лекции о богатом внутреннем мире человека, населенном занятыми и не всегда дружелюбными существами, меня ждало испытание стократ серьезнее – встреча с Оливером.

Ровно в двенадцать я сидела в его приемной и раздражала и без того какого-то нервного сегодня мистера Адамса, щелкая крышкой часиков-кулона. Секретарь сказал, что ректор освободится через несколько минут, а я со страхом и нетерпением считала секунды.

Наконец, щелчке на пятидесятом дверь кабинета распахнулась, и оттуда вышел инспектор Крейг.

– Доброго дня, мисс, – кивнул он, проходя мимо.

– Здравствуйте, мисс Аштон, – выглянул в приемную провожавший посетителя ректор. – Проходите.

Если случившееся с Камиллой его и взволновало, внешне это никак не проявлялось. Милорд Райхон был как всегда спокоен и неотразим. В глазах ни тоски, ни следов бессонных ночей, подбородок выбрит, и вороная грива, которой я-автор его наградила, не задумываясь о практической стороне вопроса, причесана волосок к волоску и заплетена в тугую косу, змеей спускающуюся по широкой спине.

Ректорскую спину я разглядывала долго: впусив меня в кабинет, Оливер подошел к окну и почти минуту высматривал что-то на крыше соседнего корпуса.

– Я думал о вашей проблеме, Элизабет, – сказал наконец. – Не скажу, что нашел решение, но можно кое-что попробовать. Какую технику медитации вы обычно используете?

Память Элси на этот вопрос не отзывалась, а в моем мире техникой для медитации был телевизор: включаешь и думаешь о чем-то далеком под бессмысленную болтовню с экрана.

– Концентрация на внутренних ощущениях или на внешнем объекте?

– Наверное, лучше на внутренних... или на внешних... иногда...

– Вы нечасто это практикуете, – понял Оливер. – Не страшно, разберемся. Но не сегодня. Сегодня у меня есть еще дела, а вы одеты не лучшим образом для таких занятий. Подберите что-нибудь поудобнее, ничто не должно стеснять движений. И отнеситесь к этому серьезно, пожалуйста.

Он говорил со мной сдержанно и отстраненно, но в последней фразе прорезались царапавшие слух нотки. «Не вздумайте выкинуть новый фокус, мисс Аштон, – слышалось в вежливой просьбе. – Я и от старых еще не отошел».

– Заберите в конце концов пальто, – сказал он при прощании. – Висит там который день, а гардеробщицы уже шепчутся о пропадающих в главном корпусе студентках. Будто у нас без этого пропаж мало.

На следующий день в то же время я снова была в ректорате. Тренировочные штаны, свободная темная блуза и жилет из тонкой шерсти – не подходящая для официальных встреч

одежда, и другие посетители смотрели на меня с недоумением, а секретарь кривился больше обычного. Но Оливер мой наряд одобрил.

Он привел меня в зал на первом этаже, где вдоль стен стояли гимнастические снаряды, а пол был устлан толстыми мягкими ковриками, и велел разуться.

– Располагайтесь, – указал на пол.

Разулся сам, снял и повесил на брусью сюртук, развязал галстук... Сними он рубашку, на медитации можно было бы ставить крест ввиду моей чрезмерной концентрации на внешнем объекте, но на галстук сеанс разоблачения закончился. Однако, когда ректор сел на пол напротив меня, я на всякий случай закрыла глаза, потому как моей фантазии рубашка не помеха.

– Не торопитесь, мисс Аштон. Сядьте удобнее. Расслабьтесь. Пусть позвоночник удерживает ваше тело, он для того и предназначен.

Не открывая глаз, я чувствовала, как он переместился ближе. Его ладонь скользнула по моей спине от шеи до поясницы, заставляя выгнуться...

– Подумайте о чем-нибудь приятном. Представьте себе место, где хотели бы оказаться. Место, где вам было хорошо и куда вы желали бы вернуться...

Его голос околдовывал. В ином, не связанном с чувственными томлениями смысле. Перед глазами промелькнула моя квартирка, старый диванчик со свернувшимся на нем клубком Графом, мамин клетчатый плед... Промелькнула и пропала, стоило подумать, что Оливер может подсмотреть мои видения. Нет, нужно другое место – то, которое помнила Элси, а не я.

– Ищите, Элизабет. Пусть память приведет вас туда, где вы были счастливы...

Была? Разве?

Возможно, когда-то давно. Когда деревья были большими...

Деревья...

Старая яблоня. Качели на толстой ветке.

Вверх-вниз, вверх-вниз.

Дух захватывает от страха и восторга. В животе перекачивается щекочущий шарик – вверх-вниз. Ноги в потертых синих сандаликах взлетают выше головы... Ноги в атласных туфельках... Нет, в сандаликах. На левом оторвался ремешок, и теперь их можно носить только на даче... А туфельки розовые, под цвет развевающегося на ветру платья и лент в волосах...

Вверх-вниз, вверх-вниз...

– Маришка, смотри, улетишь!

Улечу.

Раскачаюсь еще сильнее, аж до неба!

– Элси, осторожнее! Не нужно так высоко.

Нужно! Нужно еще выше!

Выше кустов сирени, выше яблони, чтобы ноги в розовых туфельках касались облаков... Ноги в синих сандаликах...

Память – моя? чужая? – словно на тех качелях отбросила на много лет назад, а после резко швырнула вперед, на мягкий пол гимнастического зала... Но не удержала. Уронила на полпути, то ли вниз, то ли вверх. Замелькали перед глазами картинки прошлого, закружились опавшей листвой и потускнели, рассыпались серым песком...

– Все хорошо, – голос Оливера звучал на грани слышимости. – Вы прошли. Теперь идите ко мне.

– Куда идти? Где вы?

Только серый песок вокруг. Бескрайняя пустыня. И небо, такое же серое, сливается у горизонта с землей.

– Элизабет, посмотрите на меня.

– Не могу! – прокричала я, борясь с подступающим отчаянием. – Я вас не вижу!

Как в кошмарном сне я пыталась и пыталась открыть глаза, но всякий раз вслед за темнотой появлялась пустыня. Неизменный, пугающий безжизненностью пейзаж...

Я почти отчаялась вернуться в реальность, когда меня в эту реальность выдернули. За голову, наверное, потому что, когда я открыла глаза, теперь уже по-настоящему, Оливер сидел рядом, положив одну ладонь мне на лоб, другую на затылок, а голова при этом просто раскалывалась.

– Это был ваш первый выход? – спросил он. И сам себе ответил: – Первый, конечно. Но в первый раз так глубоко не погружаются. Нужны тренировки, чтобы научиться находиться там.

– Где – там?

– Там, – ректор неопределенно повел рукой. – Некоторые ошибочно называют это астралом, но выход в астрал под силу единицам. Место, куда я вас провел, – лишь некое подпространство, промежуточный уровень между физическим и астральным планами. Магия там зрима и осязаема, можно рассмотреть рисунок плетений, можно создавать нечто принципиально новое. Я хотел, чтобы вы увидели... Вы ведь видели что-то?

– Пустыню, – я опустила глаза. – Серые пески от края до края... Я безнадежна, да?

– Нет, – он резко вскинул голову. – Не смейте и думать о таком.

Что ж, не я сама, так моя проблема смогла его заинтересовать. Нужно радоваться хотя бы этому.

Но не получалось. Из головы не шли розовые туфельки. Похожие я видела много лет назад в витрине «Детского мира» – нереально красивые, как казалось мне тогда, маркие и неудобные, как сказала мама. И мне купили коричневые, из кожзама, «на каждый день».

– Мы что-нибудь придумаем, – ободряюще улыбнулся Оливер. – Приходите завтра.

– Завтра я должна быть в лечебнице с леди Райс.

– Тогда послезавтра. В три часа вас устроит?

Хоть в полночь, но я приду. Влезу в это треклятое подпространство, перерою вдоль и поперек серую пустыню, но найду свою магию. Свою, да. Пока я здесь, все, что принадлежит или будет принадлежать Элизабет, такое же мое, как и ее. И это касается не только магии.

В туфлях «на каждый день» я уже находилась. Дайте розовые примерить.

Запала хватило ненадолго. Решительный настрой был похоронен лавиной сомнений. Должна ли я? Имею ли право? А главный вопрос даже сформулировать не получалось, и, появившись сейчас Мэйтин, я не знала бы, как спросить о том, что не давало мне покоя.

– А ты попробуй.

Бог возник рядом, когда я, заскочив в общежитие переодеться, топала на кафедру мистических существ сдавать мисс Милс план доклада.

– Уже пробовала, – ответила я вслух, пользуясь тем, что поблизости никого нет.

– И я сказал, что это неважно.

– Но я должна знать! Знать, что сейчас с Элси. Если я в ее теле, где она сама? Все люди тут – настоящие. Они живут, мыслят, чувствуют. Значит, Элизабет тоже. Значит, сейчас она должна быть где-то...

– Кто такая Элизабет? – перебил меня Мэйтин.

– Насмехаешься?

– И не думал. Ответ на мой вопрос – и все поймешь. А пока остановимся на первоначальной версии: Элси – твоя героиня, и ты, как автор, развиваешь ее сюжетную линию. Это похоже на правду.

– Но не правда?

– Не вся, – улыбнулся бог.

От него веяло спокойствием и уверенностью, и я решила принять это объяснение.

– Правильно, – одобрил он. – Береги нервы. Всему свое время. Сейчас, например, время подготовиться.

– К чему?

– Падать, – подмигнул Мэйтин и растворился в воздухе.

В ту же секунду что-то толкнуло меня в спину. В попытке удержать равновесие я взмахнула руками, папка с докладом выскользнула из пальцев и улетела в кусты, а я, как и предсказал бог, упала на снег, успев в последний миг выставить вперед ладони.

– Какая ты неловкая стала, Аштон, – неискренне посочувствовали со стороны. – Раньше шустрее была.

– А ты раньше не била в спину, Раскес, – поднявшись с земли, процедила я.

– Это не я, – ухмыльнулась она, тряхнув длинными черными волосами.

– Это я.

Я обернулась: на дорожке позади меня стоял Брюс.

– Чего вам? – спросила я сердито.

– Поболтать, – усмехнулась Шанна. – Говорят, старик Крейг к тебе зачастил.

– А сама в ректорат каждый день бегаешь, – встал рядом с нею Брюс, лишив меня надежды добраться до торчащей из куста папки. – Не объяснишь, что происходит?

– Не объясню.

– Мы же по-хорошему спрашиваем, – Раскес угрожающе показала зубки. – Пока.

Слетевшая с ее ладони искорка больно царапнула щеку, и я, громко ойкнув, прижала к обожженному месту ладонь.

– Ты в порядке, Аштон? – поинтересовалась Шанна, озадаченно переглянувшись с приятелем.

– Буду, когда оставите меня в покое.

Использовать магию я не могла, но ничто не мешало мне оттолкнуть наглую девицу с дороги. Раскес в ответ снова зарядила мне в лицо чем-то колючим. Я удержалась от того, чтобы вцепиться ей в волосы. Несolidно как-то. А вот присесть, сместиться в сторону и, резко выбросив вперед сжатую в кулак руку, ударить в живот – самое то.

Порадоваться тому, что мне знакомы боевые приемы, я не успела. Брюс ударил ладонью по воздуху, и меня отшвырнуло на пару метров, впечатав спиной в толстый ствол дерева.

Сбежать не позволяли гордость и опасения за папку с выстраданными набросками доклада. Я готова была рискнуть: кинуться на одного из боевиков, сшибить с ног и забрать драгоценные записи, – но появление нового действующего лица избавило от необходимости геройствовать.

– Брюс! Шанна! – окликнул задир куратор Вульф. – Вы обещали, что не будет ничего подобного.

– Так нельзя с ней по-хорошему, – придерживаясь за бок, прошипела Шанна. – Она же бешеная!

– Вы первые начали! – выпалила я. И тут же растерянно обернулась к куратору: – Что значит «они обещали»? Вы что, заодно?

Знать бы еще, за какое одно и не проявятся ли сейчас на стене ближайшего корпуса кровавые письмена, сообщая миру о моем бесследном исчезновении.

– Мисс Раскес, мистер Дилейн, погуляйте пока, – приказал Саймон. Получилось неубедительно: приказывать он не умел, только просить – но студенты подчинились. – Элизабет, я, наверное, должен объясниться. И извиниться за Брюса и Шанну. Их можно понять: пропал их товарищ...

– Вы о Мартине? – я невольно скривилась. – Думаете, он беспокоился бы, окажись Брюс на его месте?

– Это было честное соперничество, – хмуро заявил боевик. – Они оба подошли ко мне перед соревнованием. Если бы победила команда мистера Кинкина, Брюс согласился бы с тем, что не заслуживает занимать место старосты. Это ведь большая ответственность, и нужно пользоваться соответствующим авторитетом среди соучеников.

Брюс пользовался авторитетом. Мартин его покупал. Саймон Вульф как куратор должен был обо всем этом знать. А меня уже не должно было заботить положение дел на отделении боевой магии.

– Я узнал, что ребята задумали провести собственное расследование, – признался Саймон. – И решил подстраховать их.

– Не можешь остановить безобразие – возглавь его. Испытанная тактика. Только почему ваши сыскари-самоучки накинудись на меня?

– Они считают, что вам что-то известно. Инспектор Крейг приходил к вам, и у ректора вы появляетесь регулярно.

– Каждый день, – не опровергала я. – Могу при случае пожаловаться на ваше тайное общество. Если, конечно, вы не зарегистрировали его соответствующим образом.

– Не думаю, что руководство одобрит, – пробормотал он.

– Как и нападение на студентов, – продолжила я. – Мне не нравятся методы ваших подопечных, но... Я тоже хочу понять, что случилось с Мартином и остальными. И тоже думаю, что руководство академии не поддержит мою инициативу. Объединим усилия?

Идея возникла спонтанно, но почему бы и нет? Саймон – преподаватель, со сбором закрытой для студентов информации сумеет помочь. Если согласится.

Боевик задумался. С одной стороны, ему хватало своих студентов с их неуемной жадой деятельности, а с другой – в силу возраста и характера тянуло на авантюры.

– Какой у вас интерес в этом деле? – спросил он.

– Личный. Пока я не готова это обсуждать. Но другими сведениями поделюсь. Если мои друзья согласятся на сотрудничество. К слову, большая у вас команда?

– Семь человек, – ляпнул он, кажется, первое, что пришло в голову. – А у вас?

– Четверо. Человек. И один эльф.

Упоминание эльфа произвело впечатление: Вульф посмотрел на меня с уважением.

– В семь мы с друзьями будем в библиотеке, – сказала я. – Читальный зал в секции художественной литературы. Приходите.

– Посмотрим, – усмехнулся Саймон.

Мальчишка в нем, несмотря на усы и солидный костюм, перевешивал серьезного преподавателя, и я не сомневалась, что вечером мы увидимся. Но до этого мне предстояло разобратся с драконами. Вернее, с драконшей.

Мисс Милс скептически хмыкнула, изучив мои заметки, но сказала, что даст мне на подготовку время до конца семестра. «Интересно, что у вас получится», – объяснила она свое решение.

«Самой интересно», – вздохнула я мысленно.

И почему было не взять стандартную тему? Потому что мы не ищем легких путей. А почему мы не ищем легких путей? Потому что у нас с головой не все в порядке, другого объяснения нет.

В библиотеку Саймон пришел с Брюсом и Шанной.

– Ты говорила, их семеро, – шепнула мне Мэг.

– Вы говорили, у них эльф, – нарочито громко выговорила куратору Шанна.

– Нас семеро, – уверил Вульф. – Но остальные четверо – рядовые бойцы... вроде того...

– У нас есть эльф, но он не смог прийти, – соврала я. – Занят. Вроде того.

– Нас все равно больше, – Брюс, видимо, решил определить главенство в совместном предприятии.

– Семь человек – одна специализация. – Сибил подняла глаза к потолку, что-то прикинула в уме и вывела: – Низкая эффективность.

– А у вас? – скривилась Шанна. – Гадалка, две... нет, – бросила на меня презрительный взгляд, – полторы целительницы и облезлый кошка?

– Облезлый? – прищурился Норвуд. – Где?

Он приподнялся с кресла, оттолкнулся ладонями от подлокотников и рысью приземлился рядом с Шанной, чтобы обойти ее по кругу, демонстрируя густую шерсть и крепкие клыки.

– Не нужно ссориться, – попросил Саймон, чувствующий себя явно не в своей тарелке. Влияние как преподаватель он имел только на Шанну и Брюса, но не на нашу компанию. Не нажалуется же он куратору Норвуда или леди Райс на наше плохое поведение во время проведения тайного расследования?

– Рысь, – окликнула я друга. – Думаю, мисс Раскес уже убедилась, что ты не облезлый, и готова извиниться.

Оборотень фыркнул и, запрыгнув обратно в кресло, принял человеческий облик.

– Не нужны мне ее извинения. На боевиков не обижаются.

Шанна вспыхнула, припомнив, как в оригинале звучит эта поговорка, но смолчала.

– Может, приступим к делу, пока не передрались? – предложила я. – Раз мы все здесь, значит, уже приняли решение насчет сотрудничества. Или вы пришли, чтобы сообщить, что не хотите с нами работать?

В родном мире я как-никак ведущий экономист и могу, если надо, приструнить и безалаберных расчетчиц, и зарвавшихся банковских операторов, и даже живущих в собственной вселенной айтишников, регулярно забывающих о существовании всего остального нуждающегося в их профессиональных услугах человечества. На боевиков деловой, немного резкий тон тоже подействовал.

– Хотим, – сказал Брюс, переглянувшись с подругой и куратором. – Но не уверены, что от этого будет толк.

– Как и мы, – заметила я. – У нас уже есть несколько версий, а добились ли вы чего-нибудь или только и можете, что девушек подлавливать и с ног сбивать, – неизвестно.

– Не собирался я тебя сбивать, – отмахнулся раздраженно староста. – Хотел легонько толкнуть, привлечь внимание, но с заклинанием напутал.

Брюс Дилейн, с лету осваивавший новые плетения, – и вдруг напутал? Слабо верится.

– Давно это у тебя? – поинтересовался Рысь.

– Что – это? – недовольно уточнил Брюс.

– Плетения срабатывают неправильно. И татуировка углем и киноварью.

– Как узнал? – боевик непроизвольно обхватил себя за плечи.

– Запах, – оборотень потянул носом. – Свежая, не больше двух недель. Делал у артефакторов?

– Это не запрещено.

– Я и не говорю, что запрещено, – усмехнулся оборотень. – Но сам бы не доверился недоучке без диплома, пусть даже она хорошенькая блондинка с большими... хм...

– Глазами, – подсказала я, привлекая внимание Норвуда, чтобы хоть взглядом спросить, о чем это он.

– Я хотел сказать, с большими амбициями, – подмигнул мне друг. – Представляешь, учится только на четвертом курсе, а уже подрабатывает в профессиональной мастерской, делает татуировки-активаторы. Только имя ее забыл...

– Лилиан, – хмуро подсказал Брюс.

– Точно, Лилиан! – хлопнул себя по лбу Норвуд. – Все время путаю их.

– Кого? – одновременно спросили Мэг и Шанна.

– Подружек вашего Кинкина, – ответил Рысь, согнав с лица дурашливую улыбку. – Тамила с архитектурного, Лилиан с артефакторного.

– Не объясните, о чем речь? – не выдержал Саймон.

– Видимо, о том, что Мартин получил по заслугам, – вздохнула я, подумав, что теперь Брюс охладет к судьбе «честного» соперника.

Норвуд задал ему еще пару вопросов, и картинка сложилась.

Татуировку староста боевиков набивал в несколько заходов, с каждым разом добавляя к рисунку новые фрагменты. Началось это еще на первом курсе. Увидел объявление артефакторов: тем нужны были подопытные для отработки техники вживляемых артефактов, усиливающих и стабилизирующих заклинания. Во избежание осложнений (ведь работу выполняли, как сказал Рысь, недоучки) рисунок магически активными красителями имел краткосрочное действие, но сама татуировка оставалась, и можно было немного заработать, послужив пособием для зачета. Брюс попробовал и втянулся. Читала я когда-то о тату-зависимости – видимо, это оно и было. Ни для кого в группе, кроме Элизабет, не интересовавшейся жизнью соучеников, пристрастие старосты секретом не было, и Мартин придумал, как этим воспользоваться. Свел близкое знакомство с Лилиан (Брюс в последнее время набивал тату только у нее), и та согласилась помочь приятелю сместить конкурента. Всего-то и нужно было чуть-чуть поменять рисунок. Вредоносное действие артефакта должно было скоро закончиться, и никто ни о чем не догадался бы, а Мартин к тому времени уже занял бы пост старосты. К решающему соревнованию он подготовился хорошо: заклинания Брюса срабатывали бы с ошибками, а сам Кинкин, пользуясь схемой, полученной от второй подружки, прошел бы полосу препятствий с закрытыми глазами.

Боже, сколько подлости! И только чтобы удовлетворить свое честолюбие?

– Не только, – отозвался боже, материализуясь в свободном кресле. – Пост старосты – это повышенная стипендия, ряд льгот и отдельная комната в общежитии. Элси Аштон не понять, но Брюс и Норвуд знают, чего оно стоит.

Я посмотрела на парней. Рысь как раз рассказывал боевику о найденной в комнате Мартина схеме.

– А твой друг – молодец, – заметил Мэйтин.

Молодец. Ухватился за ниточку и распутал весь клубок. Жаль, ниточка не наша. Инспектор Крейг, знавший о схеме, а возможно, и о татуировках, сказал, что к исчезновениям это отношения не имеет.

– Что у вас по другим пропавшим? – спросила я бывшего куратора, расстроенного тем, что не заметил вовремя проблем в группе. – Мы поделились информацией.

– Ага, – хмыкнул Рысь. Посмотрел на притихшую в сторонке Шанну: – Есть и от кошек польза, да?

– Мы собрали кое-что, – сказала она неуверенно. – Знаете, что Лост расстался с подружкой?

– Знаем, – кивнул оборотень.

– И о проблемах Виктора Нильсена со здоровьем? – спросил Саймон, подергав себя за ус.

– В общих чертах, – ответил, чуть замешкавшись, Рысь.

– Если хотите, расскажем в деталях, – предложил Вульф, обменявшись взглядами с подопечными.

– Давайте, – снисходительно усмехнулся оборотень. – После того что мы сообщили, было бы неплохо получить что-нибудь взамен.

– Хорош! – заплодировал Мэйтин. – Нужно присмотреться к парню, задатки у него неплохие.

А как целуется... эх...

– Рассказывайте, – потребовала я у Саймона, раздосадованная невольно всплывшими воспоминаниями и последовавшей за ними ехидной улыбкой божества.

– Целители запретили Виктору практиковать некромантию из-за проблем с сердцем, – коротко выдал боевик. – Весной он должен был получить диплом, но с такой отметкой работу по специальности найти почти невозможно. Кому нужны некроманты-теоретики? Виктор прошел курс лечения, но доктор Грин все равно не подписал разрешение.

То есть практически поставил крест на карьере Нильсена. Интересно, у того действительно были серьезные проблемы, или дело все-таки в Грине?

– Разузнай, – сказал Мэйтин. – Справишься без меня?

Будто он только то и делает, что помогает!

– А я и не обязан. Я вообще за другим пришел. Мы утром не договорили, у тебя ведь был еще один вопрос.

Был. И есть. Я хочу знать, что рискую не напрасно и, когда все это закончится, вернусь к своему коту и остывающей пище.

– Вернешься, – пообещал Мэйтин. – Даже если погибнешь здесь, очнешься там живая и невредимая.

Получается, можно обойти терминал?

– Можно. Но смерть моего мира будет на твоей совести, – сурово предупредил бог. – Да и умирать неприятно. Поверь.

Умирать не хотелось. Даже в чужом мире и в чужом теле.

Значит, побарахтаемся.

Глава 13

Разговор с Грином состоялся раньше, чем я рассчитывала. Вернее, я совсем не рассчитывала на разговор, хотела присмотреться к доктору со стороны, расспросить леди Пенелопу, но... Так вышло.

Утром я шла в лечебницу и заметила у боковой калитки автомобиль, на крыше которого были закреплены чемоданы, а рядом с машиной стояла в окружении больничных сестер Анабель. Меня она не увидела, но я и не хотела попадаться ей на глаза. Отчасти потому, что глаза эти были полны слез. Девушка улыбалась через силу, уверяла обступивших ее женщин, что «там» ей будет лучше, и тут же говорила, что осталась бы, если бы могла. И со значением добавила: «Вы же понимаете?»

Я понимала, но и дальше держала бы свое мнение при себе, если бы дверь кабинета Грина, когда я шла мимо, не оказалась распахнута настежь.

– Вы уволили Анабель? Как вы могли! – возмущенно высказала я доктору, как ни в чем не бывало попивавшему чаек на рабочем месте.

– Э? – он с недоумением уставился на меня поверх чашки.

– Вы же сами говорили, что ей нужна работа!

Грин отставил чашку и пригляделся ко мне.

– А, вы эта... Аштон. Снова направление на анализы? – Он поднялся, и я невольно отпрянула к двери, но та захлопнулась за моей спиной. – Что вы тут делаете, я вас спрашиваю?

– Хочу знать, почему вы уволили Анабель, – произнесла я четко, поняв, что отступать некуда.

– Может, все-таки сдадите кровь? – ласково предложил доктор. – Или полное обследование проведем? Кажется, вы не совсем здоровы. С чего вы взяли, что я ее уволил?

– Автомобиль стоит у ограды, чемоданы на крыше, Анабель прощается с подругами. Скажете, мне померещилось?

Грин подошел к окну.

– Нет, не померещилось. Автомобиль у ограды, чемоданы на крыше, Анабель прощается с подругами. Всё как вы сказали.

– Издеваетесь?!

– Я? Помилуйте, мисс, это вы ворвались ко мне с нелепыми обвинениями. Да, Анабель уезжает, но я ее не увольнял. Она сама уволилась.

– Сама? И поэтому теперь плачет?

– Люди нередко плачут при прощании. Вы бы плакали, если бы пришлось расставаться с друзьями? Если они у вас есть, конечно.

Этот человек меня бесил. Ему удавалось оскорблять меня каждой, казалось бы, нейтральной фразой, каждым взглядом и даже молчанием. Хотелось отплатить ему той же монетой, но, похоже, эту валюту я оставила в другом пальто, в другом мире.

– Дышите ровнее, – посоветовал Грин. – Этак вас удар хватит. Хотите знать, куда и почему уезжает Анабель? Хорошо. Ее муж получил назначение в другой город. Хорошее место, жалование выше, чем в академии, квартиру выделяют больше, чем была у них тут. Естественно, он согласился.

– Муж? – растерялась я. – У Анабель есть муж? Но я же спрашивала вас об отце ребенка, и вы сказали...

– Что это не ваше дело, – усмехнулся он. – Разве я был не прав? Кто вы Анабель? Подруга? Нет, иначе не задавали бы таких вопросов. Значит, не ваше.

Боже, как я устала чувствовать себя идиоткой!

– Я удовлетворил ваше любопытство? Не смею задерживать, – Грин указал на дверь. – Хотя... С вами все в порядке?

Он шагнул ко мне и протянул руку, словно хотел дотронуться, хоть между нами оставалось еще достаточное расстояние. От внезапного, непонятно чем вызванного страха я застыла на месте и не смогла бы пошевелиться, даже если бы Грин подошел вплотную и сжал пальцы у меня на шее.

Спасти меня могло только чудо. И оно не заставило себя ждать.

– Эдвард! – леди Райс без стука вошла в кабинет и остановилась, увидев меня. – Элизабет? Что вы тут делаете?

– Я зашла... спросить о книге. «Город Драконов». В библиотеке сказали, что ее читают, я посмотрела формуляр и...

Боже, зачем я вспомнила о книге? Это же улика!

– Что за чушь? – скривился Грин. – Я вернул ее еще осенью. Пусть ищут лучше. Что у вас, леди Пенелопа?

Он переключился на наставницу, и, пользуясь этим, я хотела выскочить в коридор, но леди Райс придержала меня за локоть.

– Я к вам как раз по поводу Элизабет, – сказала она. – Хочу попросить для нее разрешения присутствовать при вскрытии, которое будет проводить доктор Кленси. Вы же помните, вчера привезли того юношу...

– Помню. Но не понимаю, зачем Элизабет присутствовать при вскрытии.

– Она пропустила анатомический практикум, а это неплохая альтернатива.

Заведующий откашлялся.

– С каких пор на факультете боевой магии углубленно изучают анатомию? – спросил он. – Я чего-то не знаю?

– Того, что мисс Аштон больше не учится на том факультете, – улыбнулась наставница. – Теперь она моя студентка. Вернее, скоро станет ею. Пока же у нее подготовительный курс.

– Это, – палец доктора указал на меня, – ваша студентка? Вы не шутите?

– Ничуть. Элизабет готовится к экзаменам для перевода и, думаю, прекрасно их сдаст. Девушка она умная, целеустремленная и не боится сложностей.

– Хм... Никогда не сомневался в точности ваших оценок, леди Пенелопа, но... Хорошо, если вы считаете, что мисс Аштон нужен подобный опыт, пусть идет.

– Куда? – осмелилась спросить я.

– В морг, – мрачно изрек, глядя мне в глаза, Грин.

«Ура! В морг!» – возликовала я в душе. Компания покойников казалась привлекательнее проводившего меня задумчивым взглядом целителя.

Наставница провела со мной короткий инструктаж, снабдила блокнотом для конспекта и салфеткой, пропитанной чем-то с резким цитрусовым запахом, и отвела в расположенный в подвале морг. В прозекторской уже лежал подготовленный к вскрытию труп молодого человека лет двадцати. От мысли, что это кто-то из студентов, стало не по себе, но потом я вспомнила слова леди Райс о том, что его откуда-то привезли, и успокоилась. Хотя странно, что в лечебницу привезли уже умершего человека.

Странность эту разъяснил доктор Кленси, приятный мужчина лет пятидесяти, совмещавший обязанности хирурга и патологоанатома. Оказалось, юношу везли издалека, еще живым. Умер он в дороге, и причину смерти сейчас нужно было установить. Доктор предполагал перитонит – на это указывали симптомы, описываемые сопровождавшими больного в лечебницу, и некоторые внешние признаки, – но предположение нуждалось в подтверждении.

Помимо меня в прозекторской присутствовало двое старшекурсников. Их, обрядив в халаты и плотные фартуки, допустили непосредственно к столу и позволили ковыряться во

внутренностях, потому на меня, скромно стоящую в сторонке, они смотрели как на пустое место. Зато доктор, вероятно, выполняя просьбу леди Райс, обо мне не забывал. Объяснял, рассказывал, показывал.

Корректный и доброжелательный, он производил впечатление хорошего специалиста и хорошего человека. Наверное, потому и вскрытие, в итоге подтвердившее его выводы относительно причин смерти, я пережила без проблем. Правда, было несколько особо неприятных моментов. Тогда я жмурилась, прижимала к носу салфетку и несколько секунд слушала размеренный голос доктора, призывавший меня обратить внимание на структуру и цвет тканей или расположение сосудов, после чего открывала глаза, смотрела, запоминала и записывала.

– Вы молодец, – похвалил меня доктор Кленси, когда все закончилось. – Еще несколько раз понаблюдаете – и можете сами брать за скальпель.

Так далеко я в своих мечтах не заходила, но за комплимент поблагодарила и от чашечки чая в приватной обстановке не отказалась. Мне понравился этот уравновешенный джентльмен с интеллигентной бородкой и улыбочивыми голубыми глазами. Понравились добрые шутки, ничуть не похожие на тот циничный стеб, что обычно приписывают патологоанатомам, а в его приглашении не было ничего двусмысленного: время приближалось к обеду, позади выполненная работа, впереди еще полдня, и может случиться, что на чай уже не останется времени.

Кабинет доктора Кленси располагался в левом крыле лечебницы, тогда как кабинет леди Пенелопы – в правом, и я решила, что не стоит бегать туда-сюда, чтобы предупредить наставницу о короткой отлучке.

– Входите, мисс Аштон, входите, – пригласил меня внутрь радушный хозяин. – Сейчас вскипятим воды. Чашки здесь... Овсяное печенье?

– С удовольствием.

– Скажите, Элизабет, вам нравятся кошки? – спросил доктор.

– Конечно! У меня...

...замечательный котяра дома, но рассказывать об этом не нужно.

– Хотите поглядеть на котят, пока закипает чайник? – предложил мужчина, не обратив внимания на оборвавшуюся на полуслове фразу.

– У вас котята? – удивилась я. – Здесь?

– В соседней комнате. Доктор Грин не позволяет держать их на виду. Назвал мерзостью.

– Он и к людям не слишком добр, – пробормотала я.

– Пойдемте, – поманил меня хозяин.

К кабинету, как и у леди Райс, примыкала маленькая комната для отдыха, но если у наставницы это было скромно обставленное помещение – шкаф, кушетка, небольшой столик, – то интерьер личного уголка Кленси напоминал убранство кукольного домика. Занавески с оборочками, лаковые миниатюры на стенах, в креслах – украшенные цветной вышивкой подушки.

– Вот они, мои хорошие, – с умильной улыбкой доктор указал на накрытый клетчатой скатеркой стол у стены.

Там на маленьких стульчиках сидели два игрушечных котенка, судя по галстуку на одном и кокетливо сдвинутому на ухо бантику у другого – мальчик и девочка. На круглом столике между ними стоял миниатюрный чайный сервиз. Лапка мальчика тянулась к чашке, а девочка придвигала к себе блюдо с бумажным пирожным.

– Так вот какие у вас котята! – рассмеялась я.

Потянулась, чтобы погладить зверюшек, и замерла, поняв, что никакие это не игрушки. Это... мерзость!

– Вам нравится? – напрашивался на похвалу Кленси.

– Очень, – я заставила себя улыбнуться. И руку не отдернула – коснулась бантика на голове девочки.

– Тонкая работа. Они же такие маленькие. Представляете, как сложно снять шкурку без повреждений?

Представила. И прокляла свое слишком живое воображение.

Наверное, странно после того, как при мне только что «выпотрошили» человека, сокрушаться о судьбе зверят, попавших в руки таксидермиста. Но тот человек был уже мертв, и вскрытие – необходимая процедура, а котятка... Чучело убитого на охоте медведя или волка не впечатлило бы меня так. Но это же котятка! Не трофей, которым можно похвастать, не диковинка – просто котятка!

Сама не знаю, как смогла после пить чай и слушать о тонкостях создания подобной «преlestи», об обработке шкуры ядами, изготовлении каркаса и сложностях выбора набивочного материала. С чашкой в руке – увеличенной копией той, что стояла перед котенком-мальчиком, – чувствовала себя набитым соломой чучелом и отчаянно завидовала Грину, который на правах главного здесь мог, не стесняясь, высказать все, что думает о таком интересном хобби.

Я встретила его, когда, вырвавшись наконец от Кленси, шла к кабинету наставницы.

– Неважно выглядите, – заметил он с издевкой. – Не понравился наш морг?

– Морг? – переспросила я отстраненно. – Нет, в морге все прошло хорошо. Мне не понравились котятка.

– О, котятка, – с пониманием протянул Грин; даже неприязни в обращенном ко мне взгляде поубавилось. – А что за ерунду вы несли о книге?

– Я пишу о драконах, и она мне нужна, но, если вы ее вернули, спрошу еще раз в библиотеке, – постаралась я замять тему.

– Пишете о драконах? – переспросил целитель, приблизившись, и холод пробежал у меня по спине. – В рамках учебной программы или по личному почину?

– В рамках. Простите, мне нужно к леди Райс.

Да, я постыдно сбежала и до вечера боялась выйти в коридор. Не знаю почему.

После того как лихо началась моя жизнь в новом мире, когда ежедневно случалось что-то, ставившее все с ног на голову, неожиданное затишье и радовало, и пугало. И удручало отсутствием каких-либо результатов.

Учеба понемногу продвигалась; с остальным же было совсем плохо.

Расследование зашло в тупик. Мы собирались по вечерам в библиотеке или встречались в парке, но обсуждать было нечего. Отношения с Оливером развивались не лучше. Точнее, не развивались. Я приходила к нему, мы шли в гимнастический зал или говорили в его кабинете, но и магия, и милорд Райхон оставались для меня недоступны.

Если с потерей дара я еще могла смириться, то равнодушие Оливера убивало.

Да, я все-таки увлеклась им. А он... Он был вежлив, даже приветлив, улыбался чаще, и от его улыбки меня бросало то в жар, то в холод, но я отдавала себе отчет в том, что это лишь новая тактика, чтобы стабилизировать мое эмоциональное состояние, как он сам обозначил цель наших занятий.

Так прошла неделя.

Учеба утомляла. Расследование удручало. Безответная влюбленность рвала душу.

Три условия счастливой развязки, обозначенные Мэйтином, – и все три казались невыполнимыми. Но хуже всего то, что меня начинал затягивать этот мир. Оливер, друзья, учеба. Я боялась, что привыкну и не захочу уходить.

Все же у суеты первых дней было одно неоспоримое преимущество: не оставалось времени на рефлексии. Неудивительно, что в глубине души я мечтала, чтобы что-то наконец уже случилось.

И почему из всех моих желаний сбываются только самые нелепые?

– Элизабет, я вынужден перенести нашу встречу, – скороговоркой проговорил милорд Райхон, положив трубку телефона. Я только пришла, когда ему позвонили, и по лицу ректора было видно, что известия не радостные. – Ранен эльфийский посол. Я должен быть в лечебнице.

– Можно с вами? – я вскочила с кресла, понимая, что Оливер исчезнет в любую секунду. – Я как раз собиралась потом к леди Пенелопе.

Если бы леди Райс сегодня дежурила, я уже была бы с ней. Ректор знал об этом, но, взволнованный новостями, не заметил лжи. А наставница была-таки в лечебнице. И она, и доктор Кленси, и другие целители, имен которых я не знала, и, конечно же, Эдвард Грин. К нему-то Оливер и направился, когда портал вывел нас в заполненный взволнованными медиками коридор.

– Что с лордом Эрентвиллем?

– У лорда Эрентвилля арбалетный болт в груди, – зло выплевывая слова, отчитался заведующий. – А у его сородичей паралич ягодичной мышцы, которая по странной прихоти природы заменяет эльфам мозг!

– Как это произошло?

– Понятия не имею, – осклабился Грин, едва ли не с ненавистью глядя в сторону стоявшей особняком компании длинноухих. – Возможно, врожденная патология. Возможно, мутации под воздействием искаженного магического излучения.

– Я спрашивал про болт.

Действительно, не средневековые же?

– Если верить этим господам, – доктор кивнул на эльфов, – посол проводил ревизию коллекционного оружия и случайно разрядил арбалет в себя. Если бы речь шла о человеке, я сказал бы, что это невозможно. Но в физиологии эльфов я, как уже сказал, ничего не смыслю. Возможно, тела у них устроены иначе. Потому что мозги уж точно! За каким... они притащили раненого в мою больницу, если не позволяют его оперировать?!

Только после этих слов я обратила внимание, что, во-первых, персонал суетится в коридоре, вместо того чтобы оказывать помощь пострадавшему, и, во-вторых, эльфы не просто стоят в стороне, а закрывают собой дверь в приемный покой, где этот самый пострадавший, очевидно, истекает кровью.

– Доктор, держите себя в руках, – выдержка, восхищавшая меня в ректоре, и теперь его не оставила. – Мы во всем разберемся.

Когда он направился к эльфам, в коридоре воцарилась полная тишина: все хотели услышать, о чем они будут говорить. Правда, не думаю, что всем тут был понятен эльфийский.

– Я много тревожиться ваш лорд. Зачем вы не дать человек-целитель лечить его рана? – примерно так я, пользуясь знаниями Элси, перевела вопрос Оливера.

Из ответа эльфов поняла только, что они тоже «много тревожиться», и слова «человек» и «сталь».

– Да слышали мы этот бред! – вскипел Грин. – «Никогда боле человек не обнажит клинок против эльфа и не обагрят рук в его крови» – это же идиотизм!

Эльфы с таким определением не согласились. То, что для доктора было идиотизмом, они считали незыблемым законом. Слова «незыблемый закон» я разобрала. Как и выражение «последний приют», сказанное одним из длинноухих, когда Оливер поинтересовался, зачем они принесли посла в больницу.

О последнем приюте Элизабет знала из курса, изучающего быт и традиции нелюдей: у эльфов существовало специальное место – то ли храм, то ли подобие хосписа, – куда приносили неизлечимо больных и смертельно раненных. Так как в людской культуре подобного не было, длинноухие решили притащить своего лорда умирать в лечебницу, чем расстроили ее заведующего, справедливо полагающего, что в лечебнице лечатся, а не умирают (за исключе-

нием отдельных случаев, но и тогда сначала все же лечатся). Теперь он требовал, чтобы эльфы либо позволили ему провести операцию, либо тащили раненого обратно в посольство.

– Они послали за своим лекарем, – негромко сказал Грину Оливер, вернувшись от эльфов.

– Знаю, – так же тихо процедил тот. – В Долину первоцветов. Прямые порталы там не открываются, он доберется не раньше чем за пять-шесть часов. Посол столько не протянет.

– Есть решение?

– Есть, – подумав с полминуты, произнес Грин.

Вокруг по-прежнему стояла невероятная при таком скоплении народа тишина, и, хотя голоса доктор не повышал, слова его слышали все, включая эльфов. Один из них вышел вперед.

– Какое решение вы имеете? – спросил он на людском наречии с сильным акцентом.

– Скальпель – это оружие? – уточнил доктор.

– Любая сталь – оружие.

– А если скальпель из стекла? Из вулканического стекла?

Длинноухий засомневался.

– Вы все равно намочите руки в кровь, – сказал он.

Грин брезгливо скривился, словно самому ему претила мысль испачкаться в эльфийской крови.

– Я и пальцем его не коснусь! – заявил он, продемонстрировав эльфу средний палец. Что-то подсказывало, что на Трайсе этот жест обозначал то же, что и в моем мире.

Нелюди собрались в кружок, с минуту пошушукались, и тот же эльф снова выступил вперед.

– Если скальпель из стекла, а вы не трогать кровь, можно. Но мы будем наблюдать.

– Хрен вам! – среагировал Грин. – Наблюдать! Вы будете помогать. Для начала подготовьте вашего лорда к операции. Вы же не хотите, чтобы кто-то из моих людей обагрил руки в его крови, пока будет снимать одежду? По той же причине ассистировать мне никто из них не сможет, придется вам.

– Среди нас нет лекарей, – сказал эльф.

– Вот и славно. Никто не будет мешать советами. Многого от вас не потребуется, справитесь. Не могут же у вас и руки расти из того места, которым вы думаете?

Удивительно, что эльфы не обращали внимания на оскорбительные замечания Грина. А тот уже раздавал указания:

– Доктор Кленси, готовьте операционную. Миссис Ридли, перевязочного материала понадобится больше обычного, принесите еще какую-нибудь ветошь и тазы с водой. Господам эльфам придется подтирать каждую каплю крови, чтобы соблюсти свои законы...

– Элизабет, что вы тут делаете? – подошла, заметив меня, леди Пенелопа.

– Пришла с милордом ректором. А доктор... Он собирается оперировать посла так же, как разделил малышей? С помощью телекинеза?

– Других вариантов нет.

– Но что будет, если лорд Эрентвилль умрет во время операции?

– Нам с вами – ничего, – вздохнула леди Райс и вдруг схватила меня за руку и потащила к своему кабинету, недовольно интересуясь на ходу: – Что это за наряд на вас, мисс? Разве я не предупреждала насчет внешнего вида?

– Это одежда для медитаций. Я же не собиралась...

– Чепец и передник, – приказала она строго. – В таком виде я вас в операционную не пушу.

– В операционную? – опешила я. – Но доктор Грин будет...

– Польщен вашим вниманием. Он тщеславен в определенной мере. Зрители ему не мешают. Просто не сходите с места и молчите.

Разве можно было отказаться от возможности наблюдать уникальную даже для этого мира операцию?

– Идемте, – поторопила наставница. – Вот-вот дадут последний звонок.

У смотрового окошка операционной, к которому обычно подводят студентов-практикантов, собрался, наверное, весь персонал лечебницы. Избранные прошли внутрь. У меня благодаря леди Райс тоже был билет в первый ряд. Она завела меня за руку, словно ребенка, выбрала место у стены, откуда я, никому не мешая, смогу наблюдать весь процесс, и отошла к доктору Кленси, узнать, не нужна ли помощь.

Оливер находился тут же. Говорил с одним из эльфов – кажется, уверял того в абсолютной компетентности Грина.

Сам доктор объяснял остальным длинноухим назначение инструментов, уточняя, не считают ли представители дружественного народа что-нибудь из этого оружием. Черные обсидиановые скальпели, уже одобренные к использованию, лежали отдельно.

Сколько ни присматривалась я к Грину, так и не заметила признаков упомянутого наставницей тщеславия. Доктор Кленси, с озабоченным лицом расхаживающий вокруг стола, и то имел более важный вид, а Грин же, казалось, не осознавал серьезности ситуации и грозящих ему лично последствий. Зато уже понял, что эльфы никак не реагируют на издевки, и язвил по любому поводу.

– Тут у нас кетгут для внутренних швов, его делают из овечьих кишок. Можно сказать, после операции в лорде Эрентвилле будет что-то от барана. Это не запрещено вашими законами? Нет? И почему я не удивлен? А иглы стальные, не обессудьте. Мне придется ими в вашего лорда тыкать. Это не будет приравнено к покушению?

Раненого к моему приходу уже раздели, уложили на стол и усыпили. Со своего места я видела его лицо, ярко проступивший на посеревшей коже рисунок и торчавший из груди кончик металлического болта.

Закончив с представлением инструментов, Грин подошел к пациенту, протянул руку, но, вспомнив обещание не прикасаться к эльфу, убрал ее за спину.

– Пора.

Следующие его слова я в первый миг приняла за заклинание, но, когда один из нелюдей отозвался, осознала свою ошибку: это был эльфийский, какой-то незнакомый Элси диалект. Грин говорил на нем бегло, и я ничего из сказанного не разобрала, а в ответе эльфа поняла одно слово: «человек».

Доктор усмехнулся.

– Ну и ладно, – прошептал еле слышно.

Обсидиановый скальпель взмыл в воздух и завис над раненым.

Глава 14

Стоя ближе – наверное, смогла бы, даже при своих скудных познаниях, оценить мастерство хирурга-телекинетика, а так видела лишь мелькавшие над эльфом инструменты и через несколько минут перестала воспринимать это как нечто необыкновенное. Мне не хватало спецэффектов. Искр и сияния, стремительных росчерков черного скальпеля, ритмичных щелчков щипцов и зажимов, танца фарфорового лотка, подхватывающего в воздухе испачканные в неприкосновенной крови комочки марли. Или хотя бы намек на то, что стоящий рядом с операционным столом человек управляет всем этим действием.

Грин не шевелился. Не размахивал руками. Не вращал вытаращенными глазами. Но он вел эту операцию, один, без ассистентов. Расчищал рану, убирал кровь, вырезал вгрызшийся в плоть металлический стержень...

Но я этого не видела.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем я поняла, что просто не вижу того, ради чего собрались остальные. Они не смотрели на летающие инструменты – они наблюдали истинное чудо.

Лицо Оливера оставалось серьезно и сосредоточенно, но глаза выдавали почти детский восторг. Леди Пенелопа шурилась, то напряженно, то одобрительно. Кленси глядел преувеличенно равнодушно. Миссис Ридли, старшая сестра, поддерживала под локоть незнакомую мне девушку. Видимо, привела посмотреть на доктора-чудотворца. Та и смотрит – с немым обожанием, широко распахнув зеленые глазки. Накручивает на палец медный локон, а с губ, кажется, вот-вот сорвется: «Доктор, я ваша навеки!»...

Так обидно стало. Зачем леди Райс позвала меня сюда? Все равно что привести глухого в оперу, да еще и усадить спиной к сцене, надеясь, что по выражению лиц других зрителей он сумеет понять суть постановки.

Захотелось уйти, но незаметно проскользнуть мимо стола мне не удалось бы, и я осталась. Наблюдала за слаженной работой инструментов. Видела, как толстые щипцы под дружный вздох извлекли из груди эльфа болт. Как засуетились над разрезом зажимы и пинцеты с тампонами. С раздражением, замешанным на зависти, вглядывалась в лица присутствующих. Леди Райс, Оливер, доктор Стоун, Кленси, операционная сестра, не помню ее имени, миссис Ридли, восторженная рыжеволосая девица. И наконец остановила взгляд на Эдварде Грине.

Он все еще пугал меня, но сейчас этот страх затерялся в волнах других эмоций, и я, осмелившись посмотреть в его лицо, не отвела тут же глаз. Разглядывала его и пыталась понять, что же в нем такого ужасного. Да, не красавец, но и не урод: худое вытянутое лицо с тонким хищно изогнутым носом и постоянно прищуренными, то внимательно, то насмешливо, глазами, исчерченный мелкими морщинками лоб, густые русые волосы, местами уже высеребрённые сединой, – ничего страшного или отталкивающего. Особенно сейчас, когда выражение презрительной брезгливости исчезло с лица, на лбу выступили бисеринки пота, а глаза блестят от слез, которые он боится сморгнуть, чтобы не потерять контроль над происходящим...

Мне не дано было видеть магию, но я видела, что Грин напряжен до предела, и испугалась, представив, что произойдет, не выдержит ли он этого напряжения. Буйное воображение нарисовало картину апокалипсиса, начавшегося со смерти доктора от острой сердечной недостаточности. Далее по сюжету умирал недоспасенный лорд, начиналась бойня между эльфами и персоналом больницы, а затем локальный конфликт перерастал в новую войну между двумя народами, не так уж давно, по меркам мировой истории, примирившимися. Когда Грин пошатнулся и невысоко взмахнул рукой, удерживая равновесие, показалось, что у моих фантазий есть все шансы сбыться.

Это случилось на завершающей стадии операции, и на доктора никто не смотрел – всех интересовал эльф, которого штопали сразу три иглы, а вокруг бабочкой порхали загнутые хирургические ножницы, обрезавшие лишние нитки. Грин торопился закончить, пока еще хватало сил. Когда был сделан последний стежок, завязан последний узел и ножницы в последний раз звякнули у груди пациента, целитель отвернулся от стола и направился к окну, хрипло бросив через плечо:

– Повязку сами.

Прижался лбом к стеклу.

Эльфы отмерли. Засуетились люди. Доктор Кленси и леди Райс подсказывали эльфам, как правильно обработать шов и наложить повязку. Остальные направились к выходу: спектакль закончен, и можно не дожидаться, когда исполнитель главной роли выйдет на поклон.

Мне не нравился Эдвард Грин, но подобное отношение со стороны недавних восторженных зрителей покорило. Может, еще рано говорить об успехе? Нет, будь так, медики не выглядели бы настолько спокойными, да и эльфов, похоже, уже не тревожила судьба сородича. Они переложили посла на носилки и утащили в неизвестном направлении, кровь тщательно вытерли, а использованную ветошь унесли с собой. Оливер вышел, беседуя с одним из нелюдей, и в их разговоре не слышалось волнения. Леди Райс пригласила доктора Стоуна на чай. Кленси не позвали, и он ушел один – к своим котяткам. Сестры собрали инструменты...

Вскоре в операционной остались только мы с Грином.

Понятия не имею, что заставило меня подойти к нему.

– Доктор, я могу чем-нибудь помочь?

Он обернулся. Посмотрел на меня, и бессознательный ужас зашевелился под кожей, восторжив волосы на руках.

– Анабель...

– Элизабет, – поправила я.

Внезапно Грин сцапал меня за воротник и притянул к себе.

– Начхать, кто ты, – прошипел мне в лицо. – Найди Анабель и скажи, что мне нужен кофе.

– Анабель нет, – прошептала я. – Она же уехала...

– Уехала, – он отпустил меня, посмотрел задумчиво на свою руку: пальцы заметно дрожали. – А кофе?

Голос его звучал растерянно, а в глазах отразилась такая обида – на меня, на Анабель, на весь этот мир, воспротивившийся тому, чтобы он получил заслуженную порцию бодрящего напитка, – что я решилась на еще большую глупость.

– Я могла бы сварить, если вы не против.

Стоило вспомнить, куда ведут благие намерения...

В следующее мгновение я узнала две вещи. Во-первых, не только ректор умел без подготовки открывать порталы и втягивать в них неразумных девиц. Во-вторых, человек способен чувствовать, как у него на коже проступают синяки: Грин стиснул мое плечо так, что отпечатки его пальцев обеспечат мне долгую память о сегодняшнем дне.

– Всё там, – в своем кабинете он толкнул меня к столику у окна, где расположилась спиртовка с латунной джезвой. Рядом стояли чашки и банка с молотым кофе.

Не было разумных объяснений тому, что я не возмутилась подобной бесцеремонностью и не ушла, хлопнув дверью. Словно сомнамбула зажгла трясущимися руками спиртовку, отмерила кофе, налила воды из кувшина...

В горле першило. Запах кофе – обожаемого кофе! – вызывал тошноту. Рубашка прилипла к спине, а пальцы стали холодными и влажными. Я перелила напиток в чашку и, рискуя разбить ее, донесла до стола доктора. Поставила рядом сахарницу.

Желудок скрутил болезненный спазм, но это мелочи в сравнении с ненавидящим взглядом Грина.

– Что за дрянь? – прорычал он, пригубив кофе. – Он несладкий!

– С-сахар перед вами...

– И что? Я должен сам положить его в чашку? – Грин почернел от злости... или у меня потемнело в глазах. – Идиотка! Какого ты пришла, если ничего не можешь? – он схватил чашку и швырнул в стену за моей спиной. – Вон!

Дверь я нашла на ощупь.

Вышла в коридор и, медленно переставляя ставшие ватными ноги, добрела до кабинета наставницы.

– Элизабет! – леди Пенелопу я уже не видела, только слышала ее голос. – Куда вы пропали? Милорд Райхон вас обыскался.

– Доктор Грин. Кофе... я сварила... дрянь...

Ничего больше я сказать не успела. Пол исчез из-под ног, и я провалилась в пустоту, чтобы, испытав секундную легкость полета, упасть в серый песок.

Серый песок, серое небо без солнца, холод и пустота.

Благие намерения, как и положено, привели в ад.

Страшно было лишь поначалу. С каждой безрезультатной попыткой вырваться из пространства паника ослабевала, уступая место безразличию. Подумаешь, пусто и солнца нет. Зато не орет никто, ноги не дрожат и желудок не пытается вывернуться наизнанку. Не был бы песок таким холодным и колючим, как тертое стекло, можно было бы прилечь и вздремнуть. Но если сесть и уткнуться лбом в коленки, тоже неплохо...

– Не спите, – строго произнес у меня над ухом знакомый голос.

Чуть раньше я ему обрадовалась бы, но сейчас он не вызвал никаких эмоций, как и обнявшая меня за плечи рука. Хотя нет, рука была теплая.

– Элизабет!

– Да, милорд, – пробормотала я.

– Нельзя спать. Возвращайтесь.

– Не получается, – я удобнее устроилась на любезно подставленном ректором плече. – Можете снова вытащить меня за голову? Только не дергайте сильно...

– Элизабет! – он затряс меня, но мог с тем же успехом баюкать на руках. – Я не могу вас вытащить. Я и нашел-то вас с трудом.

– Угу...

– Мисс Аштон, если вы немедленно не проснетесь, я подпишу приказ о вашем отчислении!

Это подействовало. Не как пощечина или ведро холодной воды, но подействовало.

– Не сплю, – я отстранилась от Оливера и заставила себя встряхнуться. – Уже не сплю, видите?

– Вижу. А вы меня?

Я посмотрела на сидящего рядом мужчину. Костюм, в котором он был с утра, галстук, туфли – одежду я могла разглядеть до мелочей. А лицо расплывалось, словно я смотрела на его отражение в воде.

– Вы слишком далеко забрались, Элизабет.

– Не знаю, как это получилось.

– Я, кажется, знаю. Вы были у доктора Грина?

– Он накричал на меня, – пожаловалась я. – Я ему кофе сварила, а он...

– Зачем вы к нему пошли? – с мягким укором спросил Оливер.

– Не знаю. Все ушли. Я подумала, что это неправильно, ведь он...

– Провел сложнейшую операцию. Устал и обессилен, а эмоциональное состояние при истощении довольно нестабильно. Грин работает в лечебнице не первый год, и персонал в

курсе, что в таких случаях его лучше не беспокоить какое-то время. Леди Пенелопа не предупредила вас потому, что ей и в голову не пришло, что вы окажетесь такой сострадательной.

– Он на меня наорал, – повторила я.

– И сожалеет об этом.

– Он так сказал?

– Нет, но я бы сожалел.

– Вы в жизни, наверное, ни на кого голос не повысили.

– Почему же? – Оливер улыбнулся, и по его лицу вновь прошла мелкая волна. – Бывало.

И сейчас иногда хочется. Но я не могу себе этого позволить.

– Репутация? – если бы разговор происходил в его кабинете, я не решилась бы задавать такие вопросы, еще и таким тоном, но тут это казалось вполне допустимым.

– Дар. Если на вас накричит целитель – это испортит вам настроение, но не жизнь. Если специалист по проклятиям пошлет вас к демонам – даже не знаю, где вы можете оказаться.

– Сюда меня отправили не вы, а именно добренький целитель!

– Сюда вы отправили себя сами, Элизабет.

– Нет, я... Грин накричал на меня, мне стало плохо...

– После того как он накричал на вас, или еще до этого?

– До, – призналась я.

– Но вы не связали свое состояние с присутствием доктора?

– Связала.

Его лицо смазлось набежавшей рябью, но можно представить, как он посмотрел на меня после этого признания.

– Почему вы не ушли? Есть же инстинкт самосохранения, в конце концов!

Есть. У нормальных людей.

На счастье, ректор решил, что я и так наказана за глупость, и не продолжал эту тему.

– Тут неудобно, мисс Аштон. Не уверен, что долго продержусь. Возвращайтесь.

– Куда?

– В себя. Вы лежите на кушетке у леди Пенелопы, а я сижу рядом на стуле, и, если посижу еще немного, спина и ноги совсем затекут. А мне завтра практику на полигоне проводить.

– По темным материям на полигоне? – не поверила я.

– Где же еще отрабатывать защиту от проклятий-ловушек? Вам бы понравилось: у тех, кто не справится с защитой, отрастут хвосты, и придется ходить с ними до конца недели. Но давайте я расскажу вам об этом, когда вернемся?

– Давайте, – согласилась я.

Хвосты – это мило. Пусть даже их временные носители так не думают.

– Элизабет, – Оливер требовательно потянул меня за руку. – Сконцентрируйтесь. Вспомните, как вы сюда пришли.

– Я не шла, я... Понятия не имею, что случилось. Вы говорили, что знаете.

– Догадываюсь, – поправил он. – Думаю, вы попали под возвратную волну.

– Откат? – переспросила я, используя распространенный в обиходе термин. – Но я ничего не делала.

– Вы попали под чужую волну. Чувствовали ведь, что вам не нужно находиться рядом с Грином?

При каждой встрече с ним чувствую...

– Я читал ваше личное дело, – продолжал Оливер. – Уровень эмпатического восприятия у вас в пределах нормы, согласно проведенным в прошлом году тестам. Но стоит повторить их сейчас. Думаю, из-за потери способностей вы лишились естественной защиты, и находиться в зоне применения чар четвертого, а то и пятого уровня для вас опасно. В процессе обучения редко практикуются плетения выше третьего, а на операции был полный шестой и седьмой на

отдельных этапах. Откат должен был быть мощнейший, и, если вы частично приняли на себя негатив, неудивительно, что вам стало плохо.

– Частично?

– Основной удар принимает маг, создавший изначальные заклинания. Но обычно он переносит это легче, ведь возвратная энергия имеет ту же природу, что и использованные чары.

Вроде бы логично: откат, отсутствие защиты. Но это не объясняет, почему меня с первой встречи угнетает и пугает присутствие Грина.

Или объясняет? Если в академии никто кроме целителей не использует магию выше третьего-четвертого уровня, то никто кроме целителя и не вызвал бы у меня таких эмоций. Леди Пенелопу я в деле не видела, а во время обходов она пользовалась артефактами, снижающими степень собственного воздействия мага и, соответственно, силу отката. Но у Грина я ничего подобного не заметила, и, если предположить, что он всегда работает без вспомогательных средств, можно списать производимое им впечатление на мой повышенный уровень эмпатии и помянутый Оливером инстинкт самосохранения.

Но не постоянно же Грин под негативом? Не работает же он денно и нощно?

– Элизабет, – Оливер с силой встряхнул меня за плечи. – Нельзя спать! Если уснете, можете не проснуться. Ни здесь, ни где-либо еще. Возвращайтесь.

– Как? Вы так и не объяснили, каким образом я сюда попала.

– Предполагаю, вы тут спрятались. От неприятных ощущений, от напугавшего вас Грина. И именно страх мешает вам вернуться. У вас сложилось не лучшее впечатление о докторе, но попробуйте его пересмотреть. Часто мы составляем мнение о людях, не зная их. Например, еще недавно на вопрос о некой Элизабет Аштон я ответил бы, что это одна из самых проблемных студенток, вздорная и легкомысленная. Но вы доказали, что можете принять ответственность за свои ошибки, быть серьезной и целеустремленной...

– Значит, вы больше не считаете меня взбалмошной дурочкой?

– Дурочкой, мисс Аштон, я вас никогда не считал.

Этого хватило, чтобы стряхнуть прилипчивую паутину сна.

– Я вернусь, – пообещала я. Сжала его ладонь, но вместо живого тепла почувствовала холод песка, утекающего сквозь пальцы...

Нет! Почему сейчас?!

Вскочив, я топнула в сердцах ногой, и та увязла по колено. А когда я попыталась вырваться – почувствовала, что проваливаюсь в разверзшуюся подо мной дыру. Задержала дыхание...

...и с удивлением поняла, что стою на твердом полу.

Открыла глаза.

Вместо серой пустыни вокруг была темнота. Такая плотная, знакомая...

И луч света – только не сверху, а снизу, как будто кто-то открыл в полу люк.

Я осторожно приблизилась к источнику света.

Точно люк!

А внизу...

Дыхание перехватило, когда я узнала лестницу на чердак, кусочек выложенного грязной плиткой пола, деревянные перила и уходящие вниз ступеньки.

Дом! Мой дом!

– Опять? – сердито прошелестела тьма.

Порыв ветра с грохотом захлопнул крышку люка и сбил меня с ног. Но удара о пол я не почувствовала – упала на что-то мягкое...

– Я же говорил, что вы выберетесь.

Лица сидевшего рядом Оливера я не видела, хоть мы и находились уже не в подпространстве: навернувшиеся на глаза слезы растворили мир вокруг.

Я не выбралась. Я все еще здесь.

– Теперь можно спать, милорд?

– Нужно. Я должен уйти, но скоро вернусь. Если хотите...

Я ничего не хотела – только бы он не отпускал моей руки, пока я не усну.

Не отпустил...

Пробуждение было менее приятным, и дискомфорт я почувствовала еще до того, как открыла глаза. Попыталась сесть, но слабость и головокружение толкнули меня на кушетку.

– Занятно, – произнес надо мной хриплый голос. – Какие нынче барышни чувствительные. Как вы живы-то еще, эмпатичная наша?

– Вашими молитвами, – пробурчала я.

Собравшись с силами, села и отодвинулась подальше от с любопытством разглядывающего меня Грина. Кто его позвал? Леди Пенелопа? Оливер решил проконсультироваться со специалистом?

Ни ректора, ни наставницы в комнате не наблюдалось.

– К вашей гиперчувствительности я непричастен, так что извинений не ждите, – заявил доктор. – Если ума не хватило определить источник негатива и держаться от него подальше – сами виноваты. За грубость, так и быть, простите. Но при вашем уровне эмпатии следовало бы понимать, когда человек не расположен к общению, и не навязываться со своим дурацким кофе.

Что? Я навязывалась?

– Дышите ровнее, мисс Аштон, – посоветовал Грин. – Раз, два – вдох, три, четыре – выдох. Других рекомендаций пока не дам. Скажу только, что чувствительность у вас, скорее всего, к видам воздействия, связанным с отдачей жизненной энергии. Поэтому к некромантам и целителям, когда те работают, лучше не приближаться. Я скажу леди Райс, что ваше присутствие в лечебнице нежелательно. Или же пусть держит вас в кабинете и берет с собой только в тех случаях, когда не планируется использование чар выше третьего уровня.

– Милорд Райхон говорил, до четвертого можно, – вставила я, исключительно чтобы не соглашаться.

– Милорду Райхону, конечно, виднее, – скривился целитель. – Но если планируете постоянно проваливаться на подуровень в критические моменты, оформите завещание. Единственный известный мне человек из тех, что увлекались работой в подпространстве, умер в возрасте двадцати семи лет от кровоизлияния в мозг.

– Мне двадцать.

– И жизнь уже наскучила? Что вы пререкаетесь все время?

– Я...

– Понятно, – Грин сцепил пальцы в замок и вывернул с мерзким хрустом. – Вы постоянно это чувствуете, когда я рядом?

– Нет.

– Не врать. В глаза смотрите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.